

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



45 2025
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (596) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Леонард Эйлер* (1707–1783), швейцарский, прусский и российский математик и механик.

Леонард Эйлер родился в семье базельского пастора Пауля Эйлера, который мечтал, что сын пойдет по его стопам. Вот только мальчика больше интересовали цифры. В результате отец, сам увлекающийся математикой, стал первым учителем сына. Однако вскоре он понял, что его знаний не хватает для полноценного обучения Леонарда. Тогда он познакомил сына со своим другом — великим математиком Иоганном Бернулли. Ученый был поражен талантом юноши и стал его наставником. Уже в 13 лет Эйлер поступил в Базельский университет, а спустя три года получил степень магистра философии. Отец продолжал настаивать на богословской карьере сына, и Леонард начал изучать теологию, греческий и иврит. Однако душа юноши тянулась к науке, а не к религии.

Двадцатилетний Эйлер по приглашению сына своего учителя — Даниила Бернулли — отправился в Санкт-Петербург. Там он поступил на службу лейтенантом-медиком в русский флот. В 1730 году юноша стал профессором физики в Петербургской академии наук, а спустя еще три года возглавил там кафедру математики.

В этот период Эйлер написал свой учебник «Механика», в котором представил ньютоновскую динамику в форме математического анализа. Тогда же он создал новые математические дисциплины: теорию чисел, вариационное исчисление, теорию комплексных функций, дифференциальную геометрию поверхностей.

Эйлер считал, что музыка помогает математическому мышлению. Он сам играл на флейте и скрипке. Кроме того, он работал над теорией движения Луны. Это было затруднительно из-за проблемы трех тел — взаимодействия Солнца, Луны и Земли, — которая не решена до сих пор. Однако частичное решение Леонарда помогло британскому Адмиралтейству в расчете лунных таблиц, что позже позволило определять долготу в море.

В 1735 году, в 28 лет, Эйлер тяжело заболел и практически ослеп на один глаз. Врачи говорили, что всему виной переутомление от постоянных вычислений. Но это не остановило математика.

В 1736 году ученый работал над проблемой семи мостов Кенигсберга. Задача заключалась в том, чтобы найти путь, который бы проходил по каждому из семи мостов Кенигсберга только один раз. Для решения этой задачи он придумал новый подход — математическую модель, пред-

ставляющую Кенигсберг и его мосты в виде графа. На основе этого он разработал «круги Эйлера» — замкнутые пути в графе, которые проходят по каждому ребру только один раз.

С 1741 года по приглашению прусского короля Фридриха II математик переехал в Берлин, где двадцать пять лет проработал в Берлинской академии. Именно там Леонард разработал современное понятие функции — «когда некоторые количества зависят друг от друга таким образом, что при изменении последних и сами они подвергаются изменению, то первые называют функцией вторых». Тогда же Эйлер ввел обозначение $f(x)$, придумал символы Σ (сумма) и e (основание натурального логарифма). И именно Леонард доказал знаменитое тождество $e^{i\pi} + 1 = 0$, которое называют самой красивой формулой в математике.

В 1766 году Леонард Эйлер вернулся в Санкт-Петербург. В это время его катаракта прогрессировала и вскоре полностью лишила математика зрения. Однако и это не остановило Эйлера. Он продолжал работу — его сын и ученики записывали материал под диктовку. Так, в 1772 году слепой Леонард в уме выполнил расчеты для новой теории движения Луны; сейчас этим занимается компьютер.

Эйлер активно трудился до последних дней. В сентябре 1783 года 76-летний учёный стал ощущать головные боли и слабость. 7 сентября после обеда, проведенного в кругу семьи, беседуя с академиком А. И. Лекселем о недавно открытой планете Уран и ее орбите, он внезапно почувствовал себя плохо. Эйлер успел произнести: «Я умираю» и потерял сознание. Через несколько часов, так и не приходя в сознание, он скончался от кровоизлияния в мозг.

«Он перестал вычислять и жить», — сказал Кондорсе на траурном заседании Парижской академии наук.

Великого математика похоронили на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге. На гранитном надгробии есть надпись на латинском языке: «Леонарду Эйлеру — Петербургская академия» (лат. Leonhardo Eulero — Academia Petropolitana).

Сегодня именем Леонарда Эйлера названо число $e \approx 2,71828$ — основание натуральных логарифмов; постоянная Эйлера — Маскерони $\gamma \approx 0,5772$; уравнение Эйлера — Бернулли — основа строительной механики; множество формул, теорем и тождеств. Его имя носит также кратер на Луне и астероид.

Информацию собрала ответственный редактор

Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Подольская Т. С.

Актуальные аспекты совершенствования законодательства об административной ответственности..... 211

Рамазанова М. Э.

Процедуры банкротства: проблемы правового регулирования 215

Рудь Ю. А.

Права ребенка в семейном праве и аспекты их осуществления 218

Рыженкова Е. В.

Следователь в уголовном судопроизводстве: задачи и функции 220

Сергеенко А. Е.

Правовые фикции в конструкции виндикации: понятие, виды и учет при защите права собственности..... 222

Сергеенко А. Е.

Пределы применения виндикации к бездокументарным ценным бумагам и цифровым объектам..... 225

Силаева А. А., Койше Д. О.

Злоупотребление процессуальными правами в административном судопроизводстве 227

Стародубцев Е. Э., Генин В. Н.

Снимок экрана (скриншот), электронная переписка и другие электронно-цифровые материалы как доказательства в гражданском судопроизводстве 228

Стрельников Н. А.

К вопросу о правовых основах деятельности финансовых органов субъектов Российской Федерации 231

Стругач С. А.

Хроника судебной реформы в России в 1990–2000-е годы: этапы преобразований и их итоги 235

Тепляшин Р. А.

Способы защиты прав потребителей при заключении и исполнении договоров 238

Уханов М. С.

Правовые основы ограничения социально-экономических прав и свобод человека и гражданина 241

Филиппова В. В., Погребная Е. О.

Проблемы правового регулирования оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации..... 243

Хадеев И. А.

Адаптация правосознания личности на новых территориях Российской Федерации 245

Хадеев И. А.

Формирование правовой идентичности и повышение правовой культуры населения на новых территориях Российской Федерации 247

Хохлюк И. С.

Личность преступника, совершившего разбойное нападение 250

Чехова В. А.

Дискуссионные вопросы стадии возбуждения уголовного дела 252

Шкатула К. В.

Проблемы регулирования административной ответственности за нарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность..... 256

Шкатула К. В.

Субъект и субъективная сторона в делах о правонарушениях против общественного порядка и общественной безопасности: общие и специальные случаи..... 259

Юсупова М. М.

Понятие качества и общие требования к нему в условиях российского рынка 261

Яров М. К.

Процессуальные нарушения на стадии подготовки гражданского дела: последствия и способы устранения 264

Ярышева В. В.

Процессуально-правовые особенности законодательства, регулирующего жилищные правоотношения 266

Ярышева В. В.

Особенности доказывания по жилищным
спорам 269

ПОЛИТОЛОГИЯ**Ван Чжунцзюнь, Чжан Ицунь**

Глубокие движущие силы
и институциональные меры противодействия
деглобализации 272

Малаховский Р. А., Карташов И. Н.

Социальные сети как инструмент «мягкой
силы» в современной геополитике 273

СОЦИОЛОГИЯ**Афанасьева П. В.**

Практики формирования коммуникативного
пространства региона 276

Ибрагимов Б. Р.

Китайская политика «Одна семья — один
ребенок» 278

Ильина Д. Д., Забиран В. А.

Этика отношений в социальных сетях: анализ
роли и актуальных проблем 280

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Актуальные аспекты совершенствования законодательства об административной ответственности

Подольская Татьяна Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются актуальные проблемы и перспективы реформирования законодательства об административной ответственности в Российской Федерации. Рассматриваются ключевые инициативы, озвученные в научном сообществе, проблемы правоприменения регионального законодательства, а также новые ориентиры, заданные Концепцией совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года. Автор приходит к выводу о необходимости комплексного подхода, сочетающего либерализацию ответственности для добросовестных субъектов, повышение квалификации правоприменителей и устранение регуляторной конфликтности между федеральным и региональными уровнями власти.

Ключевые слова: административная ответственность, КоАП РФ, реформа контрольной деятельности, региональное законодательство, правоприменение, правоохранительная функция, юридическое лицо, законность.

Current aspects of improving legislation on administrative liability

Podolskaya Tatyana Sergeevna, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article analyzes current challenges and prospects for reforming the legislation on administrative liability in the Russian Federation. It examines key initiatives proposed by the scholarly community, issues with the enforcement of regional legislation, and new benchmarks set by the Concept for Improving Control (Supervisory) Activities until 2026. The author concludes that a comprehensive approach is necessary, one that combines the liberalization of liability for bona fide entities, enhancing the qualifications of law enforcement officials, and eliminating regulatory conflicts between the federal and regional levels of government.

Keywords: administrative liability, Code of the Russian Federation on Administrative Offences (CoAP RF), reform of control activities, regional legislation, law enforcement, law enforcement function, legal entity, legality.

Институт административной ответственности представляет собой один из наиболее масштабных и динамичных сегментов российской правовой системы. Выступая в качестве инструмента обеспечения правопорядка в ключевых сферах публичного управления, он непосредственно затрагивает интересы как граждан и бизнеса, так и государства в целом. Однако именно его масштаб и динамика стали источником системных проблем, которые всё чаще становятся предметом критического осмысления в научной среде и поводом для законодательных инициатив.

Актуальность темы обусловлена накопленной за более чем двадцатилетний период действия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) правоприменительной практикой, выявившей его концептуальные и технические недостатки. Параллельно с этим сохраняется напряженность

в сфере разграничения полномочий между федеральным центром и регионами, а также набирает обороты реформа контрольной (надзорной) деятельности, не учитывая которую при совершенствовании административно-деликтного права невозможно.

Целью настоящей статьи является многоаспектный анализ современных векторов совершенствования законодательства об административной ответственности через призму федеральных и региональных проблем, а также новых государственных стратегий в данной области. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

- 1) проанализировать системные недостатки действующего КоАП РФ и предложения по его фундаментальной реформе;
- 2) исследовать коллизионные проблемы регионального законодательства и механизмы их преодоления;

3) оценить перспективы, открываемые Концепцией совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года;

4) сформулировать комплексные предложения по синхронизации усилий в рамках реформы административной ответственности.

Методологическую основу исследования составили анализ и синтез научных публикаций, нормативно-правовых актов и судебной практики, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

1. Кризис кодификации: системные проблемы КоАП РФ и пути их преодоления

Принятый в 2001 году КоАП РФ изначально задумывался как акт, призванный унифицировать и систематизировать многочисленные нормы об административной ответственности. Однако, как верно отмечает А. С. Кошель, к 2019 году Кодекс претерпел более 3000 изменений, что де-факто означает его постоянную и зачастую бессистемную «латиницу» [1, с. 100]. Количество составов административных правонарушений превысило 1500, а их рассмотрение распределено между 58 органами государственной власти. Подобная фрагментарность создает непрозрачную и громоздкую систему, затрудняющую как правоприменение, так и восприятие закона субъектами права.

Одной из ключевых технико-юридических проблем является перенасыщенность КоАП РФ бланкетными нормами. Отсылка правоприменителя к многочисленным иным нормативным актам, которые к тому же часто изменяются, ставит качественное и единообразное применение закона в прямую зависимость от уровня юридической грамотности и осведомленности конкретного должностного лица. Значительная часть правоприменителей — сотрудники органов внутренних дел и различных надзорных служб — зачастую не обладают достаточными познаниями во всем массиве смежного законодательства, что приводит к ошибкам, волоките и нарушениям прав граждан и организаций.

Более глубокая, концептуальная проблема заключается в доминировании карательной функции над правоохранительной и превентивной. Как указывает А. С. Кошель, на практике нередки случаи, когда привлечение к ответственности происходит по формальному составу, без установления реальной вины и причинно-следственной связи [1, с. 102]. Это особенно ярко проявляется в сфере ответственности юридических лиц, где за одно и то же деяние может быть наказано и само юридическое лицо, и его должностное лицо, причем последнее — даже если объективно не имело возможности предотвратить правонарушение. Подобный подход не только создает избыточное административное давление на бизнес, но и дискредитирует саму идею справедливости правоприменения.

Усугубляет ситуацию существование в ряде ведомств так называемых «показателей эффективности», выра-

женных в количестве составленных протоколов и привлеченных к ответственности лиц. Несмотря на декларируемую цель — борьбу с коррупцией и пассивностью чиновников, — на практике такая система стимулирует правоохранительный и надзорный произвол, порождая «охоту за статистикой» в ущерб качеству и обоснованности принимаемых решений.

В этой связи в научной и экспертной среде выдвигаются конкретные предложения по реформе:

- принятие новой кодифицированной редакции КоАП РФ. Речь идет не о точечных исправлениях, а о глубокой переработке Кодекса, его структуризации, исключении устаревших и дублирующих составов, унификации санкций. Это позволило бы создать логичный, непротиворечивый и удобный для применения акт;

- закрепление на законодательном уровне четкой категории вины юридического лица. Необходимо разработать и внедрить в КоАП РФ доктринальные основания для разграничения вины организации и ее должностных лиц, исключив ситуацию двойного наказания за одно деяние и установив критерии, при которых организация может быть освобождена от ответственности, если ею были приняты все зависящие меры для соблюдения правил и норм;

- либерализация ответственности за правонарушения, совершенные впервые. Для целого ряда малозначительных составов, не связанных с существенной угрозой общественной безопасности, предлагается ввести институт предупреждения или иной формы смягченной ответственности за первичное нарушение. Это позволило бы сместить акцент с наказания на предупреждение, дать субъекту права возможность исправиться без применения обременительных санкций и разгрузить аппарат правоприменителей;

- повышение профессионального уровня правоприменителей. Одной из наиболее перспективных инициатив является предложение о введении специального квалификационного экзамена для должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы и рассматривать дела об административных правонарушениях [1, с. 103]. Прием такого экзамена мог бы быть возложен на профессиональное сообщество, например Ассоциацию юристов России, что обеспечило бы независимую оценку знаний и повысило бы как ответственность самих правоприменителей, так и доверие к ним со стороны общества.

2. Региональный аспект: коллизии законодательства и поиск баланса полномочий

В соответствии со статьей 72 Конституции РФ, административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Это право было активно использовано регионами после принятия КоАП РФ 2001 года, что привело к созданию обширного массива региональных законов об административных правонарушениях.

Однако, как демонстрируют в своем исследовании К. А. Султанов и П. В. Устинов, данный процесс сопровождался значительными перекосами. Региональные власти, стремясь решить актуальные проблемы на своей территории, зачастую возлагали обязанности по составлению протоколов по самым разнообразным составам (от правил содержания домашних животных до благоустройства и ответов на обращения депутатов) на сотрудников полиции [2, с. 2–3]. В целом по стране было выявлено свыше 800 подобных норм, не соответствующих основным направлениям деятельности полиции, определенным Федеральным законом «О полиции».

Правовая неопределенность была разрешена судебной практикой. Верховный суд РФ в своих определениях (например, от 14.08.2013 № 78-АПГ13-15 и от 13.11.2013 № 91-АПГ13-2) четко указал, что законодатель субъекта РФ не вправе напрямую наделять должностных лиц органов внутренних дел (полиции) полномочиями по возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных региональным законом [2, с. 3]. Суд обосновал это тем, что полиция является частью федеральной системы МВД России и не входит в систему исполнительной власти субъекта РФ. Иное толкование означало бы превышение субъектом своих нормотворческих полномочий.

Ответом законодателя на эту проблему стало внесение в 2014 году изменений в КоАП РФ (Федеральный закон от 21.07.2014 № 247-ФЗ), которые дополнили часть 6 статьи 28.3 Кодекса. Данная норма установила, что протоколы о правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ и посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, могут составляться должностными лицами полиции только в случае, если это предусмотрено соглашениями, заключенными между МВД России и высшим исполнительным органом государственной власти субъекта.

Несмотря на созданный правовой механизм, его реализация натолкнулась на ряд практических трудностей, которые отмечают авторы:

- необязательность заключения соглашений. Регион вправе, но не обязан заключать такое соглашение, что создает правовые пробелы в охране общественного порядка по отдельным региональным составам;
- выход за рамки предмета соглашения. В проекты соглашений нередко включались составы, не имеющие прямого отношения к общественному порядку и безопасности (например, нахождение несовершеннолетних в ночное время без сопровождения родителей или их законных представителей);
- размытость формулировок в региональных законах. Использование оценочных категорий («явное неуважение», «нарушение условий проживания в семье») создает конкуренцию с федеральными составами (оскорбление, мелкое хулиганство, повреждение имущества) и порождает проблемы квалификации [2, с. 4];
- отсутствие финансового обеспечения. Проекты соглашений часто не содержат порядка финансирования пе-

редаваемых полномочий, что нарушает базовые принципы разграничения полномочий между уровнями власти.

Таким образом, для гармонизации регионального законодательства необходима не только техническая правка соглашений, но и глубокая «инвентаризация» самих региональных кодексов и уставов об административных правонарушениях, их очистка от несвойственных полицией полномочий и приведение в соответствие с федеральными стандартами.

3. Новая парадигма контроля: влияние Концепции-2026 на административную ответственность

В декабре 2023 года Правительство РФ утвердило Распоряжением № 3745-р Концепцию совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года (далее — Концепция-2026) и план-график по ее реализации. Этот документ задает новые стратегические ориентиры для всей системы государственного контроля, которые напрямую влияют и на институт административной ответственности.

Концепция-2026 основана на нескольких ключевых принципах, которые коррелируют с обсуждаемыми проблемами КоАП РФ:

- приоритет профилактики над наказанием. Документ прямо провозглашает смещение акцента с фиксации нарушений и применения санкций на их предупреждение. Это полностью согласуется с предложениями о либерализации ответственности за первичные нарушения и введении института предупреждения. Идея состоит в том, чтобы помочь добросовестному субъекту исправиться, а не сразу наказывать его;
- внедрение риск-ориентированного подхода. Контрольные мероприятия должны быть сфокусированы на объектах с высоким риском причинения вреда, в то время как для добросовестных субъектов с низким риском административная нагрузка должна быть минимизирована. Это требует от законодателя пересмотра составов правонарушений и санкций с точки зрения их потенциальной опасности, а от правоприменителя — более высокого уровня аналитической работы;
- цифровизация и прозрачность. Широкое использование информационных технологий, создание единых цифровых платформ для взаимодействия с контролируруемыми субъектами и открытость данных должны снизить коррупционные риски и субъективизм в правоприменении. В перспективе это может привести к появлению практики электронных административных дел;
- повышение профессионализма контрольно-надзорных органов. Концепция-2026 предполагает разработку и внедрение единых стандартов подготовки и оценки квалификации сотрудников. Это создаст благодатную почву для реализации инициативы о введении специального квалификационного экзамена для правоприменителей в сфере административной ответственности.

Таким образом, Концепция-2026 создает мощный идеологический и организационный фундамент для реформы КоАП РФ. Многие предложения, звучавшие ранее на уровне научных дискуссий, теперь получают статус официального курса государственной политики. Задача законодателя и правоприменителя — обеспечить их адекватную имплементацию в административно-деловое право.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современное законодательство об административной ответственности в России находится на переломном этапе. Накопившиеся системные проблемы на федеральном уровне, сохраняющиеся коллизии на региональном уровне и появление новых стратегических документов, задающих вектор развития, требуют комплексного и синхронизированного подхода к реформе.

Представляется, что дальнейшее совершенствование должно осуществляться по следующим взаимосвязанным направлениям:

1) фундаментальная ревизия КоАП РФ. Необходимо ускорить работу над новой, логически выстроенной и очищенной от наслоений редакцией Кодекса. В нее должны быть инкорпорированы принципы вины юридического лица, дифференциации санкций и приоритета профилактики;

2) гармонизация регионального законодательства. Субъекты РФ должны провести тщательный аудит своих

актов об административных правонарушениях, исключив нормы, не соответствующие их компетенции и дублирующие федеральные. Заключение соглашений с МВД России должно стать не формальностью, а осмысленным инструментом передачи только тех полномочий, которые напрямую связаны с охраной общественного порядка и безопасности;

3) институционализация профессиональных стандартов для правоприменителей. Идея введения квалификационного экзамена должна быть детально проработана и законодательно закреплена. Это повысит статус должностных лиц, применяющих КоАП РФ, и станет гарантией качества и единообразия правоприменительной практики;

4) синхронизация с реформой контрольной деятельности. Все изменения в КоАП РФ должны разрабатываться с оглядкой на принципы и положения Концепции-2026. Это обеспечит согласованность правового регулирования и позволит административной ответственности стать не карательным мечом, а эффективным инструментом обеспечения законности и правопорядка в условиях современного цифрового государства.

Проводимая реформа должна носить эволюционный, но последовательный характер, обеспечивая разумный баланс между интересами государства, бизнеса и общества и способствуя созданию благоприятного и защищенного правового климата в стране.

Литература:

1. Кошель А. С. Некоторые вопросы совершенствования отечественного законодательства об административной ответственности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2019. — № 3. — С. 100–104.
2. Султанов К. А., Устинов П. В. Актуальные вопросы совершенствования законодательства субъектов Российской Федерации об административной ответственности // Административное и муниципальное право. — 2018. — № 10. — [Электронный ресурс] URL: <https://colab.ws/articles/10.7256%2F2454-0595.2018.10.27499> (дата обращения: 04.11.2025).
3. Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2023 г. № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г. и плана-графика по ее реализации» // КонсультантПлюс. — [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465403/ (дата обращения: 08.11.2025).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — [Электронный ресурс] URL: <https://legalacts.ru/kodeks/KOAP-RF/> (дата обращения: 08.11.2025).
5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // КонсультантПлюс. — [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 08.11.2025).
6. Федеральный закон от 21.07.2014 № 247-ФЗ «О внесении изменения в статью 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальное опубликование правовых актов. — [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220041> (дата обращения: 08.11.2025).
7. Определение Верховного Суда РФ от 14.08.2013 № 78-АПГ13-15 // Сообщество юристов России. Кодексы и образцы договоров. — [Электронный ресурс] URL: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/78-апг13-15/ (дата обращения: 08.11.2025).
8. Определение Верховного Суда РФ от 13.11.2013 № 91-АПГ13-2 // КонсультантПлюс. — [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=365296#5rYDz1Vc1EixckRk> (дата обращения: 08.11.2025).
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. — [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.11.2025).
10. Данные судебной статистики. — [Электронный ресурс] URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 04.11.2025).

Процедуры банкротства: проблемы правового регулирования

Рамазанова Мерзият Эседуллаевна, студент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена анализу проблем, существующих в правовом регулировании процедур банкротства. Автор рассматривает основные недостатки законодательства, такие как сложность, противоречивость, несовершенство механизма определения несостоятельности, недостаточная эффективность процедур, недостаточная защита прав кредиторов, низкая прозрачность и доступность информации, а также отсутствие единых стандартов и практики. В статье подчеркивается важность совершенствования законодательства о банкротстве для повышения его эффективности и обеспечения справедливого распределения активов неплатежеспособных должников.

Ключевые слова: процедуры банкротства, правовое регулирование, проблемы, несостоятельность, кредиторы, должники, эффективность, прозрачность, стандарты.

Bankruptcy procedures: problems of legal regulation

The article is devoted to the analysis of the problems existing in the legal regulation of bankruptcy procedures. The author examines the main shortcomings of the legislation, such as complexity, inconsistency, imperfection of the mechanism for determining insolvency, insufficient effectiveness of procedures, insufficient protection of creditors' rights, low transparency and accessibility of information, as well as the lack of uniform standards and practices. The article emphasizes the importance of improving bankruptcy legislation to increase its effectiveness and ensure a fair distribution of assets of insolvent debtors.

Keywords: bankruptcy procedures, legal regulation, problems, insolvency, creditors, debtors, efficiency, transparency, standards.

Введение

Процедура банкротства является важным инструментом правового регулирования отношений в сфере экономики и предпринимательской деятельности. Данная процедура позволяет упорядочить взаимоотношения между должником и кредиторами, обеспечить защиту прав кредиторов, а также сохранить экономически целесообразные предприятия. Современное законодательство о банкротстве в Российской Федерации находится в процессе постоянного совершенствования, однако сохраняется ряд проблемных аспектов правового регулирования данной сферы.

Банкротство как правовая категория представляет собой признанную арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Сущность института банкротства заключается в защите прав и законных интересов кредиторов при неплатежеспособности должника, а также в сохранении экономически жизнеспособных предприятий путем реорганизации их деятельности.

Регулирование института банкротства осуществляется на основе Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который устанавливает общие правила проведения процедур банкротства в отношении юридических и физических лиц. Данный закон определяет основные принципы, условия и порядок осуществления процедур, связанных с банкротством должников.

Ключевыми целями института банкротства выступают:

- 1) справедливое удовлетворение требований кредиторов;
- 2) содействие восстановлению платежеспособности должника;
- 3) сохранение экономически эффективных предприятий;
- 4) предотвращение злоупотреблений со стороны недобросовестных должников. Таким образом, банкротство призвано обеспечивать баланс интересов должника, кредиторов и общества в целом.

Современные системы правового регулирования банкротства в разных странах имеют как общие, так и специфические черты. Так, в США действует Кодекс о банкротстве, который предусматривает две основные процедуры: реорганизацию (chapter 11) и ликвидацию (chapter 7). При этом значительная роль отведена саморегулируемым организациям арбитражных управляющих.

В странах Европейского Союза регулирование банкротства осуществляется на основе Регламента ЕС о трансграничной несостоятельности. Данный Регламент устанавливает единые правила определения юрисдикции и применимого права при банкротстве должников с активами в нескольких государствах-членах. Ключевой целью европейского законодательства является максимальное сохранение предприятия-должника путем его реорганизации [4, с. 16].

Опыт правового регулирования банкротства в Китае демонстрирует сочетание рыночных и социалистических подходов. Законодательство КНР о банкротстве преду-

сматривает несколько видов процедур, включая реструктуризацию, мировое соглашение и ликвидацию. При этом существенная роль отводится государственному вмешательству в целях сохранения социальной стабильности.

Изучение зарубежного опыта правового регулирования банкротства позволяет выявить ряд перспективных подходов, которые могут быть использованы при совершенствовании российского законодательства. К их числу можно отнести: усиление роли саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, повышение эффективности процедур реорганизации должников, а также расширение возможностей государственной поддержки при банкротстве социально значимых предприятий.

Одной из основных проблем правового регулирования банкротства в Российской Федерации является недостаточная эффективность механизмов предупреждения банкротства. Действующее законодательство предусматривает различные меры по предупреждению банкротства, такие как санация, финансовое оздоровление, внешнее управление. Однако на практике данные меры зачастую оказываются неэффективными, что приводит к существенным потерям для кредиторов и общества в целом.

Так, процедура финансового оздоровления предполагает реализацию комплекса мер, направленных на восстановление платежеспособности должника. Однако в большинстве случаев данная процедура не дает ожидаемых результатов, поскольку должники не заинтересованы в ее успешном завершении. Зачастую финансовое оздоровление используется должниками исключительно с целью оттягивания момента признания банкротом [7, с. 77].

Другой важной проблемой является неоднозначность правового статуса арбитражных управляющих. С одной стороны, арбитражные управляющие выступают в качестве независимых профессиональных участников процедур банкротства, призванных обеспечивать защиту прав кредиторов. С другой стороны, фактическая зависимость арбитражных управляющих от должника или крупных кредиторов снижает эффективность их деятельности и создает риски злоупотреблений.

Законодательство предусматривает правило об обязательном членстве арбитражных управляющих в саморегулируемых организациях (СРО). Однако на практике СРО арбитражных управляющих зачастую действуют в интересах крупных игроков рынка, а не интересах всех кредиторов. В результате возникают случаи, когда кандидатура арбитражного управляющего навязывается должнику или аффилированным с ним лицам, что ставит под сомнение объективность и беспристрастность его действий.

Кроме того, существует ряд проблем, связанных с оспариванием сделок должника. Действующее законодательство предусматривает возможность оспаривания сделок должника, совершенных в течение определенного периода до возбуждения дела о банкротстве. Однако на практике данный механизм часто используется недобросовестными кредиторами для злоупотреблений, что при-

водит к дополнительным издержкам и затягиванию процедур банкротства.

Так, кредиторы могут инициировать оспаривание сделок должника, совершенных в пользу других кредиторов, что создает неоправданные риски для законных сделок и сделок, направленных на восстановление платежеспособности предприятия. Арбитражные суды нередко удовлетворяют требования о признании таких сделок недействительными, что ведет к дальнейшему усугублению финансового состояния должника.

Еще одна проблема связана с коллизиями норм законодательства о банкротстве с нормами других отраслей права. Так, зачастую возникают противоречия между требованиями законодательства о банкротстве и трудового законодательства, налогового законодательства, законодательства о госзакупках и т. д. Данные коллизии приводят к дополнительным сложностям при реализации процедур банкротства, затягиванию сроков их проведения и снижению эффективности.

Для повышения эффективности правового регулирования процедур банкротства необходима дальнейшая работа по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики. В качестве ключевых направлений можно выделить следующие:

1. Совершенствование механизмов предупреждения банкротства. Целесообразно расширить перечень мер по предупреждению банкротства, усилить контроль за их реализацией, а также предусмотреть дополнительные механизмы стимулирования должников к своевременному применению процедур финансового оздоровления.

2. Оптимизация правового статуса арбитражных управляющих. Требуется дальнейшее развитие института саморегулирования в сфере банкротства, в том числе повышение ответственности СРО арбитражных управляющих за качество их работы. Кроме того, следует рассмотреть возможность введения государственной аккредитации управляющих, что позволит повысить их независимость и беспристрастность.

3. Совершенствование механизмов оспаривания сделок должника. Необходимо ограничить возможности недобросовестных кредиторов злоупотреблять правом на оспаривание, в частности, путем введения более строгих критериев для признания сделок недействительными. Также целесообразно рассмотреть возможность создания специализированных органов, уполномоченных осуществлять оспаривание сделок должника.

4. Устранение коллизий норм законодательства о банкротстве с другими отраслями права. Следует обеспечить согласованность правового регулирования банкротства с нормами трудового, налогового, бюджетного и иного законодательства. Это позволит повысить эффективность реализации процедур банкротства и минимизировать дополнительные издержки.

5. Расширение возможностей государственной поддержки при банкротстве социально значимых пред-

приятый. Целесообразно предусмотреть специальные механизмы, позволяющие сохранять экономически эффективные предприятия, имеющие важное значение для социально-экономического развития регионов и обеспечения занятости населения [11, с. 67].

Заключение

Таким образом, современное законодательство о банкротстве в Российской Федерации сталкивается с рядом серьезных проблем, связанных с недостаточной эффек-

тивностью механизмов предупреждения банкротства, неоднозначностью правового статуса арбитражных управляющих, а также злоупотреблениями при оспаривании сделок должника. Для повышения эффективности правового регулирования процедур банкротства необходима дальнейшая работа по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики с учетом передового зарубежного опыта. Реализация предложенных направлений позволит обеспечить более сбалансированную защиту интересов должников, кредиторов и общества в целом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 26.10.2021 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, N 43, ст. 4190.
4. Акулов А. Я., Ряховский Д. И. Экономический анализ как инструмент обоснования легитимности поведения арбитражного управляющего в делах о банкротстве // Сегодня и завтра Российской экономики. 2019.
5. Антикризисное управление. От банкротства — к финансовому оздоровлению. — М.: Юнити, Закон и право, 2023. — 320 с.
6. Банкротство и финансовое оздоровление субъектов экономики. Монография / под ред. А. Н. Ряховской. М.: Юрайт, 2023. 154 с.
7. Баренбойм П. Д. Правовые основы банкротства. Учебное пособие. — М., 2019.
8. Буга А. В. Сущность и формы процесса банкротства организации / А. В. Буга, А. В. Коршунова // Экономика и управление народным хозяйством (Санкт-Петербург). 2019. № 5(7).
9. Варнавский В. К. История становления института банкротства в России / В. К. Варнавский // Молодой ученый. — 2022. — № 46(441).
10. Все о банкротстве граждан (выдержки из нормативных правовых актов по состоянию на 01.02.2015, с изменениями, вступающими в законную силу 01.07.2015). — М.: Проспект, 2020. — 208 с.
11. Гузнов А. Г., Рождественская Т. Э. Регулирование, контроль и надзор на финансовом рынке в Российской Федерации. М.: Юрайт, 2024. 584 с.
12. Добрачев Д. В. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства. М.: Инфотропик Медиа, 2019. 172 с.
13. Енькова Е. Е., Ершова И. В. Правовое регулирование банкротства. Учебник. М.: Проспект, 2021. 720 с.
14. Ермилов В. Б. Институт гражданско-правовой ответственности в законодательстве о банкротстве: история становления / В. Б. Ермилов // Право и государство: теория и практика. 2018. № 11(167).
15. Ерофеев А. А. Банкротство гражданина-должника как новелла российского законодательства // Современное право. 2019. № 4
16. Ершова И. В. Банкротство хозяйствующих субъектов. М.: Проспект, 2021. 336 с.
17. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации: монография / П. Р. Абдуллаева, Н. В. Бандурина, Ю. М. Воронина и др.; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2023. 348 с.
18. Зверев, Р. А. 21 совет собственнику, как избежать банкротства / Р. А. Зверев. — М.: Accent Graphics Communications, 2023. — 458 с.
19. Институт несостоятельности (банкротства) в таблицах и схемах: учебно-методическое пособие / Е. Алешина, И. Баранов, Ч. Басхаев и др. / Отв. ред. С. А. Карелина. М.: Юстицинформ, 2017. 476 с.
20. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А. Б. Баранова, А. З. Бобылева, В. А. Вайпан и др.; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. 360 с.

Права ребенка в семейном праве и аспекты их осуществления

Рудь Юлия Андреевна, аспирант

Научный руководитель: Одегова Людмила Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Донецкий государственный университет

В статье рассмотрена сущность прав ребенка, обозначены права ребенка, признанные на международно-правовом уровне. Было раскрыто содержание прав ребенка в семейном праве России. Изучены некоторые аспекты осуществления этих прав. Установлена необходимость активной деятельности государств для улучшения жизни детей.

Ключевые слова: права ребенка, семейное право, защита прав детей.

Первой ступенью развития каждого человека является детство. Детство — это неотъемлемая часть жизни, важный этап формирования индивида, первый биологический период человеческого развития.

Полноценное обеспечение благоприятных условий детства предопределяет формирование социализированной, духовно богатой личности. В процессе создания качественных условий развития и обеспечения защиты несовершеннолетних большую роль играют семья, государство и общество, мировое сообщество. Важным являются обеспечение и защита прав ребенка — первой ступени прав человека.

Сегодня права ребенка представляют собой комплексный правовой институт, который преодолел долгий путь становления и формирования в мировой юридической практике.

В современном мире права ребенка детально регламентированы. Прежде всего, следует отметить Конвенцию о правах ребенка 1989 года, которую именуют «Мировой Конституцией прав ребенка». К основным правам ребенка, исходя из положений Конвенции, относятся: право на жизнь, в том числе выживание и здоровое формирование; право на регистрацию после рождения, на гражданство и имя, возможность знать собственных родителей, получать от них заботу; право на сохранение индивидуальности, включая семейные связи; право на единство семьи и право на поддержание контактов с родителями; право на воссоединение с семьей; право ребенка покидать любую страну и возвращаться в свою страну; право свободно выражать свои взгляды и быть заслушанным в ходе любой судебной или административной процедуры [2, с. 121].

Правовой статус ребенка тесно связан с семейно-правовыми отношениями, именно указанная отрасль права формирует правовую основу для осуществления прав ребенка. В Семейном кодексе России (далее — СК РФ) закреплены права детей: право жить и воспитываться в семье; право ребенка на общение с родителями и другими родственниками; право ребенка на защиту; право ребенка выражать свое мнение; право ребенка на имя, отчество и фамилию (изменение имени и фамилии), имущественные права.

Право жить и воспитываться в семье включает ряд правомочий: право знать родителей, право на заботу, право на совместное проживание.

В отношении детей, лишившихся по каким-то причинам родителей, обеспечение права на воспитание в семье означает то, что при выборе форм воспитания преимущество отдается именно семейным формам: передаче на усыновление, в приемную семью, в семью опекуна (попечителя). Только в случаях, когда устройство ребенка в семью не представляется возможным, дети передаются на воспитание в детские учреждения [1, с. 145–146].

Обеспечение права ребенка на общение с обоими родителями и другими родственниками особенно важно в случаях изменения семейных отношений — развод, переезд, признание одного из родителей недееспособным и т. п.

Кроме того, право на общение с родителями и другими родственниками имеет ребенок, оказавшийся в экстремальной ситуации (арест, задержание, заключение под стражу, нахождение в лечебном учреждении и т. д.) [1, с. 146].

Право на защиту является конституционным правом и включает основные и дополнительные права. Основные: право на судебную защиту; право на обращение в межгосударственные органы по защите, если исчерпаны все внутригосударственные средства. Дополнительные: право на получение юридической помощи; право самостоятельно защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом и другие [3, с. 27].

Закрепление права ребенка свободно выражать свое мнение в международном и национальном законодательстве подчеркивает, что ребенок является личностью, с которой следует считаться, особенно при решении тех вопросов, которые непосредственно затрагивают его интересы.

Существует мнение о необходимости снижения возраста, с которого мнение ребенка подлежит обязательному учету, с 10 лет до 6–8. Так, по ряду вопросов ребенок может выразить осознанное и вполне адекватное мнение уже в 6–8 лет. Речь идет об изменении имени и фамилии ребенка, восстановлении родителей в родительских правах, усыновлении ребенка, записи усыновителей в качестве родителей ребенка, передаче ребенка на воспитание в приемную семью [1, с. 147].

Каждый человек не может полноценно существовать без имени, отчества и фамилии. Данное право закреплено в семейном законодательстве.

Проблемой реализации права ребенка на имя является тенденция давать ребенку необычное, нетрадиционное

имя. Если родители не могут прийти к соглашению по поводу имени ребенка или его фамилии, то для разрешения проблемы они могут обратиться в орган опеки и попечительства за разрешением спора. В том случае, если конкуренция происходит между традиционным и необычным именем, обычно сотрудники органа опеки и попечительства убеждают родителей, что ребенку с традиционным именем будет легче, комфортно находиться в детском коллективе [6, с. 665].

Имущественные права представляют собой группу прав, которые регулируются помимо семейного права, гражданским законодательством.

Семейное законодательство регулирует лишь некоторые имущественные права ребенка, возникающие в кругу семьи: право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи; право собственности на полученные им доходы, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка; право владеть и пользоваться имуществом родителей с их согласия при совместном с ними проживании.

Право ребенка на получение содержания от своих родителей и других членов семьи заключается в удовлетворении жизненно важных потребностей. Дети и родители, проживающие совместно, могут владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию. Регулирование данных отношений не предусмотрено гражданским и семейным законодательством, поэтому оно остается на усмотрение членов семьи, проживающих совместно. При здоровом климате в семье не возникает вопросов, связанных с использованием имуществом, принадлежащим родителям или детям [5, с. 106].

Проблемы осуществления имущественных прав чаще всего возникают в случае расторжения брака и раздела

имущества. В таком случае семейное законодательство прежде всего защищает интересы ребенка. Например, согласно ч. 5 ст. 38 СК РФ, вещи, приобретенные специально для детей, разделу не подлежат и передаются тому супругу, с которым остается проживать несовершеннолетний ребенок.

Безусловно, важным является обеспечение права ребенка на получение содержания от своих родителей и других членов семьи.

Действующее семейное законодательство закрепляет обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей, причем данная обязанность должна осуществляться родителями в равной мере. На практике после фактического распада семейных отношений ребенок, как правило, проживает с одним из родителей, который обеспечивает ему воспитание, образование и содержание. Другой же родитель обеспечивает исполнение обязанности по содержанию через выплату денежных средств [4, с. 131].

Практика демонстрирует, что не всегда алиментные обязательства исполняются в полной мере. В связи с этим предусмотрена юридическая ответственность за неуплату средств на содержание детей. При этом, проблема уклонения от уплаты алиментов является довольно острой. Существует точка зрения, согласно которой необходимо создавать «семейный фонд» — счет, на который будут переводиться средства для материального обеспечения детей в случаях расторжения брака.

Таким образом, права ребенка в семейном праве — это комплекс правомочий, закрепленных в семейном законодательстве России, обеспечение и защита которых необходима для обеспечения благоприятных условий детства и развития детей. Однако существуют определенные проблемы обеспечения этих прав, преодоление которых — основная задача государства.

Литература:

1. Боровик Н. В., Рожков А. Ю. Современное состояние прав и обязанностей несовершеннолетних в семейно-правовых отношениях // Среднерусский вестник общественных наук. — 2014. — № 3 (33). — С. 145–149.
2. Ибрагимов А. М., Гасанова З. М. Международная защита прав детей // Закон и право. — 2019. — № 2. — С. 120–123.
3. Ивлева Т. В., Баева Р. Р., Лобанова Ю. В. Конституционное право ребенка на защиту // Правовое государство: теория и практика. — 2011. — № 1 (23). — С. 25–32.
4. Семенова И. Ю. Проблемность защиты имущественных прав детей при расторжении брака их родителями // Вестник РУК. — 2016. — № 3 (25). — С. 130–132.
5. Серебрякова А. А. Защита имущественных прав детей // ИСОМ. — 2017. — № 2–1. — С. 105–110.
6. Стрекаловская М. О. Право ребенка на имя и проблемы его реализации // Молодой ученый. — 2016. — № 21 (125). — С. 665–668.

Следователь в уголовном судопроизводстве: задачи и функции

Рыженкова Екатерина Владимировна, студент магистратуры

Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)

В научной статье рассматривается роль следователя в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации. Проводится анализ основных задач, функций и полномочий следователя. Рассмотрим, какое значение следователь имеет в обеспечении законности, справедливости и эффективности в расследовании уголовного дела.

Ключевые слова: следователь, уголовное судопроизводство, предварительное расследование, функции, задачи, уголовный процесс.

Уголовное судопроизводство в Российской Федерации основано на 16 принципах, в которые включены: назначение уголовного судопроизводства, разумный срок, законность при производстве по уголовному делу, осуществление правосудия только судом, независимость судей, уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонных и иных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, презумпция невиновности, состязательность сторон, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, свобода оценки доказательств, язык уголовного судопроизводства, право на обжалование процессуальных действий и решений [1].

Центральное и главное место в системе органов предварительного расследования занимает **следователь**. В статье 38 УПК РФ дается определение, кто такой следователь, а также расписаны его полномочия. На следователя возложены ключевые задачи по раскрытию и расследованию преступлений, изобличению виновных лиц и обеспечению законности при производстве по уголовным делам.

Роль следователя заключается не только в сборе доказательств по уголовному делу, но и в координации деятельности других должностных лиц, которые способствуют расследованию уголовных дел. Так следователь, являясь руководителем следственно-оперативной группы, координирует оперативных сотрудников, экспертов и криминалистов, кинологов и участковых.

Рассмотрим подробно правовой статус следователя. Правовое положение следователя определяется **Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а именно статьей ст. 38 УПК РФ**. Следователь является должностным лицом, уполномоченным от имени государства осуществлять предварительное расследование по уголовным делам [1].

Следователь обладает **процессуальной самостоятельностью и независимостью**, то есть он единолично принимает решения по уголовному делу, руководствуясь исключительно законом и внутренним убеждением, основанным на совокупности собранных доказательств по делу. При этом он подчиняется лишь руководителю следственного органа и прокурору.

Так же руководитель следственного органа согласовывает и подписывает следователю постановления о возбуждении перед судами ходатаев об избрании мер пре-

сечений или на проведение обысков, или на получение детализаций сотовых компаний, необходимых для установления истины в ходе расследования уголовного дела.

К основным задачам следователя относятся:

1. Выявление и раскрытие преступлений — установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Это включает в себя сбор, анализ и оценку доказательств, которые подтверждают или опровергают факт совершения преступления, а также установление лиц, причастных к его совершению. Следователь должен тщательно изучить все аспекты дела, чтобы установить истину, выявить мотивы, способы и последствия преступления.

2. Обеспечение законности интересов при проведении следственных действий с участниками уголовного судопроизводства. Следователь обязан строго соблюдать нормы закона при проведении следственных действий. Это включает в себя обеспечение прав и законных интересов всех участников уголовного процесса, таких как подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие, свидетели. Следователь должен действовать в рамках процессуальных норм, исключая любые нарушения, которые могут повлиять на объективность и законность расследования.

3. Защита прав и свобод личности — недопущение незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности. Одной из важнейших задач следователя является защита прав и свобод граждан, вовлечённых в уголовное судопроизводство. Это предполагает недопущение незаконного привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц, а также предотвращение необоснованного ограничения их прав. Следователь должен объективно и беспристрастно подходить к оценке доказательств, исключая предвзятость или влияние внешних обстоятельств. В случае выявления обстоятельств, свидетельствующих о невиновности подозреваемого или обвиняемого, следователь обязан принять меры для прекращения уголовного преследования в отношении данного лица. В этом случае у лица появляется возможность на реабилитацию.

4. Формирование доказательственной базы, достаточной для передачи дела на проверку прокурору и затем в суд. Следователь несёт ответственность за сбор и формирование доказательств, которые будут достаточны для передачи уголовного дела на проверку прокурору, а затем в суд. Это включает в себя проведение следственных действий, таких как допросы, экспертизы, осмотры, обыски

и другие мероприятия, направленные на установление фактических обстоятельств дела. Доказательства должны быть собраны в строгом соответствии с законом, чтобы исключить их признание недопустимыми в суде. Следователь должен обеспечить полноту и непротиворечивость доказательственной базы, чтобы суд мог принять обоснованное и справедливое решение.

5. Взаимодействие с другими правоохранительными органами на всех уровнях, для обеспечения полноты и объективности расследования уголовного дела. Для обеспечения полноты и объективности расследования уголовного дела следователь активно взаимодействует с другими правоохранительными органами, такими как полиция, оперативные службы, прокуратура, эксперты-криминалисты и другие структуры. Такое взаимодействие позволяет оперативно получать необходимую информацию, координировать действия по розыску подозреваемых, сбору доказательств и предотвращению новых преступлений. Следователь также может привлекать специалистов из различных областей для проведения экспертиз и консультаций, что способствует более качественному и всестороннему расследованию.

Таким образом, следователь является центральным звеном, обеспечивающим достижение целей уголовного судопроизводства — защиты личности, общества и государства от преступных посягательств [3, с. 512].

Функции следователя можно условно разделить на **процессуальные и организационно-управленческие**.

К процессуальным функциям относятся:

- возбуждение уголовного дела;
- производство допросов, обысков, выемок, экспертиз, осмотров;
- предъявление обвинения;
- принятие решения о направлении дела прокурору или в суд;
- обеспечение участия защитников, потерпевших и иных участников процесса [1].

Организационно-управленческие функции включают:

- планирование и координацию расследования;
- взаимодействие с оперативными и экспертными подразделениями;
- контроль и продление сроков предварительного следствия и качества следственных действий;
- организация процессуального руководства младшими следователями, а также следователями, входящими в следственно-оперативную группу.

Для обеспечения законности в деятельности следователя установлены **процессуальные гарантии его независимости**, включая запрет на незаконное вмешательство в расследование.

В то же время следователь несет **дисциплинарную и уголовную ответственность** за нарушение закона, превышение полномочий или фальсификацию доказательств.

Надзор за деятельностью следователя осуществляет **прокурор**, который вправе отменять незаконные или необоснованные решения.

Следователь является главным элементом в уголовном судопроизводстве, от его профессионализма и объективности зависит исход всего уголовного дела и судьба лиц, как подозреваемых, так и обвиняемых в совершении преступлений [4, с. 47]. Эффективное выполнение задач следствия требует высокого уровня правовой культуры, процессуальной грамотности и нравственных качеств.

Следователь обеспечивает реализацию принципов законности, справедливости и защиты прав граждан в процессе расследования преступлений [5, с. 320]. Его деятельность напрямую влияет на соблюдение прав и свобод личности, установление истины по делу и принятие законных решений. Но стоит еще обратить внимание на то, что следователь еще выполняет роль психолога для потерпевших и свидетелей, кто стал жертвой преступлений. Потому что с каждым участником уголовного процесса необходимо общаться лично, помимо официального протокола допроса. Так как зачастую потерпевшие находятся в стрессе, они напуганы или находятся в депрессии, осознавая происходящее в их жизни. В этот момент включается в работу следователь, так как его задача успокоить граждан, максимально доступно объяснить, как будет проходить ход расследования, какие у них есть права и обязанности и чем они могут помочь следствию в установке истины и поиски преступников.

Например, бывает такое, что потерпевший стал жертвой мошенничества (по телефону) и у потерпевшего не сохранилось никаких звонков на самом телефоне, и следователю известно, что нужно максимально оперативно получить детализацию звонков. Так как через суд получать детализации очень долго, это может занимать и две-три недели, следователь может попросить самого потерпевшего взять детализацию мобильной связи своего номера за определенный период и это займет всего 1–2 дня. Таким образом сократиться время на установления лиц, звонивших потерпевшему.

Ошибки или недостатки в работе следователя могут привести к серьезным последствиям, таким как незаконное привлечение к уголовной ответственности невиновных лиц, а из этого следует подача реабилитации и тогда государство понесет материальные расходы на возмещение морального вреда гражданину и оплаты упущенной заработной платы, за тот период, когда человек находясь под следствием не мог работать на своей работе и как следствие поручать заработную плату. Также недостатки в работе могут привести к нарушению прав потерпевших, утрата доказательств или даже укрытие преступлений от раскрытия. Поэтому от уровня профессиональной подготовки и моральных качеств следователя зависит не только судьба конкретных участников уголовного дела, но и доверие общества к правоохранительной системе в целом. Совершенствование деятельности следователей и развитие механизмов контроля за их работой остаются важнейшими направлениями укрепления правопорядка и доверия граждан к правоохранительной системе.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025): [Электронный доступ] — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 28.10.2025).
2. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 1. — Ст. 1.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. Л. В. Головки. — М.: Юрайт, 2024. — 512 с.
4. Гришин А. В. Следователь в системе органов предварительного расследования // Российская юстиция. — 2023. — № 7. — С. 45–50.
5. Кони А. Ф. О роли следователя в уголовном процессе // Избранные труды. — М.: Норма, 2021. — 320 с.

Правовые фикции в конструкции виндикации: понятие, виды и учет при защите права собственности

Сергеенко Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматривается значение правовых фикций в механизме виндикационной защиты права собственности. Анализируются фикции владения, публичной достоверности и добросовестности приобретателя как элементы, определяющие пределы действия виндикационного иска и обеспечивающие соотношение интересов собственника и участников имущественного оборота. Особое внимание уделено разграничению содержания указанных фикций, выявлению проблем их применения и оценке перспектив развития правового регулирования с учетом цифровизации регистрационных систем. Обосновывается необходимость усиления принципа публичной достоверности ЕГРН, уточнения критериев добросовестности приобретателя и внедрения технологических решений, направленных на укрепление стабильности гражданского оборота.

Ключевые слова: виндикация, фикция владения, публичная достоверность, добросовестный приобретатель, ЕГРН, вещное право, регистрационные системы, защита собственности, оборот имущества.

Legal fictions in the construction of vindication: concept, types and consideration in the protection of property rights

The article examines the significance of legal fictions in the mechanism of vindication protection of property rights. The fictions of possession, public reliability, and the good faith of the acquirer are analyzed as elements that determine the scope of the vindication claim and ensure the balance of interests between the owner and participants in the property turnover. Special attention is given to distinguishing the content of these fictions, identifying the challenges in their application, and assessing the prospects for developing legal regulation in the context of the digitalization of registration systems. The article argues for strengthening the principle of public reliability in the Unified State Register of Property, clarifying the criteria for the good faith of the acquirer, and implementing technological solutions to enhance the stability of civil circulation.

Keywords: vindication, fiction of possession, public reliability, bona fide purchaser, EGRN, property rights, registration systems, protection of property, and property turnover.

Виндикация представляет собой вещно-правовой способ защиты, предоставляющий собственнику, утратившему владение вещью, право требовать ее возврата от лица, незаконно удерживающего имущество (ст. 301 ГК РФ). Содержание виндикационного иска заключается в восстановлении правомочия владения как составной части права собственности. Институт виндикации относится к наиболее древнему механизму защиты имущественных прав и продолжает играть основополагающую роль в обеспечении стабильности гражданского оборота.

Правовые фикции представляют собой юридические допущения, обеспечивающие применение и стабильность определенных правовых конструкций, даже если фактическое положение не соответствует предполагаемому с точки зрения права. Вещное право опирается на фикции для поддержания устойчивости имущественного оборота, упрощения процесса доказывания и укрепления доверия участников гражданских правоотношений.

Значение правовых фикций в гражданском праве проявляется в их способности формировать презумпции,

обеспечивающие защиту добросовестных участников оборота, поддерживать стабильность вещных прав, определять пределы реализации виндикационного требования и снижать риски имущественного оборота, препятствуя бесконечному пересмотру титулов.

Выделение правовых фикций в конструкции виндикации имеет принципиальное значение, поскольку они не только очерчивают границы защиты собственника, но и устанавливают равновесие между интересами собственника и добросовестного приобретателя [4, с. 20]. Без понимания действия фикций невозможно объяснить, почему виндикация в ряде случаев не влечет возврата вещи собственнику, несмотря на факт нарушения его права.

Не всегда такие предпосылки прямо закреплены в законодательстве, однако они прочно сформировались в правовом мышлении. Среди них определяющее место занимает фикция владения как проявления права собственности. Данное допущение не сводится к техническому приему, а выступает как исторически сложившийся правовой механизм, призванный облегчать доказывание и поддерживать стабильность имущественного оборота. Суть фикции заключается в признании владения вещью достаточным основанием для предположения существования права собственности до момента опровержения этого положения. Такая логика восходит к римскому праву, в котором правомерность владения презюмировалась, пока противоположное не устанавливалось в судебном порядке. Именно на этой презумпции формировались первоначальные формы *rei vindicatio* — иска собственника об истребовании вещи.

Современное российское гражданское право восприняло данное допущение, интегрировав его в практику применения ст. 209 и 301 ГК РФ [1]. Владелец не обязан подтверждать свои правомочия множеством доказательств, поскольку само фактическое господство над вещью обладает самостоятельным юридическим значением. Бремя опровержения возлагается на лицо, оспаривающее владение, что согласуется с принципом распределения бремени доказывания, закрепленным в ст. 56 ГПК РФ. На практике данное допущение находит выражение в разных ситуациях. Гражданин, на имя которого зарегистрировано право собственности на жилое помещение, рассматривается как собственник. Суд и другие участники оборота исходят из презумпции правомерности его владения вплоть до установления обстоятельств, подтверждающих незаконность приобретения права, например, подделки документов или ничтожности сделки. До этого момента владелец реализует все правомочия собственника и находится под защитой от необоснованных притязаний третьих лиц.

Соответственно, данная фикция выполняет ряд значимых функций. Прежде всего, она обеспечивает стабильность владения, что имеет принципиальное значение для оборота недвижимости, транспортных средств и иного ценного имущества. Отсутствие подобной презумпции превратило бы имущественные споры в сложный и затратный процесс, поскольку собственнику или приобре-

тателю пришлось бы подтверждать всю цепочку правопреемства при каждом конфликте.

Наряду с этим, фикция владения повышает оперативность судебной защиты, истец обязан доказать неправомерность владения ответчика и подтвердить собственное право. При отсутствии таких доказательств владение продолжает пользоваться правовой защитой как законное. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 подтверждает данный подход, закрепляя, что при предъявлении иска об истребовании имущества собственник должен обосновать свои притязания, а сам факт владения ответчиком не признается незаконным без установления противоположного [3].

Следующая фикция публичной достоверности связана с формальной титульной регистрацией, то есть с тем, что внешне подтверждает право собственности независимо от реального правового положения. Суть этой фикции заключается в том, что лицо, обозначенное в официальном источнике как правообладатель, воспринимается оборотом и судами в этом качестве, пока не доказано обратное. Особенно этот механизм проявляется при государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Сведения Единого государственного реестра недвижимости обладают не только доказательственным, но и правоустанавливающим значением, если в нем указано, что определенное лицо является собственником, остальные участники гражданского оборота вправе полагаться на достоверность этой информации. Законодательное основание данной конструкции закреплено в ст. 8.1 и 131 ГК РФ, а также в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [2]. Российское право исходит из того, что государственная регистрация права собственности выполняет не только учетную, но и гарантийную функцию, обеспечивая оборотоспособность имущества и формируя доверие к публичным данным.

Принцип доверия к публичным реестрам позволяет сторонам совершать сделки без необходимости проверять всю историю права, что значительно снижает транзакционные издержки и способствует развитию рынка недвижимости. В то же время подобный подход возлагает на собственников повышенную ответственность за сохранность титула: если они не приняли своевременных мер по защите своего права, правопорядок не гарантирует им безусловное восстановление владения.

Фикция добросовестности приобретателя занимает особое место в конструкции виндикации, поскольку устанавливает равновесие между защитой права собственности и обеспечением устойчивости гражданского оборота. Данная фикция закреплена в ст. 302 ГК РФ и ее суть заключается в том, что собственник вправе истребовать имущество из чужого незаконного владения, за исключением случаев, когда имущество было приобретено возмездно от лица, которое не имело права его отчуждать, а приобретатель не знал и не должен был знать об этом. Таким образом, если собственник сам допустил ситуацию, при которой

вещь попала в оборот, возможность ее истребования у добросовестного приобретателя существенно ограничивается.

Соответственно, юридическое значение этого допущения состоит в том, что собственник не всегда может виндигировать имущество, утраченное в результате действий третьих лиц, если вещь перешла к добросовестному приобретателю. Такая правовая конструкция основана на принципе перераспределения рисков между собственником и приобретателем. Если собственник допустил утрату контроля над вещью, а приобретатель проявил необходимую степень осмотрительности, то защищается именно приобретатель [5, с. 728].

Добросовестность в подобных ситуациях определяется судами с учетом конкретных обстоятельств дела. Приобретатель обязан проявить разумную осмотрительность, проверить представленные документы и убедиться в отсутствии признаков незаконности сделки, однако от него не требуется проведения глубоких юридических проверок или самостоятельных расследований. В основе такого подхода лежит стандарт поведения обычного добросовестного участника оборота, действующего разумно и добросовестно в пределах обычной деловой практики.

Пределы действия данной фикции строго определены, она не распространяется на случаи, когда имущество было похищено, утрачено или выбыло из владения собственника помимо его воли. В таких ситуациях применение виндикации сохраняется в полном объеме. Подобное ограничение отражает направленность законодательства на поддержание равновесия между интересами собственника и участников оборота, исключая возможность злоупотреблений и обеспечивая предсказуемость правоприменения.

Современная практика выявляет значимые проблемы, связанные с действием правовых фикций, лежащих в основе данной конструкции. В частности, отсутствует разграничение между фикцией видимости права и фикцией публичной достоверности.

Дополнительные сложности обусловлены ограниченным характером публичной достоверности в российском праве. В отличие от зарубежных систем, где регистрационные записи обладают практически неоспоримым характером, российская модель допускает их оспаривание, что снижает уровень доверия к реестру и ослабляет устойчивость оборота.

Самостоятельной проблемой является сложность доказывания недобросовестности приобретателя, поскольку она оценивается с учетом конкретных обстоятельств дела, а бремя опровержения возлагается на собственника. Очевидно, что это существенно затрудняет защиту права собственности, особенно в случаях, когда приобретатель формально соблюдает установленные требования. Уяз-

вимость регистрационных процедур и информационных систем позволяет недобросовестным лицам формировать фиктивные титулы и отчуждать имущество добросовестным приобретателям, лишая собственников реальной возможности вернуть имущество.

Таким образом, правовые фикции представляют собой не отвлеченный элемент юридической техники, а структурообразующий компонент механизма правовой защиты. Их действие формирует устойчивую модель имущественного оборота, в которой виндикационный иск утрачивает абсолютный характер и приобретает значение элемента комплексной системы гарантий и ограничений. Посредством учета фикций владения, публичной достоверности и добросовестности приобретателя достигается равновесие между защитой интересов собственника и необходимостью поддержания стабильности гражданского оборота.

Развитие вещного права в России свидетельствует о поступательном сближении с регистрационными моделями континентальной Европы, где именно фикции определяют распределение рисков между собственником и добросовестным участником сделки. Перспективы развития правового регулирования виндикационных отношений напрямую связаны с совершенствованием механизма действия правовых фикций. Одним из определяющих направлений является возможное усиление принципа публичной достоверности ЕГРН по образцу германской модели. При его реализации публичный реестр будет рассматриваться как окончательный и надежный источник сведений о правах собственности. Такое решение неизбежно потребует одновременного укрепления системы страхования титула и создания дополнительных гарантий для собственников, утративших имущество вследствие ошибок или злоупотреблений.

Отдельного внимания требует уточнение критериев добросовестности приобретателя. Традиционные признаки осмотрительности постепенно дополняются возможностями цифровой проверки — истории сделок, сведений из открытых источников и иных доступных данных. Это позволит судам выработать более объективный подход к оценке поведения сторон и снизить риск произвольных решений.

Существенные преобразования ожидаются в связи с развитием цифровых технологий и регистрационных систем. В перспективе возможно внедрение блокчейн-технологий в систему учета прав, что позволит повысить прозрачность сделок и сократить количество фиктивных регистраций. Соответственно, развитие института виндикации связано не только с уточнением правовых конструкций, но и с технологическими изменениями, формирующими новую модель правовой фиксации и защиты имущественных прав.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (часть I). — Ст. 4344.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 8.
4. Аврамченко Д. С. Некоторые правовые аспекты виндикации как способа защиты права собственности и иных вещных прав // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. — Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. — С. 18–26.
5. Филиппова Д. Д. Виндикация, как основная форма защиты вещных прав, и проблема ее соотношения с реституцией // Эволюция российского права. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2023. — С. 724–732.

Пределы применения виндикации к бездокументарным ценным бумагам и цифровым объектам

Сергеев Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматривается проблема применения виндикационного иска к объектам, существующим в электронной форме, включая бездокументарные ценные бумаги, цифровые финансовые активы, цифровые права и корпоративные права участия. Анализируется несоответствие классической конструкции виндикации особенностям объектов, правовой режим которых основан на регистрации в информационных системах. Обосновывается необходимость законодательного закрепления универсальной категории «регистрируемое имущество», способной обеспечить единый подход к защите прав как на материальные, так и на нематериальные объекты. Особое внимание уделяется критериям добросовестности приобретателя в цифровой среде и необходимости закрепления нормативного стандарта его поведения.

Ключевые слова: виндикация, цифровые права, бездокументарные ценные бумаги, цифровые финансовые активы, учетная система, регистрационная запись, добросовестный приобретатель, регистрируемое имущество.

Limits of application of vindication to uncertificated securities and digital objects

The article examines the problem of applying a claim for vindication to objects that exist in electronic form, including non-documentary securities, digital financial assets, digital rights, and corporate participation rights. It analyzes the inconsistency between the classical concept of vindication and the specific features of objects whose legal regime is based on registration in information systems. The article argues for the need to establish a universal category of «registered property» in legislation, which would provide a unified approach to protecting rights to both tangible and intangible objects. Special attention is given to the criteria of the purchaser's good faith in the digital environment and the need to establish a regulatory standard for their behavior.

Keywords: vindication, digital rights, non-documentary securities, digital financial assets, accounting system, registration record, bona fide purchaser, registrable property.

Современная экономическая действительность демонстрирует значительное расширение оборота нематериальных активов, среди которых особое значение имеют бездокументарные ценные бумаги и цифровые объекты. Категории такого имущества постепенно формируют устойчивые элементы гражданского оборота, однако их правовая природа вступает в сложное взаимодействие с традиционными вещно-правовыми конструкциями. Исторически выработанные модели защиты вещных прав строятся на представлении о владении как о материальном признаке обладания вещью, что затрудняет их непосредственное применение к объектам, не обладающим физическим носителем.

При цифровизации имущественного оборота возникает необходимость основательного пересмотра пределов применения виндикационных требований. Виндикация исторически направлена на восстановление фактического господства над вещью, однако при отсутствии материальной основы объекта это содержание утрачивает свое правовое значение. Цифровые объекты и бездокументарные ценные бумаги подтверждаются посредством легитимации в системе учета прав, а не фактическим владением.

Расширение цифрового оборота имущественных прав и использование электронных форм фиксации прав на

объекты гражданского оборота изменило подход к их правовой защите, сместив его с материального владения на юридическую фиксацию и подтверждение права в информационной системе. Речь идет о бездокументарных ценных бумагах, цифровых финансовых активах, цифровых правах и корпоративных правах участия, фиксация которых осуществляется через специализированные учетные системы [6, с. 105]. Правовой режим бездокументарных ценных бумаг определен ст. 149 ГК РФ [1], права владельца удостоверяются записью в системе учета, что исключает материальный носитель и классическое владение. Юридическое значение приобретает внесение записи в реестр, подтверждающей принадлежность прав.

Цифровые права как самостоятельная категория закреплены в ст. 141.1 ГК РФ, их существование и передача возможны исключительно посредством информационных систем, функционирующих по установленным правилам. Право неразрывно связано с учетной записью, в которой оно зафиксировано, что исключает применение традиционных вещно-правовых конструкций.

Порядок выпуска, обращения и фиксации цифровых финансовых активов установлен Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], к таким объектам относятся денежные требования, права участия в капитале и иные имущественные права, существующие исключительно в цифровой среде.

Корпоративные права участия в хозяйственных обществах также перешли на реестровую модель подтверждения принадлежности. В соответствии с Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3] и Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [4] принадлежность долей и акций удостоверяется исключительно записью в реестре участников или реестре акционеров. Оборот утилитарных цифровых прав регулируется Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Закон закрепляет порядок фиксации прав в цифровой форме с использованием специализированных платформ. Защита права утратила связь с восстановлением материального владения и стала основываться на достоверности и неизменности учетной записи. В результате классическая виндикационная модель, построенная на возвращении вещи собственнику, утрачивает применимость к цифровым объектам, что требует пересмотра пределов ее использования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

Сложность усиливается отсутствием единых правовых критериев, позволяющих точно определить, в каких случаях виндикационный иск может быть применен к объектам, существующим в электронной форме [7, с. 15]. В одних ситуациях правовая конструкция виндикации воспринимается как возможный способ восстановления легитимации правообладателя через изменение учетных записей, в других исключается по причине отсутствия материального владения как обязательного признака.

Следует учитывать, что при в цифровой среде претерпевает существенные изменения содержание критерия добросовестности. Для бездокументарных активов, включая акции, облигации, цифровые финансовые активы и токены, приобретатель не вступает во владение вещью. Его правомочия основаны на регистрационной записи в учетной системе. Юридическое значение приобретает достоверность данных реестра, на которые лицо опирается при совершении сделки. Лицо, действующее на основании корректной записи в реестре, признается добросовестным, даже если эта запись появилась в результате неправомерных действий третьих лиц. Подобное положение ослабляет правовую позицию собственника и ограничивает эффективность виндикации как способа восстановления нарушенного права.

Также необходимо отметить, что отсутствие в действующем законодательстве обобщающей правовой категории, способной охватить как материальные вещи, так и объекты, существующие в электронной форме, значительно обостряет проблему их правовой защиты. Представляется, что единый подход к обеспечению правомочий собственника вне зависимости от физической природы объекта позволит выработать введение категории «регистрируемое имущество». В отличие от традиционной модели, основанной на владении вещью, определяющее значение в таком случае приобретет запись в реестре, подтверждающая принадлежность права. Такое решение обеспечит применение виндикационного механизма как к материальным объектам, так и к бездокументарным ценным бумагам, цифровым финансовым активам, токенам и корпоративным правам участия.

Также требуется унификация критериев добросовестности приобретателя таких объектов. В качестве основного ориентира необходимо закрепить стандарт поведения, основанный на проверке действительности записи в системе учета, а также презумпцию недобросовестности приобретателя при отсутствии надлежащих доказательств правомерности приобретения. Применение такого подхода укрепит правовую стабильность и повысит предсказуемость оборота цифровых активов.

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
5. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 31. — Ст. 4418.
6. Бочарников Д. А. Квази-виндикация бездокументарных акций как способ защиты прав акционеров // Байкальский студенческий юридический форум-2022. Современные проблемы правотворчества и правоприменения. Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 102–107.
7. Дерюгина Т. В. К проблеме виндикации как способа защиты прав на цифровые и некоторые иные нематериальные объекты // Цивилист. 2025. № 3(55). С. 14–19.

Злоупотребление процессуальными правами в административном судопроизводстве

Силаева Алина Александровна, студент;

Койше Дарина Орумбаевна, студент

Научный руководитель: Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена такому институту, как злоупотребление процессуальными правами. В данной статье рассматриваются способы и особенности злоупотребления процессуальными правами в административном судопроизводстве, а также на их основе анализируется судебная практика. Авторами выявляются проблемные аспекты, требующие разрешения, чем обусловлена актуальность выбранной темы.

Ключевые слова: злоупотребление, процессуальные права, административное судопроизводство, недобросовестное поведение, административный истец, административный ответчик.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) регламентирует принцип добросовестности, который заключается в том, что участники административного судопроизводства должны добросовестно использовать свои процессуальные права в соответствии с их назначением для защиты своих законных интересов, а не в иных целях. Однако зачастую возникают ситуации, когда реализация предоставляемых субъекту процессуальных прав вступает в противоречие с данным принципом, образуя тем самым злоупотребление процессуальными правами.

В юридической литературе нет единого подхода к пониманию злоупотребления процессуальными правами. Так, Т. О. Третьякова рассматривает злоупотребление процессуальными правами как ситуацию, в которой лицо, участвующее в деле, действуя недобросовестно, создает видимость добросовестного поведения [5, с. 419]. А М. А. Фокина определяет злоупотребление процессуальными правами как использование своего процессуального права не в соответствии с его назначением, что приводит к нарушению прав других участников процесса [4, с. 19].

Тем самым, проанализировав различные точки зрения по поводу определения данного понятия можно сделать вывод, о том, что четко закрепленного понятия нет, что является определенной проблемой, но, несмотря на это, суды используют данную терминологию при вынесении судебных актов, в связи с чем достаточно актуально закрепление рассматриваемого термина в законодательстве.

Злоупотребление процессуальными правами на практике реализуется множеством способов, позволяющих необоснованно затянуть разбирательство, создать препятствия для установления истины по делу, отложить рассмотрение дела и т. д., что впоследствии мешает правильному и справедливому вынесению решения по административному делу.

Проанализировав судебную практику, можно выделить следующие способы злоупотребления процессуальными правами:

Во-первых, стоит обратить внимание на обращения лиц с неосновательными заявлениями и ходатайствами с целью получения какой-либо выгоды. Например, Ноябрьский городской суд в своем решении от 8 января 2020 г. по делу № 2А-165/2020 указывает на злоупотреб-

ление административным истцом, который обратился в суд о признании незаконным решения призывной комиссии в юридически значимый момент, когда лицо подлежало призыву на военную службу. В результате чего обращение с данным иском позволило избежать обязательной явки на сборный пункт для отправки на прохождение военной службы. Из материалов дела следует, что административный истец ссылаясь на наличие заболеваний, препятствующих прохождению военной службы, однако он не воспользовался правом на доказывание своих доводов путем прохождения соответствующих экспертиз, а также не явился на судебное разбирательство, не предоставил доказательств, свидетельствующих о незаконности вынесенного решения. Вследствие чего суд сделал вывод о злоупотреблении процессуальными правами со стороны административного истца подачей неосновательного иска, целью которого было инициировать судебное разбирательство для избежания призыва на военную службу [2].

Во-вторых, распространенной формой злоупотребления является умышленное введение в заблуждение суда посредством дачи ложной информации и сообщением недостоверных сведений. Так, в Решении Нижегородского районного суда от 12 февраля 2025 г. по делу № 2А-645/2025, административный истец просит признать незаконными действия судебного пристава-исполнителя, ссылаясь на то, что ему не было известно о возбужденном в отношении него исполнительного производства. Однако при проверке судом было установлено, что в его

адрес была направлена и получена копия постановления о возбуждении исполнительного производства. Таким образом, административный истец пытался ввести суд в заблуждение, что является злоупотреблением процессуальным правом [1].

В-третьих, еще одним частым проявлением злоупотребления процессуальными правами являются неоднократные неявки в судебное заседание без уважительной причины. К примеру, в Решении от 11 марта 2025 г. по делу № 2А-1411/2025 Хостинский районный суд посчитал злоупотреблением процессуальными правами действия административного истца, заключающиеся в многочисленных неявках в судебные заседания без уважительных причин. По мнению суда, такие действия данного лица можно расценить как целенаправленное недобросовестное поведение, направленное на создание повода к оспариванию в вышестоящих судебных инстанциях решения суда [3].

В общем вопрос злоупотребления процессуальными правами является определенной проблемой, требующего комплексного решения, поскольку в российском законодательстве отсутствуют нормы, которые могли бы пресечь такое злоупотребление лицами, участвующими в деле. В связи с этим мы считаем необходимым усовершенствовать КАС РФ отдельными положениями, а именно нормативно закрепить определение понятия злоупотребления процессуальными правами, а также установить критерии правомерности поведения участников административного судопроизводства.

Литература:

1. Решение Нижегородского районного суда № 2А-645/2025 2А-645/2025(2А-7817/2024;)-М-5613/2024 2А-7817/2024 М-5613/2024 от 12 февраля 2025 г. по делу № 2А-645/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bm1dQxo80ZJx/>, дата обращения: 09.10.2025.
2. Решение Ноябрьского городского суда № 2А-165/2020 2А-165/2020(2А-2743/2019;)-М-2875/2019 2А-2743/2019 М-2875/2019 от 8 января 2020 г. по делу № 2А-165/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FfjOrmz0ud6R/>, дата обращения: 09.10.2025.
3. Решение Хостинского районного суда № 2А-1411/2025 от 11 марта 2025 г. по делу № 2А-1411/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yq024vivijbR/>, дата обращения: 09.10.2025.
4. Фокина, М. А. Злоупотребление процессуальными правами, права и обязанности субъектов доказывания по гражданским делам: проблемы соотношения / М. А. Фокина // Российское правосудие. — 2008. — № 12(32). — С. 19–30.
5. Третьякова, Т. О. Проблемы злоупотребления процессуальным правом в гражданском и арбитражном процессе / Т. О. Третьякова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 2(23). — С. 418–420.

Снимок экрана (скриншот), электронная переписка и другие электронно-цифровые материалы как доказательства в гражданском судопроизводстве

Стародубцев Евгений Эдуардович, студент;

Генин Владислав Николаевич, студент

Научный руководитель: Батурина Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной работе рассматриваются вопросы правового регулирования, доктрины и практики правоприменения в части использования снимков экрана, то есть скриншотов, электронных переписок и других электронно-цифровых

материалов как средств доказывания в рамках гражданского судебного разбирательства, анализируется практика судебной оценки их доказательственных свойств, предлагаются меры совершенствования гражданского процессуального законодательства по вопросам обеспечения объективности и достоверности скриншотов, электронных переписок и других электронно-цифровых материалов как частных средств доказывания.

Ключевые слова: снимок экрана, электронная деловая коммуникация, доказательство, объективность и достоверность, электронно-цифровые материалы, доказывание в гражданском процессе.

Повсеместная информационная трансформация общества совершенно очевидным образом вносит соответствующие коррективы как в повседневную жизнь социума, так и в деловой оборот его членов. Компьютерные технологии определяют содержание современных общественных отношений, существенным образом облегчают их формирование и развитие.

Так, и урегулированные нормами права отдельные сферы общественных отношений стали в неразрывной связи с использованием информационных технологий, сети Интернет или иных информационно-телекоммуникационных сетей (как-то использование видеоконференцсвязи в различных формах судопроизводства, применение систем электронного документооборота в организации и деятельности органов публичной власти, учреждений и предприятий, использование систем электронного голосования и так далее). Тенденция цифровизации особенным образом обнаруживается в сфере частных правоотношений, характеризующихся необходимостью оперативной и непосредственной взаимной корреспонденции участников гражданских, жилищных, трудовых и иных правоотношений.

Как пример, одним из актуальных фактических способов заключения гражданско-правовых договоров (купли-продажи, мены, займа и др.) стало согласование субъектами существенных условий их обязательства в рамках переписки в различных социальных сетях, мессенджерах или специально созданных цифровых платформ. Адресованное неопределенному кругу лиц предложение заключить договор (публичная оферта) может быть содержанием какого-либо веб-сайта. Также, как и контроль работодателя за личным выполнением работниками своих трудовых обязанностей, оперативное управление производственным процессом находят свое выражение в «онлайн»-коммуникации.

В следствие чего субъекты различных правоотношений все чаще прибегают к использованию сведений, например, из «онлайн»-диалога, обличенных в статическую форму снимка экрана, для обоснования своей позиции в процессе судебного разрешения их спора. Однако проблема процессуальной оценки скриншота как средства доказывания явно не ограничивается только лишь необходимостью подтверждения фактов, отраженных в деловой «онлайн»-коммуникации. Скриншот позволяет статически зафиксировать любую «визуальную» для пользователя компьютерного устройства и юридически значимую для субъекта правоотношения «данность цифрового пространства». Однако современный правопри-

менитель, будучи в условиях частного гражданского процессуального пробела, на пути отправления правосудия находится в очевидном сомнении о правилах и порядке исследования и главное — оценки снимка экрана как средства судебного обоснования позиции.

Рассмотрим пример. Чертановский районный суд г. Москвы решением от 16.11.2023 года по делу № 2–4596/2023 отказал в удовлетворении исковых требований гражданина об установлении факта трудовых отношений и о защите социально-трудовых прав. Заявитель предъявил требование к работодателю о взыскании заработной платы за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда. Однако же, суд не нашел факт возникновения трудовых отношений истца и ответчика доказанным истцом: среди прочих доказательств истец приобщил к делу переписку с представителем работодателя в мессенджере «WhatsApp» в виде снимка экрана (скриншота), который был оценен судом при исследовании как недостоверное и недопустимое доказательство. Суд мотивировал позицию в этой части тем, что переписка в мессенджере была получена без привлечения специалиста по исследованию цифровой информации, без нотариального удостоверения, вследствие чего она и не может быть признана достоверным и допустимым доказательством [1]. Московский городской суд апелляционным определением от 23.04.2024 года № 33–14647/2024, согласившись и в этой части с доводами первой инстанции, оставил решение без изменений [2].

Таким образом, и суд первой и второй инстанций при исследовании и оценке доказательств пришли к выводу о том, что юридические свойства достоверности и, соответственно, допустимости такого доказательства, как переписка в мессенджере, представленная в виде снимка экрана, образуются только лишь в результате их нотариального удостоверения либо же использования помощи специалиста при их получении и исследовании. Такая позиция судов представляется нам логичной и обоснованной, поскольку современный уровень развития компьютерных и цифровых технологий позволяет недобросовестным субъектам любым возможным образом фальсифицировать сведения и данные, отраженные на предоставляемых ими снимках экрана, вследствие чего возникает необходимость дополнительной верификации указанных источников доказательственной информации.

Однако Второй кассационный суд общей юрисдикции занял совершенно противоположную позицию по вышеприведенному делу, отменив решение суда первой инстанции и апелляционное определение. Кассационная

инстанция обосновала свою позицию неправильным применением норм материального и процессуального права, в том числе и в части нарушения правил исследования и оценки доказательств. Кассационный суд в определении от 29.08.2024 г. по делу № 88–21123/2024 указал следующее: «ссылаясь на то, что переписка в мессенджере «WhatsApp» получена без привлечения специалиста по исследованию цифровой информации, без нотариального удостоверения и не может быть признана достоверным и допустимым доказательством по делу, суд не учел, что обязательной нотариальной формы заверения электронной переписки не предусмотрено» [3].

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ определением от 07.02.2023 N 5-КГ22–144-К2 также отменила решение Коптевского районного суда г. Москвы, апелляционное определение Московского городского суда и определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции. Высший судебный орган мотивировал свою позицию неправильным применением нижестоящими инстанциями норм процессуального права, в том числе их необоснованной оценкой предоставленных истцом снимков экрана электронной переписки, подтверждающей факт нарушения ответчиком авторских и иных смежных прав заявителя, как недостоверного и недопустимого доказательства ввиду отсутствия экспертного заключения, подтверждающего отсутствие изменений содержания электронной переписки [4].

Так, обнаруживаются явные неопределенность и противоречие практики судебного усмотрения и, соответственно, оценки доказательства — переписки в мессенджере, зафиксированный с помощью технологии «скриншот».

Нормы гражданского процессуального права достаточно детально регламентируют процесс доказывания и правовые свойства доказательств как вообще, так и их отдельных источников. Однако нормы главы 6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) прямо не называют ни переписку в сети «Интернет» или иной информационной-телекоммуникационной сети, ни снимок экрана, ни сведения из иного любого электронно-цифрового ресурса как самостоятельный вид средства доказывания [5].

Содержательно-правовой анализ ч. 1 ст. 71 ГПК РФ, на наш взгляд, позволяет квалифицировать электронную переписку, сведения из иных цифровых ресурсов и др., а равно снимок экрана (как способ их статичной фиксации) как письменное доказательство, поскольку они отвечают признакам «деловой корреспонденции или иных документов и материалов, выполненных в форме цифровой, графической записи, в том числе полученным посредством факсимильной, электронной и другой связи, с использованием сети «Интернет», закрепленным диспозицией ч. 1 ст. 71 ГПК РФ.

Ввиду того, что правоприменитель зачастую отождествляет предоставляемые субъектами гражданского процесса скриншоты, переписки в информационно-комму-

никационных сетях, данные с различных веб-ресурсов и др., считаем уместным указать на необходимость четкого разграничения и выявления соотношения данных центральных в рассматриваемом контексте понятий. Снимок экрана представляет собой конкретное цифровое изображение, передающее содержимое дисплея устройства. Иными словами, скриншот — лишь способ фиксации, статичного запечатления выводимых на экран устройства цифровых данных. Но сведения о фактах, имеющих значение для правильного и своевременного разрешения спора и находящиеся в деловой «онлайн»-корреспонденции, электронных сообщениях и отдельных цифровых материалах, исходя из смысла ст. 55 ГПК РФ, есть само доказательство и лишь потенциально возможное (если пользователь устройства и он же субъект правоотношения изъявит на то волю) информационное содержание данного скриншота. Поэтому для оценки достоверности и допустимости данных конкретных видов доказательств необходим комплекс верификации как содержания — собственно сведений в «электронно-цифровой материи», так и самого снимка экрана как формы и способа их фиксации.

Ч. 2 ст. 71 ГПК РФ прямо указывают на необходимость предоставления подлинников письменных доказательств либо же их копий, заверенных надлежащим образом. Данная конструкция в контексте рассматриваемой проблемы имеет крайне важное значение, поскольку она призвана на процедурном уровне обеспечить достоверность предоставляемых лицами, участвующими в деле, письменных доказательств.

Однако, на наш взгляд, данная правовая конструкция явно требует конкретизации применимо к рассматриваемому нами контексту. Ввиду того, что свойства электронно-цифровых материалов с компьютерно-технической точки зрения позволяют недобросовестным лицам — «опытным» пользователям — фальсифицировать, подложить данное доказательство, судья, не обладающий специальными знаниями в области цифровой информации и не способный собственными усилиями выявить их подложность, для формирования собственного мнения, основанного на всестороннем, полном и объектом исследовании доказательств, должен обладать конкретными гарантиями их достоверности. Такой гарантией, по нашему мнению, должна выступить обязательная предварительная верификация предоставляемых сторонами электронных переписок, иных электронных документов и материалов и собственно снимка экрана.

На основании вышеизложенного, считаем необходимым предложить федеральному законодателю конкретные меры совершенствования системы норм гражданского процессуального права в целях устранения пробела нормативного регулирования и формирования единой судебной практики исследования и оценки доказательств, представленных снимками экрана, электронными переписками и другими электронно-цифровыми материалами, а именно:

1. Дополнить пункт 2 статьи 71 ГПК РФ третьим абзацем в следующей редакции: «Электронные деловые корреспонденция и переписки, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» предоставляются в форме акта обследования и (или) расшифровки электронно-цифровых материалов, подготовленного специалистом по исследованию цифровой информации либо в форме снимков экрана (скриншота) с учетом требований статьи 77 настоящего Кодекса».

2. Изложить название статьи 77 ГПК РФ в редакции: «Аудио- и видеозаписи, снимки экрана (скриншот)».

3. Изложить абзац 1 статьи 77 ГПК РФ в следующей редакции: «Лицо, предоставляющее аудио — и (или) видеозаписи, снимки экрана (скриншоты) на электронном или ином носителе либо ходатайствующее об их истребовании, обязано указать, когда, кем и в каких условиях осуществлялись записи или производились снимки экрана».

4. Дополнить статью 77 ГПК РФ вторым абзацем в следующей редакции: «Лица, предоставляющие снимки экранов (скриншоты) должны обеспечить их нотариальное удостоверение или заверение специалистом по исследованию цифровой информации».

Литература:

1. Мотивированное решение по делу № 02–4596/2023 от 19.06.2023 / [Электронный ресурс] // Репутация: [сайт]. — URL: <https://reputation.su/sudrf/177272672> (дата обращения: 05.11.2025).
2. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.08.2024 по делу N 88–21123/2024 (УИД 77RS0033–02–2023–010174–12) / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1720854&rnd=yAWW1g#fdl3icUFq1bluL4K> (дата обращения: 05.11.2025).
3. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29.08.2024 по делу N 88–21123/2024 (УИД 77RS0033–02–2023–010174–12) / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=152102#fwZyATUaef6wQj8h> (дата обращения: 05.11.2025).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС Российской Федерации от 07.02.2023 N 5-KГ22–144-K2 (УИД 77RS0011–02–2021–006027–07) / [Электронный ресурс] // Legalacts: [сайт]. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07022023-n-5-kg22-144-k2/> (дата обращения: 05.11.2025).
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) / Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532.

К вопросу о правовых основах деятельности финансовых органов субъектов Российской Федерации

Стрельников Никита Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Дьяконова Алина Андреевна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В своей научной статье автор исследует правовые основы деятельности финансовых органов, анализирует положения действующего законодательства, касающиеся вопросов организации деятельности финансовых органов субъектов, формулирует отличительные черты региональных органов исполнительной власти.

Ключевые слова: финансовый орган, орган исполнительной власти, исполнительный орган.

Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют органы государственной власти соответствующих субъектов. При этом Конституция России не содержит перечня конкретных органов государственной власти, которые должны быть образованы в субъектах Федерации — это прерогатива регионов. В ч. 1 ст. 77 Конституции закреплено только требование

о необходимости соответствия системы органов государственной власти субъектов основам конституционного строя и общим принципам организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленным федеральным законом.

Федеративная форма государственного устройства России, закрепленная в ст. 5 Конституции, обуслови-

вает, как отмечает В. Е. Чиркин, вертикальное разделение единой государственной власти между Федерацией и субъектами на условиях сбалансированности, взаимодействия и субсидиарности при верховенстве федеральной государственной власти [1]. Внешним выражением публичной власти субъектов Федерации выступает система осуществляющих ее в пределах полномочий, определенных Конституцией, государственных органов.

Представляется важным заметить, что законодательство не содержит определения понятия «орган исполнительной власти». Поэтому мы вынуждены обращаться к теоретическим концепциям отечественных ученых-правоведов, которые в своих работах поднимали вопросы интерпретации понятия и сущности указанного термина.

Так, первая группа ученых считает, что орган исполнительной власти является автономной структурной единицей государственного аппарата. Такая единица является составным элементом всей системы публичной власти, имеет четко определенный круг полномочий (свою компетенцию). Целью создания и деятельности органа исполнительной власти является практическое применение законов и их исполнение посредством государственного управления [2].

Вторая группа авторов считают, что орган исполнительной власти — это структурное подразделение государственного механизма. Он создается в рамках системы разделения власти на три ветви для реализации законодательных норм в абсолютно разных сферах общественной жизни [3].

Проанализировав указанные точки зрения, мы пришли к выводу о том, что орган исполнительной власти — это элемент системы органов исполнительной власти, учрежденный самим государством для исполнения и обеспечения законов и иных нормативных правовых актов, а также для реализации функций государственного управления во всех разных сферах общественной жизни (экономика, промышленность, финансы, здравоохранение и др.) посредством использования специальных форм и методов осуществления управленческих действий, обладающий соответствующей структурой, компетенцией, государственно-властными полномочиями и штатом государственных служащих.

Базовой составляющей в организации деятельности в сфере финансов является орган государственной власти. Это обязательный элемент государственного механизма, реализующий определенные задачи и функции, наделенный для этого властными полномочиями, обладающий соответствующей компетенцией, имеющий собственную структуру, действующий на основании положения, утвержденного нормативным правовым актом.

Исходя из смысла ст. 72, 73 Конституции, можно сделать вывод, что федеральным законом могут быть установлены только общие принципы, на основе которых осуществляется формирование и наделение компетенцией органов государственной власти субъектов Федерации. Все остальные вопросы, касающиеся деятельности ре-

гиональных органов, относятся к исключительному ведению субъектов и регулируются ими самостоятельно. Построение системы органов, осуществляющих финансовую деятельность на региональном уровне, базируется на конституционных принципах государственной целостности Российской Федерации, единства системы государственной власти, разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти.

В этой связи при формировании системы органов государственной власти субъекты должны руководствоваться Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Согласно положениям данного федерального закона обязательным органом исполнительной власти в регионе является финансовый орган, который осуществляет составление и организацию исполнения регионального бюджета, иные бюджетные полномочия в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации [4].

Стоит заметить, что в современной отечественной юридической науке не существует унифицированного подхода относительно определения понятия «орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации» [5].

Более того, во многих монографических трудах, научных статьях, а также учебно-методических сборниках встречается понятие «исполнительный орган субъекта Российской Федерации». Такая же правовая конструкция закреплена и в ст. 34 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» при описании правового положения финансового органа субъекта Российской Федерации. Полагаем, что данные правовые конструкции синонимичны. Аналогичной точки зрения придерживается большая часть теоретиков права. В Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» используются обе формулировки. Так, например, в ч. 1 ст. 32 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» указано, что **высший исполнительный орган** субъекта Российской Федерации **является** постоянно действующим **органом исполнительной власти** субъекта Российской Федерации.

На наш взгляд, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации — это орган государственной власти, являющийся частью единой системы органов исполнительной власти Российской Федерации, осуществляющий исполнительную и распорядительную деятельность субъекта Российской Федерации в пределах своей компетенции, наделенный государственно-властными полномочиями, взаимодействующий с федеральными органами исполнительной власти, законодательными (представительными) органами субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Считаем необходимым отметить важность значения органов исполнительной власти субъектов, которое вы-

ражается в непосредственном руководстве в субъекте и выполнении функций и задач государства. В особой, самой тесной взаимосвязи находятся финансовые органы и органы исполнительной власти, эффективность деятельности которых, по мнению В. П. Уманской, является важнейшим фактором, влияющим не только на темпы социально-экономического развития страны, но и на качество всего государственного управления и, как следствие, на уровень жизни граждан [6]. В реализации политики государства в финансовой, бюджетной сфере принимают участие практически все органы единой системы публичной власти, но степень их участия различна. Однако значительная роль отведена органам специальной компетенции — финансовым органам, в том числе финансовым органам субъектов Российской Федерации.

Финансовый орган субъекта Российской Федерации — это орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, входящий в единую систему исполнительной власти и отвечающий за реализацию финансовой политики региона. Кроме того, согласно ст. 34 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» финансовый орган субъекта Российской Федерации является обязательным исполнительным органом субъекта Российской Федерации, формируется в соответствии с законодательством субъекта Российской Федерации и осуществляет составление и организацию исполнения бюджета субъекта Российской Федерации, а также иные бюджетные полномочия в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации.

В ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации закрепляется положение, согласно которому финансовые органы — это Министерство финансов Российской Федерации; органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие составление и организацию исполнения бюджетов субъектов; органы местных администраций муниципальных образований, осуществляющие составление и организацию исполнения местных бюджетов.

Стоит заметить, что вышеуказанная легальная дефиниция критикуется многими авторами, так как представляет собой только перечисление субъектов финансовой системы, входящих в систему органов публичной власти современной России. Определение в форме перечня не дает возможности для более полного толкования особенностей и основных характеристик исследуемого термина [7].

Финансовый орган субъекта Российской Федерации — это обязательный орган исполнительной власти в субъекте Российской Федерации, имеющий полномочия по составлению и исполнению регионального бюджета. Специфика юридической регламентации правового статуса финансовых органов субъектов Российской Федерации заключается в наличии автономии и самостоятельности регионов по вопросам формирования структуры и организации региональных органов исполнительной власти.

Следовательно, номенклатура финансовых органов в субъектах Российской Федерации может варьироваться.

Исполнение бюджета любого уровня в бюджетной системе Российской Федерации имеет целью решение двух основных задач. Во-первых, полно и своевременно собрать запланированные в бюджете доходы. Во-вторых, обеспечить финансирование установленных в бюджете направлений расходов и запланированных мероприятий в пределах показателей и в течение того финансового года, на который утвержден бюджет. Обеспечение и организация исполнения и непосредственное исполнение бюджетов возложена на органы исполнительной власти соответствующего уровня [8]. Бюджетный кодекс содержит основные положения порядка исполнения для бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации. Детальный же порядок исполнения региональных бюджетов определяется в бюджетном законодательстве субъекта федерации. Так, например, в Оренбургской области вопросы организации бюджетного процесса урегулированы Законом Оренбургской области от 26 декабря 2013 г. № 2093/592-V-ОЗ «О бюджетном процессе в Оренбургской области». В соответствии с нормами этого закона исполнение областного бюджета обеспечивается Правительством Оренбургской области, а организация исполнения областного бюджета возлагается на министерство финансов Оренбургской области, что согласуется с нормами федерального законодательства [9]. Согласно ст. 215.1 Бюджетного кодекса исполнение бюджета субъекта Российской Федерации обеспечивается соответственно высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации, организация исполнения бюджета возлагается на соответствующий финансовый орган региона.

Статья 215.1 Бюджетного кодекса также устанавливает правило кассового обслуживания для бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации. Кассовое обслуживание исполнения бюджетов всех уровней в Российской Федерации осуществляется Федеральным казначейством. Функции кассового обслуживания исполнения бюджетов бюджетной системы являются частью кассовых полномочий и означают проведение и учет операций по кассовым поступлениям в бюджет и кассовым выплатам из бюджета.

Выполнение Федеральным казначейством кассовых полномочий для всех бюджетов связано с реализацией установленного Бюджетным кодексом Российской Федерации принципом единства кассы. Принцип единства кассы означает зачисление всех кассовых поступлений и осуществление всех кассовых выплат с единого счета бюджета. Принцип единства кассы является формой отражения в бюджетном процессе фундаментального принципа единства государства. Этот же принцип единства нашел свое выражение и в принципе единства бюджетной системы. Единство кассы выражается в существовании единого счета для каждого бюджета бюджетной системы, что позволяет увеличить степень сохранности бюджетных средств, обеспечить прозрачность операций, реализуемых

при исполнении бюджета, улучшить контроль за целевой направленностью бюджетных расходов, повысить оперативность представления бюджетной отчетности и ее достоверность.

Федеральное казначейство является федеральным органом исполнительной власти — федеральной службой, находящейся в ведении Минфина России. Финансовые органы также входят в число исполнительных органов, но являются не службами, а органами, обладающими нормотворческими полномочиями.

Анализ региональной практики позволил выявить ряд особенностей в формировании системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих финансовую деятельность. Преимущественно в субъектах образованы министерства финансов, функции которых могут включать, наряду с выработкой финансовой политики субъекта и нормативно-правовым регулированием в установленной сфере деятельности, также осуществление государственного финансового контроля. Такой смешанный характер функций финансовых органов объясняется тем, что зачастую они выступают в качестве единственных органов отраслевого управления субъекта в сфере финансов. Вместе с тем возможно образование, наряду с региональными контрольно-счетными палатами, подотчетными законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта, специальных органов финансового контроля в рамках исполнительной ветви власти. Так, в Оренбургской области создан Комитет внутреннего государственного фи-

нансового контроля Оренбургской области, который является исполнительным органом Оренбургской области, осуществляющим функции по контролю в финансово-бюджетной сфере и контролю за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [10].

В целом, современная организация деятельности финансовых органов субъектов Российской Федерации представляет собой сбалансированную систему, сочетающую централизованный подход с необходимостью эффективного регионального управления финансовыми ресурсами.

Анализ правовой базы субъектов Российской Федерации позволил выделить авторское определение термина «финансовый орган субъекта Российской Федерации», расширив легальную дефиницию, закрепленную в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Финансовый орган субъекта Российской Федерации — это обязательный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации постоянного длительного действия, обладающий властными и координирующими полномочиями в области финансовой сферы, включая бюджетную и налоговую сферы, а также в области закупок товаров, работ и услуг, статус которого урегулирован федеральным законодательством и законодательством субъекта Российской Федерации, а компетенция распространяется на все объекты управления соответствующей территории.

Литература:

1. Автономов А. С., Богдановская И. Ю., Васильева Т. А. и др. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / под ред. Топорнина Б. Н. М.: Юрист, 2001. С. 374.
2. Хаманева Н. Ю. Административное право России: учебник / отв. ред. Н. Ю. Хаманева, В. В. Альхименко, А. А. Выручаев. М.: Проспект, 2013. С. 368.
3. Попова Н. Ф. Административное право: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / отв. ред. Н. Ф. Попова, М. А. Козлов. М.: Юрайт, 2019. С. 341.
4. Федеральный закон от 21 декабря 2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. Вовк Е. А. Понятие и признаки исполнительной власти в России // Аллея науки. 2020. № 9 (48). С. 402–405.
6. Уманская В. П. Формы реализации исполнительной власти. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной реальности России: в 12 т. Т. VIII. Административное право в системе современного российского права: монография / под ред. Хачатурова Р. Л.; Шергина А. П. М., 2022. С. 134
7. Кузин П. Р., Абрекова А. М. Финансовая система Российской Федерации и ее элементы // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем: сборник XVI Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 10–13.
8. Матейчук А. С. Правовые особенности организации исполнения бюджета в субъектах Российской Федерации URL: https://arzas.ru/upload/medialibrary/e44/Mateichuk_Artemova.pdf (дата обращения: 24.02.2025).
9. Закон Оренбургской области от 26 декабря 2013 г. № 2093/592-V-ОЗ «О бюджетном процессе в Оренбургской области». URL: <http://www.pravo.gov.ru>
10. Указ Губернатора Оренбургской области от 07 апреля 2020 г. № 164-ук «Об утверждении положения о комитете внутреннего государственного финансового контроля Оренбургской области». URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Хроника судебной реформы в России в 1990–2000-е годы: этапы преобразований и их итоги

Стругач Софья Александровна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье анализируются этапы и особенности проведения судебной реформы 1990–2000 годов в России. Определяется цель и предпосылки реформы. Актуальность исследуемой темы обусловлена процессами становления судебной власти как самостоятельной ветви власти в контексте разделения властей и формирования правового государства в постсоветский период.

Ключевые слова: судебная реформа, правовое государство, преобразования, судебная система, этапы проведения реформы, реформа Верховного Суда

Chronicle of judicial reform in Russia in 1990–2000s: stages of transformation and their outcomes

The article analyzes the stages and specific features of judicial reform in Russia between 1990 and 2000. It identifies the reform's purpose and prerequisites. The relevance of this topic stems from the development of the judiciary as an independent branch of government in the context of the separation of powers and the formation of a rule of law in the post-Soviet period. The study begins with an analysis of the Resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR of October 24, 1991, which laid the conceptual foundations for judicial reform. This document acknowledged the poor standing of the Soviet judicial system and aimed to create an independent and authoritative judiciary capable of ensuring a balance between the executive and legislative branches.

Keywords: judicial reform, rule of law, transformations, judicial system, stages of reform, reform of the Supreme Court

В начале 1990-х годов Российская Федерация приступила к осуществлению масштабных реформ в политической, экономической и социальной сферах, что существенно повлияло на последующий курс развития страны. Начался процесс создания государства и общества, основанного на принципах политического плюрализма, рыночной экономики и верховенства прав и свобод личности. Была поставлена задача формирования правового государства. Преобразования затронули и судебную систему. В обществе усиливалось понимание того, что частичные улучшения в сфере судебных процедур и правосудия не способны решить накопившиеся проблемы. Возникла необходимость в глубокой судебной реформе, базирующейся на либерально-демократических ценностях, которая должна была стать неотъемлемой частью общей перестройки государственного аппарата.

Судебная реформа в России в 1990–2000-х годах представляла собой обширный и сложный процесс переустройства советской судебной системы с целью создания структуры, отвечающей принципам правового государства и функционирования рыночной экономики. Этот процесс не был разовой мероприятием, а скорее продолжительной цепочкой нормативных и институциональных преобразований.

Актуальность изучаемой темы связана с процессом становления судебной власти как самостоятельной ветви в системе разделения властей и важного элемента правового государства, что отражает существенные перемены в постсоветский период.

Концепция судебной реформы, одобренная Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 года, зафиксировала низкий статус советской судебной системы по сравнению с другими государственными институтами. Главной задачей было провозглашено создание правосудия в качестве независимого и влиятельного института, способного сбалансировать исполнительную и законодательную ветви власти [1].

Формированию российской модели правового государства в рамках данного процесса уделено внимание исследованиями А. Б. Белинкова, А. Бланкенагеля, А. Г. Дугина, Б. Г. Капустина, А. Н. Медушевского и других ученых. Концепции, представленные в работах указанных исследователей, были задействованы в данной работе главным образом для целей методологии. Следует рассмотреть некоторые мнения и оценки исследователей.

По мнению А. Н. Медушевского, смена парадигмы рассматривалась как ведущий запрос после распада Советского Союза, обусловленный необходимостью обрести устойчивость, которая отражалась в общественной консолидации после двух разрушительных коллапсов государственности в течение XX века [6, с. 21]. Однако суть этого запроса варьировалась в зависимости от различных социальных групп: у одних это было выражено в желании любых перемен, у других — в желании защитить государство от внешнего воздействия, а у третьих — в стремлении сохранить нормы, сложившиеся в период 1990-х годов, опасаясь больших потерь при их изменении.

Для А. Г. Дугина: «судебная реформа — не технико-юридический процесс, а часть глобального идеологи-

ческого проекта, направленного на демонтаж традиционной советской государственности» [4]. Согласно точке зрения А. Г. Дугина, реформа представляется как составляющая процесса «вестернизации» России, внедрённая извне в период так называемого «либерального фундаментализма» 1990-х годов. Цель проводимых преобразований заключалась не в обеспечении прав человека, а в замене существовавшей ранее советской правовой системы, базировавшейся на принципах социальной справедливости и коллективизма, на модель, ориентированную на атомарный индивидуализм, частную собственность и глобальный либерализм. Он полагает, что Россия не ограничилась простым копированием отдельных элементов, а интегрировала чужую ей правовую парадигму, которая идет вразрез с её цивилизационным кодом как государства с самобытной логикой развития.

Можно выделить два этапа проведения судебной реформы.

Первый этап ознаменовался глубокими изменениями, ставших основополагающими для формирования нынешней российской судебной системы. Временной отрезок был обусловлен распадом Советского Союза и потребностью создания нового государства, переходом от централизованной планировки экономики к рыночным отношениям, что подразумевало наличие соответствующих норм гражданского и хозяйственного законодательства, а также закреплением принципа верховенства закона в Российской Федерации (в соответствии со статьей 1 Конституции РФ 1993 года) [7, с. 8].

11 апреля 1991 года прошло объединенное совещание Президиума Верховного Суда РСФСР и Коллегии Министерства юстиции РСФСР, участниками которого стали руководители высших судебных инстанций регионов, эксперты в области права и практикующие специалисты. По итогам заседания было принято решение о созыве Съезда судей. Ключевым вопросом, предназначенным для рассмотрения на Съезде, стала тема «Концепция и ключевые нормативные документы судебной реформы».

Задача стояла в создании Концепции судебной реформы, охватывающей обновление не только процедурных аспектов и структуры судебной системы, но и трансформация прокуратуры, следственных подразделений, адвокатского сообщества, структур Министерства юстиции, а также подготовку ряда законопроектов в различных областях права. В процесс разработки проекта Концепции были привлечены специалисты из различных государственных органов, научных работников и преподаватели юридических дисциплин.

13 мая 1991 года Президиум Верховного Совета РСФСР издал распоряжение о проведении Съезда судей, тем самым продемонстрировав поддержку инициативе о созыве Всероссийского съезда судей для обсуждения и утверждения ключевых принципов судебной реформы [2].

В течение июля 1991 года специальная группа, сформированная из судей российских судов разного уровня, систематизировала полученные предложения, представив

их в виде документа под названием «Предложения по концепции судебной реформы». Данный документ был опубликован в журнале «Советская Юстиция» в августе того же года и содержал описание сути, траектории и методики проведения судебной реформы, дополненного аргументацией предложенных шагов. К основным аспектам относились:

- закрепление судебной власти как самостоятельного и равноправного участника среди законодательной и исполнительной властей;

- обеспечение полной независимости судов от юстиции, оставляя только функции исполнения судебных решений в их ведении;

- снятие с суда обвинительной нагрузки и передача обязанностей по сбору и представлению доказательств сторонам процесса;

- внедрение состязательного принципа в судопроизводстве и отмена института предварительного расследования в уголовных делах;

- ликвидация ревизионных принципов в работе высших судебных инстанций, восстановление апелляционного порядка и улучшение кассационной системы;

- формирование новой структуры судебных органов, в которую вошли мировые судьи, федеральные районные и межрайонные суды, окружные суды и Верховный Суд РСФСР;

- отмена института народных заседателей с поэтапным введением суда с участием присяжных;

- пересмотр порядка назначения судей и условий завершения их полномочий, закрепление института помощников судей в качестве формы профессиональной подготовки к судебной деятельности [1].

Ключевые законодательные нововведения первого этапа включали:

- Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, до появления нового УПК реформа осуществлялась посредством внесения поправок, например, введение судебного контроля за заключением под стражу (обязательное санкционирование ареста судом) в вошедшем в силу в 1992 году — стало важным этапом обеспечения прав человека [8].

- Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» 1996 года, который определил унифицированную централизованную структуру, зафиксировал типы судов, их функции и основы правового положения судей [3].

На втором этапе судебной реформы, начиная с 2000-х наблюдалось стремление к структурированию реформенного процесса, совершенствованию результатов и интеграции судебной системы в общую схему функционирования «управляемой демократии» [5]. Этот период развивался в условиях усиления государственной власти и формирования вертикали управления, экономического подъема и стабилизации, позволившего увеличить финансирование судебной сферы, а также борьбы с коррупцией и терроризмом, объявленной приоритетами и оказавшей влияние на принятые законы.

Основные изменения и нововведения включали принятие процессуальных кодексов нового формата:

— Уголовно-процессуальный кодекс РФ (2001), который закрепил принцип состязательности сторон, расширил возможности защиты обвиняемого, установил судебный контроль на стадии предварительного следствия (например, обязательное одобрение обыска следователем). Хотя позже в него были внесены изменения, усиливающие полномочия следствия.

— Гражданский процессуальный кодекс РФ (2002), который усилил состязательный характер гражданского разбирательства.

— Арбитражный процессуальный кодекс РФ (2002), который создал современную и действенную систему для разрешения коммерческих конфликтов.

— Кодекс об административных правонарушениях (2001), упорядочивший процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях.

— Учреждение Судебного департамента при ВС РФ 1998 года, целью которого являлось обеспечение деятельности судов, способствующее улучшению финансирования и оснащения материальными ресурсами.

— Реформа Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, демонстрирующая стремление к единообразию судебной практики и централизации управления.

— Создание специализированных судов, которые рассматривались, как учреждения административных и детских судов.

Подводя итоги и давая оценку основным этапам проведения судебной реформы, можно сделать следующие выводы. В первую очередь, создана современная и многогранная судебная система, опирающаяся на конституционные принципы. Внедрены базовые элементы состязательного процесса. Разработан эффективный механизм разрешения экономических разногласий (арбитражные суды). Судебная ветвь власти превратилась в действенный инструмент защиты прав граждан при взаимодействии с государством. Значительно возрос уровень профессионализма судей и юристов.

Судебная реформа 1990-х — 2000-х годов явилась настоящей революцией в законодательстве, однако оставила след эволюции в практической реализации. Главный парадокс реформы заключается в несоответствии между заявленной независимостью судебной власти и реальностью, практика которой продолжает вызывать оживлённые дебаты в российском обществе.

Судебная реформа не может продолжаться бесконечно. Вместе с тем важно понимать, что процесс улучшения механизмов судебной власти, организации судебной системы, регламентации судопроизводственной деятельности, правового статуса судей и иных правовых норм, используемых в процессе осуществления правосудия, подобно развитию всей системы государственной власти, является непрерывным процессом и требует дальнейшего изучения, научного анализа и своевременной корректировки.

Литература:

1. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/6318369/>
2. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 мая 1991 г. «О проведении Съезда судей Российской Федерации»
3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации»
4. Дугин А. Д. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / Александр Дугин. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. 351 с.
5. Лебедев В. М., Хабриева Т. Я. Правосудие в современном мире: монография. Москва: Норма, 2019. 784 с. [Электронный ресурс] URL: <https://znanium.com/catalog/product/1071794>(дата обращения: 06.11.2025)
6. Медушевский А. Конституция и социальный запрос на изменения в современном российском обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2019 № 1 (128). С. 21–41.
7. Петухов, Н. А. Судебная система и правосудие в дореформенный период. Предпосылки судебной реформы в Российской Федерации / Н. А. Петухов, В. А. Бобренев // Российское правосудие. — 2011. — № 11. — С. 5–22.
8. Печегин Д. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: комментарий к новейшей действующей редакции / Д. А. Печегин. Москва: Эксмо, 2023. — 480 с.

Способы защиты прав потребителей при заключении и исполнении договоров

Тепляшин Руслан Анатольевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Федорова Любовь Васильевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу двух основных механизмов защиты прав потребителей в Российской Федерации: досудебного и судебного порядка урегулирования споров. Подробно рассматривается досудебная процедура как первоначальный обязательный этап, включающий подачу претензии, её рассмотрение, заключение соглашения или отказ в удовлетворении требований. Особое внимание уделяется практическим аспектам: срокам, оформлению документов и преимуществам досудебного урегулирования, таким как экономия времени и ресурсов сторон.

Судебный порядок защиты исследуется как инструмент для случаев, когда досудебные процедуры исчерпаны. Описываются этапы судебного процесса — от подготовки иска до исполнения решения, подчеркивается роль профессиональных юристов и всестороннего анализа доказательств. В качестве примера приводится определение Верховного Суда РФ, подтверждающее право потребителя на выбор подсудности.

Ключевые слова: защита прав потребителей, досудебный порядок, судебное разбирательство, претензия, урегулирование споров, потребитель, поставщик, продавец, исполнитель услуг.

Защита прав потребителей осуществляется двумя основными способами: досудебным порядком урегулирования спора и судебным разбирательством. Рассмотрим каждый из них подробнее.

1) Досудебный порядок защиты прав потребителей представляет собой процедуру урегулирования конфликтов, возникающих между потребителями и поставщиками товаров либо услуг, посредством переговоров сторон без обращения в судебные органы. Данный этап играет важную роль в разрешении споров, поскольку многие нормативные правовые акты предусматривают обязательное соблюдение досудебного порядка перед подачей искового заявления в суд.

Согласно действующему законодательству, стороны обязаны предпринять попытку разрешения спора мирным путём до начала официального судебного процесса. Это позволяет избежать излишней нагрузки на судебную систему, способствует экономии временных ресурсов участников правоотношений и помогает минимизировать финансовые издержки, связанные с судебными разбирательствами [10, с. 25].

Основные этапы досудебного порядка

– обращение с претензией. Досудебная процедура урегулирования споров между потребителем и поставщиком начинается с подачи письменной претензии. Потребитель обязан направить продавцу (исполнителю услуг, подрядчику и др.) подробное заявление, содержащее исчерпывающее описание возникшей проблемы и четкое требование (возврат денежных средств, устранение дефектов продукции, предоставление аналогичного товара надлежащего качества). Данный этап направлен на урегулирование конфликта путем добровольного исполнения обязательств второй стороной. Важно отметить, что подача претензии должна осуществляться строго в установленной форме — предпочтительно заказным письмом

с уведомлением либо лично вручаться представителю продавца с обязательной отметкой о получении документа. Это обеспечит документальное подтверждение факта обращения потребителя и соблюдения установленного законом порядка действий перед подачей иска в судебные органы. Кроме того, законодатель допускает возможность составления акта рекламации совместно с представителями сторон. Такой акт служит дополнительным доказательством наличия нарушений условий договора поставки и правомерности предъявляемых требований;

– рассмотрение претензии. Следующий этап процедуры включает обязательный процесс изучения полученной жалобы поставщиком [11, с. 13].

Поставщик должен оперативно провести проверку обстоятельств дела и принять решение относительно удовлетворения выдвинутых требований. Законодательство предусматривает строгий регламент сроков рассмотрения претензий, продолжительность которого определяется характером заявленных требований. Например, сроки рассмотрения жалоб могут варьироваться от нескольких рабочих дней до одного календарного месяца. Для некоторых категорий товаров установлены специальные правила расчета срока реагирования на жалобу покупателя. Так, законодательство отдельно регулирует порядок возврата технически сложных изделий длительного пользования, отличающийся условиями возврата денежных средств и порядком замены некачественного изделия на аналогичный товар соответствующего качества. Принимая решение о способе устранения недостатков, поставщик вправе предложить покупателю альтернативные варианты решения вопроса (замена товара, ремонт, снижение цены), однако выбор конкретного варианта остается за самим покупателем [12, с. 101]. Рассмотрев заявленные требования, продавец направляет ответ потребителю одним из способов, предусмотренных нормативными актами (почтовое отправление, факс, электронная почта);

– заключение соглашения. В случае положительного результата переговоров возможно заключение двустороннего соглашения между участниками спора, которое удостоверяет достижение компромисса и согласие обеих сторон относительно способа удовлетворения потребностей потребителя. Документально подтвержденное примирительное соглашение гарантирует отсутствие дальнейших разногласий и необходимость последующего судебного разбирательства. Однако нередко стороны приходят к компромиссному решению без заключения официального соглашения, ограничиваясь устной договоренностью и дальнейшим исполнением обязательств добровольно одной из сторон;

– отказ поставщика удовлетворить требования. К сожалению, далеко не каждый случай заканчивается мирным разрешением конфликта. Если поставщик игнорирует законные права потребителя, отказываясь исполнить обоснованные требования последнего или намеренно затягивая принятие необходимых мер, последний имеет право воспользоваться правом на обращение в компетентные государственные инстанции и суды общей юрисдикции. Отсутствие своевременного и удовлетворительного ответа от контрагента является основанием для направления искового заявления в судебную инстанцию. При подготовке документов рекомендуется предварительно собрать доказательства недобросовестного поведения поставщика (копии писем, квитанций о направлении корреспонденции, акты проверок и прочие подтверждающие материалы). Такие документы существенно повысят шансы истца на успешное разрешение ситуации в судебном порядке.

Соблюдение указанных этапов позволяет сторонам минимизировать риски возникновения длительных судебных разбирательств и эффективно защищать свои интересы в рамках действующего законодательства.

Досудебный порядок урегулирования споров обладает рядом значимых преимуществ, среди которых особо выделяются следующие аспекты:

Во-первых, использование данного механизма позволяет существенно сократить временные затраты, необходимые для разрешения конфликтных ситуаций. Это достигается благодаря отсутствию формальных процедур судебного разбирательства, что обеспечивает возможность оперативного принятия решений сторонами конфликта.

Во-вторых, применение досудебного порядка способствует минимизации расходов сторон, связанных с оплатой судебных издержек, включая услуги адвокатов, экспертов и иных специалистов. Экономия финансовых ресурсов является важным фактором, особенно в условиях экономической нестабильности и ограниченности бюджетных возможностей организаций.

Кроме того, досудебная процедура позволяет сохранить конструктивные деловые отношения между участниками спора, что имеет большое значение для дальнейшего сотрудничества и развития взаимовыгодных деловых

связей. Данный аспект приобретает особую значимость в ситуациях, когда стороны заинтересованы в продолжении долгосрочного взаимодействия и поддержании репутации добросовестного партнера на рынке [14, с. 67].

Наконец, эффективность досудебного порядка проявляется в возможности быстрого достижения компромисса и выработки взаимоприемлемого решения, что значительно сокращает сроки рассмотрения дела и снижает уровень стресса и напряженности, возникающих в ходе длительного судебного процесса.

2) Защита нарушенных или оспариваемых прав потребителей осуществляется посредством судебного порядка, предусмотренного российским законодательством, в ситуациях, когда внесудебные процедуры урегулирования спора исчерпали себя либо оказались неэффективными. Обращение в суд становится необходимым этапом правовой защиты, предоставляя возможность всестороннего исследования обстоятельств дела, тщательного анализа представленных доказательств и аргументов каждой стороны процесса. Судебная процедура направлена на установление истины и принятие справедливого решения, основанного на нормах права и фактических обстоятельствах дела. Она обеспечивает соблюдение принципа состязательности сторон, гарантируя каждому участнику равноправие перед законом и беспристрастность суда при оценке фактов и принятии итогового вердикта. Судебное разбирательство является эффективным инструментом восстановления справедливости и законности в отношениях между потребителями и поставщиками товаров или услуг, обеспечивая надежную защиту законных интересов участников гражданского оборота.

Этапы судебного процесса:

– подготовка искового заявления: составление искового заявления, содержащего описание обстоятельств дела, обоснование требований и приложенные доказательства.

– подсудность и подача иска: иск подается в суд общей юрисдикции по месту жительства истца или местонахождению ответчика. Подсудность определяется нормами Гражданского процессуального кодекса.

– судопроизводство: проведение предварительного заседания, назначение основного слушания, рассмотрение доказательств и аргументов сторон.

– вынесение решения суда: по итогам рассмотрения дела суд выносит решение, которое вступает в законную силу после истечения срока на апелляционное обжалование.

– исполнение решения суда: решение суда подлежит обязательному исполнению ответчиком. Если ответчик уклоняется от исполнения, применяются меры принудительного взыскания [13, с. 93].

Так, определение Верховного Суда РФ от 16.05.2023 № 18-КГ23-18-К4 касается спора о подсудности дела по иску потребителя к организации. Верховный Суд отменил решения нижестоящих судов, передавших дело в другой суд на основании договорной подсудности, и направил его на новое рассмотрение.

Истец обратился в суд по месту своего жительства с иском к ООО «СБСВ-КЛЮЧАВТО БЕТА» о признании недействительными условий договора, взыскании неустойки и компенсации морального вреда. Ответчик ссылался на условие договора о подсудности спора суду по месту своего нахождения.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций передали дело в другой суд, сославшись на договорную подсудность. Однако Верховный Суд указал, что:

- истец как потребитель вправе выбирать суд по месту своего жительства, месту заключения или исполнения договора (ч. 7 ст. 29 ГПК РФ, п. 2 ст. 17 Закона о защите прав потребителей);
- предъявление иска по альтернативной подсудности свидетельствует о несогласии с условием договора о договорной подсудности.

Суды не оценили доводы истца о нарушении его прав как потребителя, что является существенным нарушением процессуального права.

Верховный Суд подчеркнул, что включение в договор условия о подсудности не лишает потребителя права на выбор суда. Предъявление иска по месту жительства истца само по себе оспаривает такое условие, и суд обязан рассмотреть дело по существу [8].

Судебный порядок обладает рядом специфических особенностей, обусловленных его юридической природой и значением в правоприменительной практике. Одной из ключевых характеристик является возможность привлечения высококвалифицированных специалистов — про-

фессиональных юристов, обладающих необходимыми знаниями и опытом для грамотного ведения дел и представления интересов сторон. Это позволяет обеспечивать высокий уровень правовой защиты участников процесса и способствует объективному рассмотрению дела.

Кроме того, судебный процесс предполагает проведение комплексного исследования всех представленных сторонами доказательств, включая письменные материалы, вещественные доказательства, показания свидетелей и экспертов. Такой подход обеспечивает всесторонность рассмотрения дела и повышает вероятность вынесения справедливого и законного решения.

Важнейшей особенностью судебного порядка также выступает обязательное участие компетентного государственного органа власти — суда, уполномоченного осуществлять правосудие. Судьи обладают специальной подготовкой и квалификацией, позволяющими принимать обоснованные и мотивированные решения, соответствующие действующему законодательству и общепринятым нормам права. Вынесенное судом решение имеет обязательную юридическую силу и подлежит исполнению всеми участниками правоотношений [9, с. 148].

Итак, особенности судебного порядка заключаются в совокупности факторов, обеспечивающих привлечение квалифицированных юристов, осуществление полного и беспристрастного изучения доказательственной базы и принятие решений компетентным органом государственной власти, что гарантирует соблюдение принципов справедливости, законности и обоснованности при разрешении правовых споров.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.01.1996, № 5, Ст. 410.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (часть I), ст. 1.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (часть I), ст. 3.
6. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340.
7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, № 1 (часть I), ст. 14.
8. Определение Верховного Суда РФ от 16.05.2023 № 18-КГ23-18-К4 // <https://base.garant.ru/406976042/>
9. Алиева А. А. К вопросу о подсудности дел о защите прав потребителей // Закон и право. 2025. № 5. С. 148–154.
10. Вишневский А. А. О субъектах, пределах и принципах защиты потребителя // Закон. 2023. № 9. С. 25–36.
11. Илюшников Д. С. Особенности претензионного порядка защиты прав потребителей при реализации туристских услуг // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 5. С. 13–48.
12. Кусков А. С. Потребительское право. — М.: Юрайт, 2024.
13. Шайхаттаров И. Ф. Компетенции судов и подсудность дел о защите прав и законных интересов группы лиц // Вопросы права. 2025. № 2. С. 93–10.
14. Харитонов И. К. Формы и способы защиты прав потребителей при исполнении договора строительного подряда // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4 (36). С. 67–77.

Правовые основы ограничения социально-экономических прав и свобод человека и гражданина

Уханов Максим Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Печеневская Мария Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Права человека — это права, присущие всем людям, независимо от расы, пола, национальности, этнической принадлежности, языка, религии или любого другого статуса. Каждый человек имеет права, которые не должны подвергаться какой-либо дискриминации.

Конституцией Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения [1]. Они делятся на группы в зависимости от сферы человеческой деятельности.

Сфера социально-экономических отношений является одной из наиболее востребованных сфер человеческой жизни. Социально-экономический интерес — понятие многогранное и сложное, включающее в себя прежде всего потребности человека в достижении намеченных социально-экономических целей и выбор конкретных практических действий, зависящих от внутренних убеждений каждого индивида (мораль, традиции, религиозные убеждения и пр.). Достаточно сложно выделить полный, исчерпывающий каталог экономических прав граждан в современном мире, тем более сложно отграничить их от смежных с ними социальных и культурных прав.

Социально-экономические права и свободы — это права, призванные гарантировать человеку возможность удовлетворения его жизненных потребностей и получать от государства защиту своей экономической свободы и социальных льгот. Реализация прав и свобод гарантирована законодательством России и международным законодательством. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года связывает эти права с идеалом свободной человеческой личности, свободной от страха и нужды [2].

Общество в целом, человек и гражданин в частности ежедневно сталкиваются с проблемами недостаточной реализации социально-экономических интересов: материальное благополучие, экономическая самостоятельность, удовлетворение потребностей в качественных товарах и услугах.

Кроме того, Конституция Российской Федерации и ряд иных законодательных актов Российской Федерации предусматривает возможность ограничить права, предоставленные каждому человеку. В данных случаях под ограничением прав понимается осуществляемое в соответствии с предусмотренными законом основаниями и в установленном порядке сужение его объема [3].

Рассматривая этимологическое значение слова «ограничение», можно сделать вывод, что содержание этого слова в Конституции РФ намного шире, потому что Конституция РФ является документом, имеющим универсальный характер, устанавливающим меру поведения для граждан и пределы функционирования для общества, государства, государственных органов, юридических лиц. Также запреты и обязанности обращены к государственным органам, должностным лицам, гражданам, общественным объединениям, органам местного самоуправления [4].

В отечественном законодательстве используется понятие «ограничение прав и свобод», которое в научной литературе трактуется неоднозначно, но суть всех толкований в том, что ограничения не присущи праву, как границы, и они представляют собой определенные изъятия из правового статуса человека и гражданина.

А. В. Малько рассматривает правовые ограничения как установленные в Конституции и законодательстве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, использовать свои права и свободы. Подобные границы «возводятся» в основном с помощью обязанностей и запретов, приостановлений, наказания, пресечения [5].

А. А. Троицкая, характеризует пределы прав как «нормативно устанавливаемые и обеспечиваемые государством границы, определяющие меру публичной власти или свободы личности, путем закрепления возможностей, которыми обладает субъект, либо запрета на включение некоторых возможностей в его правовой статус» [6].

Анализ вышеизложенного дает нам основания сделать вывод, что ограничение экономических прав и свобод возможно рассматривать как изменение объема правомочий человека и гражданина путем законодательной регламентации посредством установления императивных методов правового воздействия: обязанностей, запретов, применения мер государственного принуждения.

К числу ограничений экономических прав возможно отнести нормы ч. 2 ст. 34 — о запрете экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию; ч. 2 ст. 36 — о запрете нанесения ущерба окружающей среде и нарушении прав и законных интересов иных лиц, а также положения ч. 3 ст. 17 о нарушении прав и свобод других лиц при осуществлении своих прав.

В современном мире государства не независимо от социально-экономического развития и политического строя не застрахованы от различных ситуаций и проявлений экстремального характера. Эти ситуации вызы-

вают необходимость устанавливать ограничения прав и свобод человека и гражданина не только во благо и в интересах личности, но и для обеспечения благополучия общества и государства в целом. При этом, абсолютные права и свободы не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах. Такие права остаются неизменными даже в условиях чрезвычайного и военного положения.

Кроме того, статья 56 Конституции Российской Федерации закрепляет условия чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя: в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Также стоит отметить, что в ст. 55 Основного Закона говорится: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [1].

Так, для осуществления предпринимательской деятельности индивиду необходимо владеть, пользоваться и распоряжаться определенным имуществом, трудиться самому или использовать труд наемных работников. Однако в перечне прав, которые не подлежат ограничению в условиях чрезвычайного положения, отсутствуют право частной собственности, трудовые права, что означает возможность их дополнительных ограничений (конфискации, реквизиции, запрета передвижения, осуществления трудовой деятельности и т. д.). Данные ограничения могут сделать практически неосуществимым реализацию права на предпринимательскую деятельность [7].

В современном мире государства вправе прибегнуть к ограничению прав и свобод в условиях борьбы с терроризмом или экстремизмом, но только при условии строгого соблюдения условий законности и необходимости вводимых ограничений, а также их соответствия нормам международного права.

Также, данные ограничения должны носить исключительно временный характер и быть оправданными целями их введения, они должны осуществляться в определенных рамках закона и с использованием законных и оправданных средств.

Противодействие терроризму и экстремизму должно осуществляться всеми государствами, как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Так при введении различных ограничений во внимание должно приниматься столкновение интересов государства и личности. Законодателю следует искать баланс в соотношении интересов личности и государства таким образом, чтобы государство вводило соответствующее ограничение прав в соответствии с международными нормами и оправданное необходимостью предотвратить проявления терроризма или экстремизма, а граждане при введении данных ограничений были полностью защищены от произвольных действий государства и уполномоченных лиц [8].

Таким образом, ограничение социально-экономических прав и свобод человека и гражданина представляет собой уменьшение их объема. Институт ограничения базируется на конституционных принципах, в соответствии с которыми уполномоченные органы законодательной власти могут издать федеральный или федеральный конституционный закон, который должен соответствовать Конституции РФ, иметь юридическую силу и содержать нормы, не допускающие двойственного толкования.

Ограничение социально-экономических прав и свобод человека и гражданина должно быть единообразным на всей территории, поэтому права и свободы не могут быть ограничены нормативным актом, изданным ненадлежащим субъектом. Государство, защищая свои и общественные интересы, не должно безмерно ограничивать права и свободы индивида. Ограничение социально-экономических прав и свобод индивида возможно лишь для достижения целей устранения и разрешения существующих противоречий и коллизий.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).
3. Сошникова Т. А. Права человека в современном мире: новые вызовы и трудные решения // Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014.
4. Ягофарова И. Д. Обеспечение баланса интересов различных субъектов при реализации прав и свобод в РФ. — М.: Издательство Частного учреждения «АЭО» // Право и образование. — 2020 — № 7.
5. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. 3-е изд., перераб. и доп., 2011.
6. Троицкая А. А. Конституционно-правовые пределы и ограничения свободы личности и публичной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008
7. Плотникова И. Н. Конституционно-правовая регламентация пределов реализации, степени допустимых ограничений основных экономических прав личности. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022.

8. Куричев А. А. Основные проблемы ограничения прав человека в современном государстве в целях противодействия экстремизму и терроризму / А. А. Куричев // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы IV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 23–24 апреля 2018 г.

Проблемы правового регулирования оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации

Филиппова Виктория Викторовна, студент;

Погребная Евангелина Олеговна, студент

Научный руководитель: Аверьянова Наталья Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации. Анализируются существующие ограничения и особенности совершения сделок с такими участками, а также связанные с этим правовые коллизии и пробелы. Предлагаются пути совершенствования законодательства в данной сфере с целью повышения эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения и обеспечения продовольственной безопасности страны.

Ключевые слова: земельные участки сельскохозяйственного назначения, оборот земель, правовое регулирование, сельское хозяйство, продовольственная безопасность, сделки с землей, ограничения, земельное законодательство.

Земельный фонд Российской Федерации, включающий земельные участки сельскохозяйственного назначения, является ключевой составляющей агропромышленного комплекса и основой продовольственной безопасности государства. Эффективное правовое регулирование оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения имеет стратегическое значение для устойчивого развития сельских территорий и поддержания аграрного сектора экономики. Однако действующее законодательство содержит ряд проблем, затрудняющих оборот земельных участков сельскохозяйственного назначения, снижающих их инвестиционную привлекательность и препятствующих рациональному использованию.

Земельные участки сельскохозяйственного назначения имеют особый правовой режим, установленный Земельным кодексом Российской Федерации (ЗК РФ) и Федеральным законом от 24.07.2002 N 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (Закон об обороте). Целью данного регулирования является сохранение целевого использования этих земель и предотвращение их вывода из сельскохозяйственного оборота.

Несмотря на усилия законодателя по созданию эффективного правового механизма регулирования оборота земель сельскохозяйственного назначения, в данной сфере сохраняются значительные проблемы:

1. Сложность и противоречивость законодательства. Законодательство об обороте земель сельскохозяйственного назначения характеризуется сложностью, многоуровневостью и наличием внутренних противоречий. Это создает трудности для правоприменения и увеличи-

вает риски совершения ошибок при совершении сделок с землей.

Пример: теневой оборот земель. В 2008 году А. С. Романюк отмечал случаи использования земельных участков, выделенных для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства (КФХ), под коттеджное строительство. При этом каждый коттедж располагался на участке, который был частью единого земельного участка, предоставленного для КФХ. Контролирующие органы не обращали внимания на нарушение двух статей Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»: ограничение количества членов КФХ и запрет на деление земельных участков, выделенных под КФХ [5].

2. Ограничения на приобретение земельных участков иностранными гражданами и юридическими лицами. Закон № 101 устанавливает ограничения на приобретение земельных участков сельскохозяйственного назначения иностранцами и иностранными юридическими лицами, что направлено на защиту национальных интересов. Однако такие ограничения могут снижать инвестиционную привлекательность сельскохозяйственного сектора.

Пример: запрет на владение земельными участками на приграничных территориях (п. 3 ст. 15 ЗК РФ) [1]. Перечень приграничных территорий определен Указом Президента РФ от 09.01.2011 № 26 [7]. Кроме того, п. 2 ст. 28 ФЗ от 08.11.2007 № 261-ФЗ запрещает иностранцам владеть земельными участками в границах морского порта [8]. Еще одно ограничение — запрет на безвозмездное приобретение земли иностранцами (п. 4 ст. 39.4 ЗК РФ).

3. Проблема неиспользования земель сельскохозяйственного назначения. Значительная часть земель сель-

скохозийственного назначения не используется по целевому назначению. Причины этого — экономические трудности сельскохозяйственных товаропроизводителей, отсутствие инвестиций, неэффективное управление земельными ресурсами. Действующее законодательство не содержит достаточных стимулов: для вовлечения неиспользуемых земель в сельскохозяйственный оборот.

Пример: зарастание участков сорной, древесной и кустарниковой растительностью. Собственники и арендаторы обязаны использовать землю в соответствии с целевым назначением. Россельхознадзор начал проводить внеплановые проверки в случае выявления индикаторов риска, включая зарастание земель. В 2023 году было выявлено 2,4 млн га таких земель [9].

4. Трудности с определением существенных условий договоров купли-продажи и аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения. Законодательство не содержит четкого перечня существенных условий таких договоров, что может приводить к признанию их незаключенными в судебном порядке.

Пример: сделка с участком, который не соответствует категориям, отражённым в документах территориального планирования. Например, администрация МО района продала на торгах земельный участок сельскохозяйственного назначения главе КФХ, но оказалось, что это земли лесного фонда. Договор купли-продажи земельных участков суд признал ничтожным. Глава КФХ был оштрафован на несколько миллионов рублей за вырубку деревьев и не смог взыскать расходы за охрану и благоустройство земельного участка с администрации через суд.

5. Проблемы реализации преимущественного права покупки земельного участка сельскохозяйственного назначения субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» предусматривает преимущественное право покупки земельного участка сельскохозяйственного назначения субъектом РФ или муниципальным образованием [2].

Пример: неопределённость в порядке извещения уполномоченного органа. Согласно Федеральному закону от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», продавец обязан известить в письменной форме высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ или орган местного самоуправления о намерении продать земельный участок. Однако законом не предусмотрены форма и порядок извещения, а также отсутствует возможность направить его в форме электронного документа. Это усложняет процедуру купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения [6].

6. Несовершенство механизмов изъятия неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения. Процедура изъятия неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения является сложной и длительной, что не всегда позволяет эффективно применять меры ответственности к недобросовестным собственникам.

Пример: судебное дело № 31-АД17-5, рассмотренное Верховным судом РФ 12 мая 2017 года. Собственник земельного участка, относящегося к категории земель населённых пунктов и имеющего вид разрешённого использования (ВРИ) — для эксплуатации гаражного бокса, разместил на кровле гаражного бокса опору станции сотовой радиотелефонной связи с соответствующим оборудованием. Управление Росреестра сочло это использованием участка не по назначению, но суд указал, что размещение антенно-мачтовых сооружений допускается без дополнительного кадастрового учета изменений [10].

7. Нерациональное использование земельных участков сельскохозяйственного назначения. Нарушение правил агротехники приводит к снижению почвенного плодородия и ухудшению экологического состояния угодий.

Пример: фермеры, нарушающие севообороты или не вносящие удобрения, снижают продуктивность земледелия.

Для решения проблем правового регулирования оборота земельных участков сельскохозяйственного назначения необходимо принять комплекс мер, направленных на:

1. Упрощение и систематизацию земельного законодательства. Необходимо провести систематизацию законодательства об обороте земель сельскохозяйственного назначения, устранить противоречия и пробелы, упростить процедуры совершения сделок с землей.

2. Совершенствование механизмов государственного контроля за использованием земель сельскохозяйственного назначения. Необходимо усилить государственный контроль за использованием земель сельскохозяйственного назначения, повысить эффективность выявления и пресечения фактов неиспользования земель по целевому назначению.

3. Разработка мер экономического стимулирования вовлечения неиспользуемых земель в сельскохозяйственный оборот. Необходимо разработать меры экономического стимулирования, направленные на вовлечение неиспользуемых земель в сельскохозяйственный оборот, например, предоставление льготных кредитов, субсидий, налоговых льгот.

4. Уточнение существенных условий договоров купли-продажи и аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения. Необходимо законодательно закрепить перечень существенных условий договоров купли-продажи и аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения.

5. Совершенствование порядка реализации преимущественного права покупки земельного участка сельскохозяйственного назначения субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием. Необходимо упростить и ускорить процедуру реализации преимущественного права покупки земельного участка сельскохозяйственного назначения субъектом РФ или муниципальным образованием.

6. Упрощение процедуры изъятия неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения. Необходимо

упростить и ускорить процедуру изъятия неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения, установить более жесткие меры ответственности к нерадивым собственникам.

7. Развитие рынка земли. Необходимо способствовать развитию цивилизованного рынка земли, обеспечивающего прозрачность и предсказуемость совершения сделок с земельными участками сельскохозяйственного назначения.

Таким образом, совершенствование правового регулирования оборота земельных участков сельскохозяйствен-

ного назначения является ключевой задачей, решение которой позволит повысить эффективность использования земель сельскохозяйственного назначения, стимулировать развитие аграрного сектора экономики и обеспечить продовольственную безопасность страны. Для этого необходимо принять комплекс мер, направленных на упрощение и систематизацию законодательства, усиление государственного контроля, экономическое стимулирование, уточнение существенных условий договоров и упрощение процедуры изъятия неиспользуемых земель.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации.
2. Федеральный закон от 24.07.2002 N 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации.
4. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / Под ред. Г. Е. Быстрова. — М.: Книжный мир, 2019.
5. Романюк А. С. Начинал — ферму, а построил... виллу. Противоречия земельного законодательства и вопросы теневого оборота земель сельскохозяйственного назначения (на примере крестьянских (фермерских) хозяйств) // Российское предпринимательство. — 2008. — № 2–1. — с. 19–24.
6. Антипин, А. М. Проблема реализации права субъекта Российской Федерации, муниципального образования на покупку земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения / А. М. Антипин, Д. Ю. Елин // Актуальные вопросы права в банковской сфере: материалы Междунар. банк. форума, 24–25 сент. 2020 г. — Текст: электронный / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева, Самар. гос. эконом. ун-т, Сбербанк России, редкол. В. Д. Богатырев [и др.]. — 2020. — С. 44–51.
7. Указ Президента Российской Федерации от 09.01.2011 № 26: текст с изменениями и дополнениями на 23 ноября 2021 года: [принят и утвержден Д. Медведевым (бывшим президентом Российской Федерации)]. — Москва.
8. О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 261-ФЗ: [принят Государственной Думой 16 октября 2007 года: одобрен Советом Федерации 26 октября 2007 года]. — Москва.
9. Россельхознадзор: официальный сайт. — Москва. — Обновляется непрерывно по мере реализации каждого этапа соответствующих процедур. — URL: <https://fsvps.gov.ru/> (дата обращения: 05.11.2025). — Текст — электронный.
10. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 12.05.2017 № 31-АД17-5: [принят судьей Верховного Суда Российской Федерации Меркуловым В. П. 12 мая 2017 года]. — Чебоксары.

Адаптация правосознания личности на новых территориях Российской Федерации

Хадеев Игорь Андреевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье исследуются особенности формирования и трансформации правового сознания личности на новых территориях Российской Федерации. Рассматриваются социокультурные предпосылки, влияющие на восприятие правовых норм, а также институциональные и нормативные механизмы, направленные на адаптацию населения к российскому правовому пространству. Подчеркивается, что успех правовой интеграции зависит не только от эффективности законодательства, но и от внутренней готовности граждан воспринимать закон как ценность.

Ключевые слова: правосознание, адаптация, правовая культура, интеграция, новые территории, правовое просвещение.

Введение

Вопрос адаптации правосознания граждан, проживающих на новых территориях Российской Федерации, яв-

ляется одной из наиболее актуальных проблем современного государственного строительства. Включение в состав Российской Федерации новых субъектов потребовало комплексного подхода к формированию правовой

среды, обеспечивающей как соблюдение законности, так и постепенную социализацию населения в рамках российской правовой культуры.

Правосознание — это форма общественного сознания, отражающая отношение людей к праву, законности и правопорядку [1, с. 96]. Оно формируется под влиянием социально-экономических условий, культурных традиций и политических факторов. В новых регионах длительное время действовали иные правовые институты, а правоприменительная практика основывалась преимущественно на неформальных механизмах разрешения споров [2, с. 12]. Поэтому ключевой задачей становится не только трансляция норм российского права, но и их осмысление и принятие на уровне массового сознания.

Формирование правовой идентичности граждан должно рассматриваться как процесс взаимного приспособления: государство обеспечивает эффективные каналы коммуникации и правовое просвещение, а население осваивает новые ценности и ориентиры, постепенно переходя от обыденного к нормативному типу правопонимания.

1. Социокультурная среда обитания и особенности правового восприятия личности

Правосознание формируется в условиях конкретной социокультурной среды, которая оказывает решающее влияние на способы взаимодействия человека с правом [4, с. 45]. В новых субъектах Федерации в течение длительного времени существовала модель поведения, основанная на патерналистских установках и традициях личных договорённостей. Это выражалось в стремлении решать вопросы «через знакомых» или «по личным связям», а не в рамках законных процедур.

Такое явление часто объясняется дефицитом доверия к институтам власти и судопроизводства. Неформальные механизмы выступали своеобразным компенсатором отсутствия устойчивых правовых институтов [1, с. 96]. Однако в современном обществе подобные практики создают угрозу легитимности права, формируя у граждан ощущение, что справедливость достигается не через закон, а через личные ресурсы.

Для преодоления этого противоречия необходимы меры, направленные на укрепление правового авторитета государства и повышение правовой грамотности населения. Важную роль играет личное общение граждан с представителями власти. Именно непосредственный диалог позволяет снять барьеры недоверия, разъяснить смысл новых норм и показать, что закон способен реально защищать интересы человека.

Современные формы правового просвещения должны учитывать специфику восприятия информации. На новых территориях правовые знания эффективнее усваиваются в устной, диалоговой форме — через общественные приёмы, консультационные пункты, встречи с юристами.

Постепенно подобные практики трансформируют коллективное правосознание, формируя устойчивое представление о праве как о реальном механизме защиты.

2. Нормативно-правовые основы и институциональные механизмы адаптации

Адаптация правосознания невозможна без чёткого нормативного фундамента, обеспечивающего единообразие правового регулирования. Основным инструментом служит Конституция Российской Федерации, закрепляющая принципы федерализма, законности и равенства граждан перед законом.

В новых регионах адаптация правового поля осуществляется поэтапно — через унификацию законодательства, формирование органов государственной власти, внедрение российских процедур правоприменения и судопроизводства [3, с. 47].

Существенную роль играет и правоприменительная практика. Суды, прокуратура, органы внутренних дел и юстиции становятся не только инструментом контроля, но и проводниками правовых ценностей. Через справедливое и гласное рассмотрение дел формируется у населения представление о неизбежности ответственности и о защищённости прав в рамках закона.

Кроме того, значительный потенциал несут институты гражданского общества: общественные палаты, правозащитные организации, волонтёрские движения. Их деятельность способствует формированию доверия к правовой системе и стимулирует участие граждан в решении общественных вопросов.

Отдельное значение имеет цифровизация государственного управления [2, с. 13]. Электронные сервисы, предоставляющие доступ к государственным услугам, позволяют упростить взаимодействие граждан с властью и минимизировать коррупционные риски. Однако важно сопровождать эти процессы разъяснительной работой, чтобы население понимало, как пользоваться цифровыми возможностями безопасно и эффективно.

3. Правовое просвещение как фактор формирования правовой идентичности

Современное общество требует постоянного обновления правовой информации. В новых субъектах Российской Федерации проблема правовой осведомлённости стоит особенно остро, поскольку значительная часть населения не имела системного правового образования. Поэтому важнейшей задачей становится формирование системы правового просвещения, охватывающей все возрастные и социальные группы.

Правовое обучение должно быть доступным и практикоориентированным. Это не только лекции и семинары, но и интерактивные форматы: общественные дискуссии, дни открытых дверей, юридические форумы, школьные проекты. Участие в подобных мероприятиях формирует

у граждан чувство сопричастности к правовой жизни, способствует росту правовой культуры и снижению правового нигилизма.

Особое внимание следует уделять молодёжи как носителю будущей правовой культуры региона [5, с. 32]. Через систему образования, воспитательные программы и участие в социальных инициативах молодые люди осваивают базовые принципы законности и справедливости, что в дальнейшем становится фундаментом их гражданской позиции.

Не менее важна информационная политика государства [4, с. 112]. В условиях активного распространения фейков и деструктивных нарративов требуется системная работа по распространению достоверных правовых знаний. Это включает создание тематических медиапроектов, развитие официальных правовых порталов и повышение прозрачности деятельности государственных структур [2, с. 12].

4. Государственная политика и перспективы развития правового сознания

Государственная политика в сфере формирования правосознания должна основываться на принципах комплексности, преемственности и социального партнёрства. Необходима координация усилий органов власти, образовательных учреждений, научных организаций и институтов гражданского общества.

Важным направлением является проведение мониторинга уровня правового сознания населения. Анализ общественного мнения, изучение уровня правовой грамотности и правового поведения позволит вырабатывать эффективные меры воздействия.

Литература:

1. Захария О. Г. Правосознание и его понятие, структура, виды, особенности // Молодой учёный. — 2023. — № 39 (486)
2. Вешникова Н. А., Корнеева Д. И., Провалинский Д. И. Некоторые проблемы деформации правосознания среди молодёжи // Молодой учёный. — 2021. — № 6 (30). — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/200/6431/>
3. Алехина Е. В. Адаптация правового регулирования в условиях трансформации социального пространства // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2021. — № 3 (68).
4. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структура, функции. — Ярославль: ЯрГУ, 2008.
5. Гуляев И. И. Гражданская и правовая культура российской молодёжи. — 2-е изд. — Москва: Изд-во Юрайт, 2023.

В перспективе целесообразно развивать практику региональных программ правовой адаптации, включающих курсы правового обучения, юридические консультации и просветительские кампании. Эти меры позволят не только повысить уровень правовой культуры, но и укрепить социальную стабильность и единство правового пространства страны.

Преодоление правового нигилизма и повышение правовой активности граждан создают основу для устойчивого развития правового государства. Именно правосознание становится духовным и нравственным каркасом, соединяющим общество и государство в едином правовом поле [1, с. 97].

Заключение

Адаптация правосознания личности на новых территориях Российской Федерации — это не одномоментный акт, а сложный и многоуровневый процесс.

Его успех определяется степенью взаимодействия государства и общества, эффективностью правового просвещения, доверием к институтам власти и личной готовностью граждан жить по закону.

Развитие правового сознания является необходимым условием интеграции новых территорий в российское правовое пространство. Только при формировании уважительного отношения к закону, осознания взаимной ответственности государства и граждан можно обеспечить устойчивое правопорядок и социальную гармонию.

В долгосрочной перспективе именно правосознание выступает гарантом национального единства, внутренней стабильности и уверенности общества в правовой защите своих интересов.

Формирование правовой идентичности и повышение правовой культуры населения на новых территориях Российской Федерации

Хадеев Игорь Андреевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье рассматриваются процессы формирования правовой идентичности и развития правовой культуры на новых территориях Российской Федерации. Анализируются особенности восприятия права населением, влияние исторических и социокультурных факторов на правовую социализацию, а также роль государства и институтов граждан-

ского общества в укреплении правовой идентичности граждан. Особое внимание уделено правовому просвещению, информационно-политике и механизмам адаптации личности к новой правовой системе.

Ключевые слова: правовая идентичность, правовая культура, правосознание, адаптация, новые территории, правовое просвещение.

Введение

Формирование правовой идентичности населения является одной из ключевых задач современного государства, особенно в условиях территориальных и социокультурных изменений. Вхождение новых регионов в состав Российской Федерации потребовало не только законодательной интеграции, но и глубокого переосмысления ценностных ориентиров граждан. Правовая идентичность отражает не просто знание права, но и внутреннее осознание принадлежности к единому правовому пространству, принятие общих правовых норм и принципов [1, с. 96].

Правовая культура, в свою очередь, выступает важнейшим индикатором зрелости правосознания общества. Она определяет, насколько эффективно граждане используют правовые механизмы для защиты своих интересов и насколько устойчиво поддерживают законность и правопорядок. Для новых территорий России эта проблема особенно актуальна, поскольку их население на протяжении многих лет развивалось в ином правовом и политическом контексте [2].

Целью данной статьи является выявление факторов, способствующих формированию правовой идентичности и повышению правовой культуры на новых территориях Российской Федерации, а также анализ мер, направленных на их институциональное и образовательное укрепление.

1. Понятие правовой идентичности и её значение для правовой системы

Правовая идентичность — это осознанная принадлежность личности к правовому пространству государства, выражающаяся в уважении к праву, восприятии его как ценности и готовности следовать его нормам в повседневной жизни [3, с. 14]. Она формируется под воздействием правового воспитания, практики взаимодействия граждан с государственными институтами, а также через личный опыт участия в правовых отношениях.

В научной литературе правовая идентичность рассматривается как результат правовой социализации, в ходе которой индивид усваивает не только правовые знания, но и определённую систему ценностей и установок. На уровне общества она проявляется через общие представления о справедливости, равенстве и законности [4, с. 50].

В условиях новых территорий данный процесс осложняется наличием противоречивого правового опыта, сформировавшегося в результате долгой изоляции от российских правовых институтов. Для значительной части населения характерен переходный тип правосознания — сочетание привычных неформальных норм поведения

и постепенно осваиваемых правовых стандартов Российской Федерации.

Преодоление этого противоречия возможно лишь при условии последовательного внедрения правового образования, вовлечения населения в общественно-политические процессы и создания доверия к государственным институтам, демонстрирующим реальную эффективность правовых механизмов.

2. Правовая культура как инструмент укрепления гражданской идентичности

Правовая культура — это не только совокупность знаний о праве, но и уровень его внутреннего принятия. Она отражает степень развитости правового мышления и готовность общества к законопослушному поведению. В новых субъектах Российской Федерации повышение правовой культуры выступает как стратегическая задача, направленная на интеграцию регионов в единое правовое и социальное пространство.

Важным аспектом является преодоление правового нигилизма — распространённого явления, выражающегося в недоверии к праву и государству.

Исторический опыт показал, что длительное отсутствие устойчивой правовой системы приводит к деформации правосознания и ослаблению правовой активности граждан [4, с. 53].

Повышение правовой культуры предполагает не только распространение знаний о праве, но и создание таких условий, при которых закон становится реальной ценностью. Этому способствует:

- прозрачность правоприменения;
- справедливость судебных решений;
- доступность государственных услуг;
- вовлечённость граждан в процессы общественного контроля.

Таким образом, правовая культура является не только отражением правового состояния общества, но и важнейшим фактором консолидации граждан вокруг общих правовых ценностей и национальных интересов [3, с. 122].

3. Государственная политика и правовое просвещение как условия формирования правовой идентичности

Для успешного формирования правовой идентичности необходимо сочетание нормативных и образовательных мер. Государственная политика Российской Федерации в данной сфере базируется на принципах открытости, доступности и диалога с гражданским обществом.

В новых регионах активную роль играют общественные приёмные, правовые центры, программы бесплатной юридической помощи и онлайн-платформы, обеспечивающие доступ к правовой информации. Важной формой просвещения становится использование цифровых сервисов, позволяющих гражданам самостоятельно решать юридические вопросы, оформлять документы и защищать свои права [2].

Особое внимание уделяется образовательной работе в школах, вузах и профессиональных колледжах [5, с. 19]. Формирование правовой культуры с раннего возраста способствует устойчивому восприятию правовых норм как естественной части общественной жизни.

Кроме того, значительный вклад в укрепление правовой идентичности вносят СМИ и социальные сети. Их задача — не просто информировать, а транслировать позитивные модели правового поведения, демонстрировать примеры справедливости и законности.

Сочетание информационных, образовательных и правоприменительных инструментов создаёт комплексную систему формирования правовой идентичности, которая позволяет адаптировать новые регионы к современному российскому правовому пространству.

4. Социокультурные детерминанты и вызовы формирования правовой идентичности

Правовая идентичность не может быть сформирована в отрыве от культурных и исторических особенностей региона. На новых территориях долгое время действовали иные социокультурные коды и правовые ориентиры. Для части населения характерен прагматичный подход к праву, при котором оно воспринимается не как общая ценность, а как инструмент достижения индивидуальных целей.

Этот феномен связан с наследием патернализма и распространением неформальных практик («договорных» решений, кумовства, коррупционных связей), которые ранее заменяли собой правовые механизмы [5, с. 17]. Преодоление подобных явлений требует системной трансформации правового сознания.

Не менее важным фактором выступает языковая и культурная специфика регионов. Эффективность правового просвещения повышается, когда информация подаётся в доступной и понятной форме, с опорой на местные традиции и систему ценностей. Важно сочетать национальную правовую культуру с уважением к культурному наследию регионов, создавая пространство для диалога и взаимного понимания [3, с. 144].

Литература:

1. Захария О. Г. Правосознание и его понятие, структура, виды, особенности // Молодой учёный. — 2023. — № 39 (486).
2. Вешникова Н. А., Корнеева Д. И., Провалинский Д. И. Некоторые проблемы деформации правосознания среди молодёжи // Молодой учёный. — 2021. — № 6 (30). — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/200/6431/>

5. Перспективы и направления развития правовой идентичности

Дальнейшее развитие правовой идентичности на новых территориях Российской Федерации должно опираться на комплексную стратегию, включающую несколько направлений:

1. Развитие правового просвещения. Создание единой образовательной программы, ориентированной на разные возрастные группы, позволит системно повышать уровень правовой грамотности населения [5, с. 21].
2. Институциональная поддержка. Укрепление судебной системы, прокуратуры, адвокатуры и нотариата — залог доверия граждан к праву [1, с. 97].
3. Повышение цифровой грамотности. Расширение доступа к электронным сервисам и онлайн-консультациям способствует прозрачности правоприменения.
4. Мониторинг правовой культуры. Сбор данных о правовых установках населения позволит корректировать государственные программы.
5. Сотрудничество с гражданским обществом. Вовлечение общественных организаций и местных сообществ усиливает доверие к институтам власти.

Реализация этих направлений позволит обеспечить устойчивую интеграцию новых территорий в правовую систему России, повысить уровень правовой культуры и укрепить общенациональную правовую идентичность.

Заключение

Формирование правовой идентичности и повышение правовой культуры населения на новых территориях Российской Федерации — это стратегическая задача, требующая сочетания правового, образовательного и культурного подходов. Правовая идентичность не формируется административным путём; она возникает как результат осознания гражданином своей сопричастности к государству, доверия к институтам власти и внутреннего уважения к закону.

Повышение правовой культуры возможно только при условии активного участия граждан в правовой жизни общества, доступности правовой информации и реальной справедливости в правоприменении.

Создание единого правового пространства на всей территории страны невозможно без формирования единого правового сознания. Правовая идентичность становится не только индикатором зрелости гражданского общества, но и фактором национальной консолидации, устойчивости и правовой стабильности государства [4, с. 55].

3. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структура, функции. — Ярославль: Ярославский государственный университет, 2008.
4. Насурдинов Э. С. Правовая культура в условиях глобализации // Юридические исследования. — 2014. — № 7.
5. Бреднева В. С. Особенности формирования правовой культуры в отдалённых регионах (на примере Сахалинской области) // СахГУ. — 2013.

Личность преступника, совершившего разбойное нападение

Хохлюк Игорь Сергеевич, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

В настоящей статье автор рассматривает личностные особенности преступника, совершившего разбойное нападение. Рассмотрение большинства уголовных дел имеет один недостаток: органы следствия и суд доказывают виновность лица, совершившего разбойное нападение, но при этом игнорируют важные аспекты совершённого преступления.

Рассмотренные в статье особенности личности преступника, совершившего разбойное нападение, должны тщательно изучаться и иметь свое отражение в материалах уголовного дела, а также должны учитываться при вынесении приговора судом.

Ключевые слова: наказание, личность преступника, преступник, наказание, потерпевший, особенности личности, доказывание по уголовным делам.

The identity of the perpetrator of a robbery offense

Khokhlyuk Igor Sergeevich, master's student
Vladivostok State University

In this article, the author examines the personality traits of a criminal who committed a robbery. Most criminal cases examined suffer from a shortcoming related to the investigative and judicial focus on proving the guilt of the perpetrator, while ignoring important aspects of the crime.

The personality traits of a criminal who committed a robbery, discussed in this article, should be carefully studied and reflected in the criminal case file, and should also be taken into account when sentencing.

Keywords: punishment, personality of the criminal, criminal, punishment, victim, personality traits, evidence in criminal cases.

С криминалогической и уголовно-правовой точек зрения разбойное нападение является сложным преступлением. Такому противоправному деянию достаточно сложно дать правовую оценку, а также учесть различные обстоятельства, связанные напрямую с ситуацией совершения преступления, жизнедеятельностью обвиняемого, а также особенностями его личности. Указанные сложности проявляются в тех случаях, когда разбойное нападение совершено в соучастии и по уголовному делу проходит несколько обвиняемых.

Рассмотрение большинства уголовных дел имеет один недостаток: внимание органов следствия и суда обращено в основном на доказывание вины лица, совершившего преступление, тем самым игнорируются другие важные аспекты совершённого разбойного нападения. В данном случае можно привести мнение Н. И. Малыхиной, которая отмечает, что необходимо определить личность преступника как совокупность элементов, а также конкретизировать свойства, отражающие эти элементы, в частности характерные мотивы преступного поведения.

В обвинительных заключениях и приговорах суда не отражены данные о личности каждого преступника и мотивах его преступного поведения. Такие моменты обделены вниманием следствия и суда, о них редко упоминают в материалах уголовного дела, в отличие от подробно освещаемой информации о характере и степени общественной опасности преступления. Данные обстоятельства могут привести к тому, что осужденные за разбойное нападение не будут связывать со своей личностью совершённое преступление и его наступившие последствия.

В большинстве материалов уголовных дел, связанных с разбоем, присутствуют социально-демографические, а также другие сведения, связанные с обвиняемым. Но в дальнейшем они не используются для объяснения причин и условий совершённого преступления. Также следует отметить, что несовершеннолетние лица, совершившие разбойное нападение, руководствуются хулиганскими побуждениями, а не изначальным мотивом завладения имуществом другого лица. Но при этом совершеннолетние преступники при совершении разбой-

ного нападения более осторожны, так как совершают попытку втереться в доверие к жертве, при этом используют различные техники обмана, угрозы физического насилия, после чего похищают чужое имущество для использования в личных целях, стараясь не быть застигнутыми на месте преступления.

При оценке обстоятельств разбойного нападения необходимо определить роль и место каждого лица, совершившего данное преступление в составе группы лиц. Такая работа имеет большое значение для определения наказания каждому соучастнику преступления в зависимости от степени общественной опасности, личности и характера конкретных противоправных действий, совершённых каждым соучастником. О. В. Маслов пишет о том, что способ совершения группового разбоя в большинстве случаев является полноструктурным и отличается устойчивостью, а также повторяемостью приемов и средств действий преступников. Общие черты данных преступлений — внезапность и быстрота совершения.

Исследование личностей преступников, совершивших разбойное нападение, свидетельствует о том, что лица, которые совершают данное преступление, в возрастном соотношении распределены неравномерно, так как основную массу осужденных составляют люди от 15 до 35 лет. В настоящее время возраст наибольшей криминальной активности составляет 25 лет. Таким образом, большая часть осужденных за разбой представляют собой сформировавшиеся личности, в действиях которых проявляется наиболее высокий антиобщественный уровень направленности.

При проведении исследования можно отметить, что каждый третий осужденный за разбой до момента совершения преступления не был трудоустроен либо его работа была низкооплачиваемой. Также нужно отметить, что данные лица не имели образования и жили за счет близких родственников. При этом каждый десятый несовершеннолетний преступник учился в школе или ином учреждении среднего образования и не был доволен своим материальным положением, вследствие чего

такие обстоятельства подтолкнули его к совершению преступления.

Также при проведении исследования было выяснено, что каждый второй преступник был ранее осужден за такое же либо похожее преступление. Можно утверждать, что у трети осужденных за разбой ранее сформировалась корыстная направленность на осуществление противоправного деяния. При этом каждый десятый осужденный за разбой до достижения совершеннолетнего возраста уже совершал противоправное деяние, состоял на учете в подразделении по делам несовершеннолетних и подвергался частым приводам в полицию.

Также следует отметить, что большинство разбойных нападений совершались в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Многие осужденные за разбой отмечали, что начинали употребление алкоголя или запрещенных веществ в возрасте от 13 до 14 лет. Примерно третья часть из них приобретала алкоголь и наркотические вещества на средства, которые были добыты незаконным путем. Б. С. Саргсян отмечал, что эти преступники обладали сниженным уровнем интеллекта, повышенной агрессией и жестокостью.

При рассмотрении мотивов совершения разбоя следует отметить, что в большинстве случаев в качестве внешнего повода для совершения разбоя выступает потерпевший, который находится в состоянии алкогольного опьянения; также играют роль взаимоотношения между преступником и потерпевшим. В 19 % случаев разбойные нападения совершены под влиянием преступной группы лиц. В большинстве случаев осужденные за разбой не могут указать конкретную причину совершения преступления. По мнению исследователей, принятие решения о совершении нападения носит импульсивный характер.

Подводя итог, можно сказать о том, что рассмотренные особенности личности преступника, виновного в совершении разбойного нападения, должны тщательно изучаться и находить свое отражение в материалах уголовного дела, а также должны учитываться при вынесении приговора судом.

Литература:

1. Лавров В. П. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений : Спецкурс лекций. Учебное пособие для студентов юридических вузов. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — 126 с.
2. Кучкин А. В. Типичная информация о личности преступника и жертве разбойного нападения // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала МГЭИ. — Казань : ЗАО «Новое знание», 2011. — С. 181–187. — URL : <http://lawlibrary.ru/article2208783.html>.
3. Малыхина Н. И. Актуальные вопросы развития криминалистического учения о личности преступника // Организационно-правовые проблемы борьбы с преступностью в регионах России : сборник научных трудов ВНИИ МВД России. — Москва, 2005. — С. 58–64.
4. Загорский Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам. — Москва : Проспект, 2019. — 413 с.
5. Саргсян Б. С. Информация о типичных свойствах личности преступника, совершившего разбойные нападения на сотрудников розничной торговли // Бизнес в законе. — 2012. — № 4. — С. 40–44.

Дискуссионные вопросы стадии возбуждения уголовного дела

Чехова Валентина Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Торбин Юрий Григорьевич, доктор юридических наук, профессор

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автор исследует понятие и различные классификации оснований отказа в возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: постановление о об отказе в возбуждении уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, основания отказа в возбуждении уголовного дела, реабилитирующие основания, нереабилитирующие основания, проверка сообщения о преступлении, достаточные данные.

Д ефиниция «возбуждение уголовного дела» имеет несколько значений. Одним из них является понимание возбуждения уголовного дела как уголовно-процессуального института, представляющего собой совокупность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих правоотношения при приеме, регистрации, рассмотрении и разрешении сообщения о преступлении (гл. 19, 20 УПК РФ).

Помимо этого, под возбуждением уголовного дела также понимается само постановление, которое, в соответствии со ст. 146 УПК РФ, завершает рассмотрение сообщения о преступлении и выступает юридическим фактом для начала расследования преступления.

При этом возбуждением уголовного дела непосредственно начинается уголовный процесс по каждому уголовному делу. Следовательно, возбуждение уголовного дела — это и название начальной стадии уголовного процесса.

Исходя из действующего уголовно-процессуального законодательства, а также научных исследований мы можем сделать обоснованный вывод, что возбуждение уголовного дела — это начальная стадия уголовного судопроизводства, характеризующаяся самостоятельностью задач, определенным кругом участников уголовно-процессуальных правоотношений, содержанием предмета правоотношений, процессуальными средствами, сроками, а также решениями [1, с. 18].

Стадия возбуждения уголовного дела является объектом активных дискуссий среди научного сообщества. Часть ученых выступают за ликвидацию стадии возбуждения уголовного дела [2, с. 15] [3, с. 19] [4, с. 37]. Другая же часть ученых высказываются за сохранение стадии возбуждения уголовного дела, утверждая, что она является необходимой и обязательной частью уголовного процесса [5, с. 98]. Весьма по-разному в уголовно-процессуальной теории определяют сущность, цель, задачи, возможность производства следственных действий и содержание начальной стадии уголовного судопроизводства. Острые дискуссии по этим вопросам на протяжении многих лет не смягчают, а скорее обостряют проблемы правоприменения на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Так, например, О. А. Теплякова отмечает, что после существенных изменений, внесенных в УПК РФ в 2013 году, согласно которым следователь (дознатель), руководитель следственного органа, сотрудник органа дознания, осуществляя проверку поступивших заявлений (сообщений)

о совершенном или готовящемся преступлении, вправе проводить некоторые следственные действия, перечень которых указан в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, допустимые ранее только после возбуждения уголовного дела, «в научных кругах еще больше разгорелся спор о необходимости дальнейшего существования стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе [6, с. 12]. Соответственно, обсуждается вопрос и об упразднении института отказа в возбуждении уголовного дела» [7, с. 42].

Безусловно, цель данной стадии состоит в установлении фактических обстоятельств и процессуальных условий, необходимых для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела, то есть в проверке законности повода и наличии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, или, напротив, в выявлении фактических и процессуальных оснований для вынесения отказа в возбуждении уголовного дела.

Институт отказа в возбуждении уголовного дела представляется нам установленными уголовно-процессуальными нормами основаниями, регулирующими деятельность органов предварительного расследования по принятию процессуального решения о невозможности возбуждения уголовного дела по причине отсутствия предусмотренных законом оснований для начала уголовного преследования [8, с. 18].

Отказ в возбуждении уголовного дела помимо прочего представляет собой консолидированный комплекс норм уголовного процесса, определяющий порядок проверки сообщений о преступлении и вынесения процессуального решения [9, с. 101].

Основания отказа в возбуждении уголовного дела перечислены в ст. 24 УПК РФ. Вместе с тем некоторые исследователи выделяют более широкий перечень причин, которые дают повод отказать в возбуждении уголовного дела. Так, И. А. Зошук [9, с. 101] и М. О. Румянцева [10, с. 73] обращают внимание на то, что основанием отказа в возбуждении уголовного дела в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ может являться информация о применении акта амнистии.

Обе ученые упоминают различные классификации оснований отказа в возбуждении уголовного дела. Например, деление на материальные (материально-правовые) и процессуальные основания. При таком подходе можно выделить среди материальных оснований применения к ст. 205, 206, 223, 275, 307, 316 УК РФ, проверка ко-

торых, по мнению И. А. Зошук, не требует возбуждения уголовного дела и проведения предварительного расследования [9, с. 101].

При этом М. О. Румянцева критично оценивает упомянутый подход, указывая, со ссылкой на диссертацию В. А. Михайлова, что подобное деление «порождает среди практических работников неверное суждение о возможности отказа в возбуждении уголовного дела исключительно по нормам материального права. Между тем эти нормы — не основание для отказа и прекращения уголовного дела, а лишь материально-правовые предпосылки процессуальных норм» [11, с. 10].

Начиная с середины XX века все больше видных ученых придерживаются иной точки зрения на классификацию оснований отказа в возбуждении уголовного дела, которая отталкивается от юридических последствий факта отказа в возбуждении уголовного дела [12, с. 52] [13, с. 90] [14, с. 99], [15, с. 87], [16, с. 19]. Исходя из указанной логики исследователи выделяют отказы по реабилитирующим основаниям и по нереабилитирующим.

К числу реабилитирующих оснований относят такие основания, в соответствии с которыми «подозреваемое» лицо не совершало преступного деяния или само действие не является преступным. Перечень таких оснований закреплен в п. 1–2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Среди нереабилитирующих оснований следует указать наличие преступного характера деяния, в связи с совершением которого, при других обстоятельствах, лицо было бы наказано, но ввиду наличия некоторых процессуальных особенностей уголовное дело не может быть возбуждено. Перечень таких обстоятельств установлен в п. 3–6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Следовательно, законом предусмотрены отдельные случаи, когда, несмотря на совершение преступного деяния конкретным лицом, уголовное дело не возбуждается по таким причинам как, например, истечение срока давности преступления, недостижение возраста уголовной ответственности [17, с. 147].

В этой связи мы солидарны с позицией О. А. Тепляковой, которая полагает, что в данных случаях, если будет упразднен институт отказа в возбуждении уголовного дела, это повлечет за собой нарушение основополагающего принципа, изложенного в ст. 6 УПК РФ, а именно принципа недопущения незаконного или необоснованного ограничения прав и свобод человека и гражданина [7, с. 43].

При рассмотрении правовых оснований отказа в возбуждении уголовного дела следует обратить внимание на те основания, которые вызывают наибольшие дискуссии, а именно на отсутствие в деянии события и состава преступления и их разграничения между собой.

Следует учитывать, что отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления допускается лишь в отношении конкретного лица.

При этом согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ), изложенной в Постановлении от 13 апреля 2021 г. № 13-П, отсутствие

по результатам проверки сообщения о преступлении достаточных данных о совершении лицом самого общественно опасного деяния, содержащего признаки преступления, предполагает вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т. е. в связи с отсутствием события преступления. Отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления возможен только при условии предварительного установления наличия и совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления.

КС РФ в Постановлении от 13 апреля 2021 г. № 13-П указал, что отсутствие факта события преступления, по которому рассматривается вопрос о возбуждении уголовного дела, а также непричастность проверяемого лица исключают основания для проверки наличия состава преступления, установленного уголовным законом. Естественно, что отсутствие события преступления фактически означает и отсутствие состава преступления. При этом отсутствие состава преступления и отсутствие события преступления или непричастность к нему, хотя и являются равноценными реабилитирующими основаниями, но различаются по фактическому содержанию и правовым последствиям. Их нельзя заменять друг другом, так как это привело бы к правовой неопределенности, произвольному выбору нормы и нарушению принципа равенства перед законом, закрепленного в ст. 19 Конституции России. Эта позиция, сформулированная в контексте оснований прекращения уголовного дела частного обвинения, имеет универсальное значение и применима шире.

В контексте исследования отказа в возбуждении уголовного дела невозможно не упомянуть, что именно вопрос оснований возбуждения уголовного дела, равно как и основаниях отказа в таковом, вызывал и продолжает вызывать научные споры со времён советского уголовно-процессуального законодательства. Одни ученые считали, что под основанием следует понимать сведения о наличии состава преступления в целом [18, с. 15] [19, с. 8] [20, с. 20]. Другие же полагали, что основанием является минимальный объём фактических данных, касающихся лишь объективной стороны преступления [21, с. 54].

Так, В. А. Михайлов отмечал, что при определении оснований для возбуждения уголовного дела ключевую роль играют два юридических критерия: объективное присутствие признаков преступления и подтверждение факта преступления достаточными данными [22, с. 16].

Рассматривая позиции ученых, следует также обратить внимание на научную позицию Л. Н. Масленниковой и Т. Ю. Вилковой, которые отмечают, что на практике уполномоченные должностные лица зачастую стремятся собрать как можно больше информации, выходящей за рамки процессуальных гарантий, чтобы на этапе проверки сообщения о преступлении оценить судебные перспективы дела. Если такая перспектива вызывает сомнения, следователь или дознаватель отказывают в возбу-

ждении уголовного дела, тем самым создавая препятствия для доступа к правосудию [1, с. 136].

Существуют некоторые этические аспекты, хотя и выходящие за рамки строго юридического исследования, но влияющие на практику на этапе возбуждения уголовного дела. Во взаимосвязи с процессуальными аспектами их рассматривает в своей работе Д. Х. Абдулмеджидова, которая обращает внимание на то, что на практике нередко «попытки лиц, уполномоченных произвести проверку, уклониться от тщательного исследования складывающейся ситуации, уговорить заявителя (потерпевшего) «забрать» заявление, мотивируя это бесперспективностью расследования, невозможностью обнаружить и изобличить виновных, и т. д.» [23, с. 294].

В то же время существует позиция, согласно которой объём проверки сообщения о преступлении действительно должен соответствовать всем обстоятельствам, подлежащим доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. При отсутствии сведений обо всех таких обстоятельствах вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела является законным и обоснованным.

И более того, Д. Г. Дубинцова, А. В. Маслов со ссылкой на действующих представителей следственного отдела по городу Воркуте СУ СК РФ по Республике Коми и отдела дознания ОМВД России по городу Воркуте указывают, что материалы, в которых отсутствует состав преступления, — то есть сообщения о преступлении, из сути которых невозможно уяснить сразу все элементы состава преступления, — не должны даже рассматриваться в качестве сообщения о преступлении, перенаправляясь, например, лицам, осуществляющим административное производство либо иным лицам на этапе поступления такого сообщения о противоправном посягательстве в дежурную часть территориального органа внутренних дел [24, с. 89].

Такое представление об объеме данных, достаточных для возбуждения дела, корреспондирует с исследованием, проведенным Л. Н. Масленниковой еще в 1988 году, где основная часть следственных работников понимала под такими данными информацию, которая достоверно свидетельствовала бы обо всех элементах состава преступления [1, с. 136].

Однако, на наш взгляд, такое толкование достаточности данных для возбуждения уголовного дела означало бы полную бесполезность дальнейшего досудебного производства по делу. Ведь если все элементы состава преступления уже установлены на стадии возбуждения уголовного дела или даже до ее начала, то никакого дальнейшего предварительного расследования не потребуется, что влечет за собой полное изменение уголовно-процессуального регулирования в Российской Федерации.

В связи с этим стоит снова обратиться к позиции Т. Ю. Вилковой, с мнением которой мы солидарны. Исследователь считает, что «если же для установления обстоятельства, исключающего возбуждение уголовного дела, необходимо производство следственных действий, то должно приниматься решение о возбуждении уголовного дела» [1].

В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

На наш взгляд понятие «достаточные данные» является ключевым для определения оснований для возбуждения уголовного дела или отказа в его возбуждении. Вместе с тем это понятие является оценочным, так как оно обладает лишь относительной определенностью, и его содержание можно выявить лишь на конкретных примерах.

Так, достаточность данных, указывающих на признаки преступления, следует рассматривать в контексте их объема и характера. Характером, указывающим на возможность принятия решения о возбуждении уголовного дела, являются признаки, свидетельствующие об определенном уголовно наказуемом действии или бездействии. Полученные данные должны быть достаточны для вывода о вероятности совершения преступления, квалифицируемого по той или иной статье УК РФ. Вывод о совершении преступления, как и квалификация преступления в постановлении о возбуждении уголовного дела носят предположительный характер и могут быть изменены в дальнейшем производстве по делу. Уголовное дело возбуждается для того, чтобы установить, имело ли место преступление, и кто его совершил. Фактически вывод о преступлении и его квалификация в постановлении о возбуждении уголовного дела являются выражением одной из возможных версий происшедшего события и подлежат проверке путем выдвижения и проверки иных версий в ходе расследования. На момент принятия решения о возбуждении уголовного дела должно быть достаточно фактических данных, указывающих на признаки преступления.

Наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, и создает основание для возбуждения уголовного дела. Именно сведения о событии, изложенные в сообщении о преступлении, позволяют оценить это событие с позиций уголовного закона: речь идет о преступном деянии, и если да, то о каком именно. Уже на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела дается первоначальная квалификация этого деяния.

В случае же отсутствия таких признаков выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Таким образом, изучение процессуальных основ стадии возбуждения уголовного дела и оснований отказа в его возбуждении выявило, что данный этап является ключевым в уголовном судопроизводстве, так как определяет законность и обоснованность начала уголовного преследования. Несмотря на острые дискуссии, нельзя отрицать, что возбуждение уголовного дела — самостоятельная стадия уголовного процесса с подробно установленными задачами, участниками и процессуальными гарантиями.

Обоснование отказа в возбуждении уголовного дела требует тщательного анализа поводов и оснований возбуждения уголовного дела, при этом особое внимание уделяется проверке достаточности данных, указывающих на признаки преступления.

Литература:

1. Теория и практика возбуждения уголовного дела: учебное пособие / Вилкова Т. Ю., Масленникова Л. Н., Собенин А. А. и др.; отв. ред. Масленникова Л. Н., Вилкова Т. Ю. — Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. — 288 с. — Текст: непосредственный;
2. Александров, А. С. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении / А. С. Александров, С. А. Грачев. — Текст: непосредственный // Уголовный процесс. — 2015. — № 7. — С. 14–21;
3. Гаврилов, Б. Я. Уголовно-процессуальное законодательство: современные реалии и перспективы развития. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 2. — С. 16–23;
4. Кожокар, В. В. Современное состояние и пути совершенствования института возбуждения уголовного дела. — Текст: непосредственный // Российская юстиция. — 2015. — № 4. — С. 35–38;
5. Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. — Москва, 2003. — С. 399;
6. Власова, Н.А., Мусеилов А. Г. О целесообразности стадии возбуждения уголовного дела. — Текст: непосредственный // Российский следователь. — 2020. — № 11. — С. 11–15;
7. Теплякова, О. А. Отказ в возбуждении уголовного дела как институт уголовно-процессуального права. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. — 2021. — № 2 (28). — С. 41–45;
8. Васильев, Ф. Ю. Институт отказа в возбуждении уголовного дела: специальность 12.00.09: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Васильев Ф. Ю.; — Санкт-Петербург, 2016. — 26 с. — Текст: непосредственный;
9. Зошук, И. А. Юридическая сущность отказа в возбуждении уголовного дела / И. А. Зошук. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 14 (513). — С. 100–102;
10. Румянцева, М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. — Юстицинформ. — Москва, 2019. — 148 с.;
11. Михайлов, В. А. Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Михайлов В. А. — Воронеж, 1968. — 18 с. — Текст: непосредственный;
12. Лукашевич, В. З. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по реабилитирующим обстоятельствам. — Текст: непосредственный // Правоведение. — 1968. — № 4. — С. 50–58;
13. Мотовиловкер, Я. С. Основания прекращения уголовного дела по реабилитирующим лицо мотивам. — Текст: непосредственный // Советское государство и право. — 1972. — № 9. — С. 87–94;
14. Дубинский, А. Я., Педюков П. П. Основания к отказу в возбуждении уголовного дела. — Текст: непосредственный // Проблемы правоведения. — 1989. — Вып. 50. — С. 98–103;
15. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А. Р. Михайленко— Саратов, 1975. — 150 с. — Текст: непосредственный;
16. Письменный, Д. П. Отказ в возбуждении уголовного дела: специальность «уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Письменный Д. П.; — Харьков, 1980. — 220 с. — Текст: непосредственный;
17. Гриненко, А. В. Механизм возбуждения уголовного дела: монография. — Москва: Юрлитинформ, 2016. — 224 с.;
18. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. — Москва: Наука, 1968. — 468 с. — Текст: непосредственный;
19. Карев, Д. С. Возбуждение и расследование уголовных дел / Д. С. Карев, Н. М. Савгирова. — Москва: Высшая школа, 1967. — 190 с. — Текст: непосредственный.
20. Афанасьев, В. С. Рассмотрение сообщений о преступлениях / В. С. Афанасьев, Л. А. Сергеев. — Москва: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1972. — 116 с. — Текст: непосредственный;
21. Степанов, В. В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях / В. В. Степанов. — Саратов, 1972. — 141 с. — Текст: непосредственный;
22. Безлепкин, Б. Т. Уголовно-процессуальные основы деятельности органов внутренних дел. Учебное пособие / Б. Т. Безлепкин. — Москва, 1988. — 181 с. — Текст: непосредственный.
23. Абдулмеджидова, Д. Х. Отказ в возбуждении уголовного дела: Процессуальные и этические аспекты / Д. Х. Абдулмеджидова. — Т. 6 (72). № 1. — Симферополь: Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки, 2020. — 294 с. — Текст: непосредственный;
24. Дубинцова, Д. Г. Актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / Д. Г. Дубинцова, А. В. Маслов. — Текст: непосредственный // Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». — 2023. — Июль. — С. 87–90.

Проблемы регулирования административной ответственности за нарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность

Шкатула Ксения Владиславовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются актуальные проблемы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях в части, касающейся посягательств на общественный порядок и общественную безопасность.

Ключевые слова: административная ответственность, общественный порядок, общественная безопасность, КоАП РФ.

Глава 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее — КоАП РФ), объединяющая нормы об ответственности за подобные посягательства, является одной из самых объемных и сложных в структуре Кодекса. За последние годы она подверглась значительным изменениям. Однако эти нововведения, как и многие ранее существовавшие нормы, породили ряд теоретических и практических проблем, требующих глубокого научного осмысления и выработки путей их решения.

Одной из фундаментальных проблем, неоднократно поднимаемых в научной литературе, является отсутствие легальных дефиниций ключевых категорий, используемых в главе 20 КоАП РФ, таких как «общественный порядок», «общественная безопасность» и «общественное место». Попытки дать определения этим понятиям предпринимаются в научной литературе, но несмотря на их ценность, их легальной дефиниции в самом законе остается серьезным препятствием для эффективной правоприменительной деятельности.

Помимо нечеткости базовых понятий, исследователи обращают внимание на проблемы систематизации норм, расположенных в главе 20 КоАП РФ. Некоторые статьи данной главы, например, статьи 20.21 и 20.25, в качестве объекта не предусматривают общественный порядок и безопасность в целом, что свидетельствует о необходимости пересмотра всей системы составов правонарушений, регламентированных Особенной частью КоАП Р. В. С. Смирнов также констатирует, что в ряде статей главы 20 КоАП РФ предусмотрены наказания, которые неадекватны степени общественной опасности деяния [9]. Так, например, за незаконную установку на гражданском или служебном оружии приспособлений для бесшумной стрельбы или прицела ночного видения (ст. 20.9 КоАП РФ) предусмотрен штраф в размере от 2000 до 2500 рублей, что несопоставимо с потенциальной общественной опасностью такого деяния, часто связанного с подготовкой к совершению тяжких преступлений.

Ключевой проблемой, затрагивающей объективную сторону многих составов, является их бланкетность. О. М. Попович отмечает, что подавляющая часть составов правонарушений главы 20 КоАП РФ сконструирована с использованием бланкетного приема юридической техники, что означает отсылку к другим нормативным пра-

вовым актам для установления всех элементов запрещенного деяния [7]. С одной стороны, такой подход позволяет избежать дублирования нормативного материала и делает законодательство более гибким. С другой стороны, множественность и неоднородность нормативных актов, регулирующих общественные отношения в данной сфере, порождают коллизии и таит в себе коррупционные риски [7].

Особенно остро проблема нечеткости формулировок проявляется в составе, введенном Федеральным законом от 18 марта 2019 г. N 28-ФЗ — части 3 статьи 20.1 КоАП РФ («ответственность за оскорбление власти»). К. Д. Рыдченко в своем исследовании подвергает критике оценочные понятия, такие как «неприличная форма», «явное неуважение к обществу, государству...» Автор справедливо отмечает, что попытка защитить от оскорбления столь абстрактное понятие, как «общество», юридически несостоятельна, поскольку невозможно определить границы общества и найти информацию, которая была бы оскорбительна для каждого его члена [8]. Такая формулировка создает опасность широкого толкования и может быть использована для ограничения свободы слова и информации в конъюнктурных интересах, что противоречит стратегическим интересам развития государства и принципам демократического правового государства.

Эффективность административной ответственности в значительной степени определяется разумностью и соразмерностью применяемых наказаний, а также адекватностью возрастных границ ее наступления. Исследователи обращают внимание на неоправданно большую дифференциацию наказаний по некоторым статьям главы 20 КоАП РФ, которая приводит к тому, что выбор меры наказания зачастую зависит от произвола судьи, а не от четких критериев, заложенных в законе [4], [9]. Яркий пример — часть 1 статьи 20.1 КоАП РФ, где предусмотрены наказания в виде штрафа от 500 до 1000 рублей либо административный арест на срок до 15 суток. Разница в суровости этих наказаний очевидна, и законодатель не указывает, в каких случаях следует назначать штраф, а в каких — арест, что создает почву для неравномерного применения закона.

Еще одной серьезной проблемой является возраст наступления административной ответственности, который по общему правилу составляет 16 лет [4], [9]. Авторы от-

мечают рост числа административных правонарушений, совершаемых лицами в возрасте от 14 до 16 лет, и связывают это с чувством безнаказанности, хорошо осознаваемым несовершеннолетними. Смирнов полагает, что освобождение таких лиц от административной ответственности под предлогом малолетия является мнимой гуманностью, которая вредит, прежде всего, самим несовершеннолетним, воспитывая в них чувство презрения к правилам и законам.

Особый блок проблем, рассматриваемых в представленных материалах, связан с применением норм об административной ответственности в специфических условиях, а также с деятельностью уполномоченных органов, в частности, войск национальной гвардии (Росгвардии) и органов внутренних дел (ОВД) в этих условиях. Статья А. М. Сокола и А. В. Шевцова посвящена особенностям выявления и документирования административных правонарушений в условиях специальных правовых режимов, введенных Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. N 757 [10]. Авторы выделяют как организационные (некомплект личного состава, недостаточная подготовка, ограниченность ресурсов), так и правовые особенности, в частности, возникающие при применении вновь введенной статьи 20.5.1 КоАП РФ «Нарушение режима военного положения». Возникают вопросы, например, с порядком административного задержания на срок до 30 суток, что может противоречить ст. 22 Конституции РФ, гарантирующей право на свободу личности.

Другая проблема, связанная с деятельностью уполномоченных органов, рассматривается в статье Е. В. Ананьева, Р. Р. Фаисханова и В. М. Шеншина. Она касается необходимости внесения изменений в Перечень должностных лиц войск национальной гвардии РФ, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях [2]. Авторы отмечают, что после введения ст. 20.5.1 КоАП РФ соответствующие изменения не были внесены в ведомственный приказ Росгвардии, что лишает должностных лиц, непосредственно выявляющих нарушения режима военного положения, формального права составлять протоколы. Ситуация свидетельствует о недостаточной координации между различными ветвями власти и создает правовой вакуум, когда новые нормы уже вступили в силу, а механизм их применения еще не отлажен. Это недопустимо, особенно в сферах, связанных с обеспечением безопасности и правопорядка.

Противодействие экстремизму также сопряжено с рядом сложностей. Н. Г. Канунникова подчеркивает необходимость использования специальных познаний, в частности, комплексной психологической экспертизы, при привлечении к ответственности по ст. 20.29 КоАП РФ за производство и распространение экстремистских материалов, так как без экспертного заключения сложно определить степень воздействия материалов на аудиторию [5]. В другой своей работе она отмечает неэффективность штрафов как основного вида наказания за экстремистские правонарушения и предлагает расширить

перечень наказаний, включив в него обязательные работы и административный арест [6].

А. П. Стуканов и А. К. Соловьева анализируют проблемы, возникшие после частичной декриминализации деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, и введения ст. 20.3.1 КоАП РФ. Они указывают на трудности разграничения новых составов (ст. 20.3.1 КоАП РФ, ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, ст. 5.61 КоАП РФ), что требует четкого установления мотива и цели деяния, а также на необходимость гармонизации терминологии уголовного и административного законодательства [11]. Распространение норм, предусматривающих ответственность за экстремистские проявления, по разным главам КоАП РФ, создает не только сложности в правоприменении, но и риск разноречия в судебной практике. Объединение всех таких составов в одну специальную главу с четким указанием родового объекта (основы конституционного строя, безопасность государства, общественный порядок) и унификацией терминологии является насущной необходимостью.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие конкретные предложения по совершенствованию законодательства.

1. Внести легальные определения «общественного порядка», «общественной безопасности», «общественного места» и «неприличной формы» в КоАП РФ (например, в виде примечаний к ст. 20.1.)
2. Пересмотреть диспозицию ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ: исключить упоминание «общества» как объекта оскорбления, заменить «неприличную форму» на «нецензурную либо оскорбительную для человеческого достоинства и общественной нравственности», уточнить перечень органов власти.
3. Признать ч. 5 ст. 20.1 КоАП РФ утратившей силу в связи с ее несправедливостью и нарушением принципа пропорциональности.
4. Изменить ст. 20.29 КоАП РФ, исключив признак «в целях массового распространения» применительно к производству и хранению экстремистских материалов.
5. Расширить перечень наказаний за экстремистские правонарушения (ст. 20.3, 20.3.1, 20.3.2, 20.29 КоАП РФ), включив административный арест и обязательные работы для физических лиц.
6. Внести изменения в ч. 3.1 ст. 28.1 КоАП РФ, предусмотрев исключение для возбуждения дел об административных правонарушениях по ст. 20.4 КоАП РФ в отношении физических лиц, не являющихся контролируемыми лицами, без проведения контрольных мероприятий.
7. Внести изменения в Приказ Росгвардии N 498, наделив необходимыми полномочиями по составлению протоколов по ст. 20.5.1 КоАП РФ соответствующих должностных лиц.
8. Снизить общий возраст наступления административной ответственности до 14 лет, предусмотрев для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет в качестве основного вида наказания обязательные работы.

9. Пересмотреть санкции ряда статей главы 20 КоАП РФ (например, ст. 20.9, 20.10, 20.23, 20.24) в сторону их ужесточения и приведения в соответствие с общественной опасностью деяний.

10. Провести систематизацию норм главы 20 КоАП РФ, возможно, с выделением норм об экстремистской направленности в отдельную главу, и унифицировать терминологию с уголовным законодательством.

Таким образом, анализ проблем регулирования административной ответственности за нарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, показывает, что действующее законодатель-

ство нуждается в существенной корректировке. Наличие оценочных понятий, бланкетных норм, неэффективных и несоразмерных санкций, а также процессуальных сложностей создает барьеры для эффективной правоприменительной деятельности и может приводить к нарушению прав граждан. Предложенные меры по совершенствованию законодательства направлены на устранение выявленных недостатков, повышение его определенности, справедливости и эффективности. Реализация этих предложений будет способствовать не только укреплению законности и правопорядка, но и формированию уважительного отношения к закону в обществе.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Ананьев Е. В., Фаисханов Р. Р., Шеншин В. М. О необходимости внесения изменений в Перечень должностных лиц войск национальной гвардии Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 3. С. 23–28.
3. Винокуров В. А., Шманцарь Д. А. Проблемы привлечения физических лиц к административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности // Законность. 2023. № 7. С. 10–15.
4. Гаврилова Л. А. Направления совершенствования правового регулирования административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность // Моя профессиональная карьера. 2021. Т. 1. № 23. С. 135–142.
5. Канунникова Н. Г. Актуальные проблемы мер административной ответственности за правонарушения экстремистского характера, предусмотренные КОАП РФ // Административное право и процесс. 2022. № 11. С. 14–19.
6. Канунникова Н. Г. К вопросу о месте административной ответственности в системе противодействия проявлениям экстремизма // Административное право и процесс. 2022. № 5 // СПС КонсультантПлюс.
7. Попович О. М. К вопросу об объективных признаках административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 181–184.
8. Рыдченко Р. Д. «Новое» мелкое хулиганство: гипотеза и диспозиция. URL: https://old.lawinfo.ru/assets/files/Admin_law/2022/1/Admin_law_1_22-11.pdf (дата обращения 10.10.2025).
9. Смирнов В. С. Вопросы юридической ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты. сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 97–103.
10. Сокол А. М., Шевцов А. В. Особенности выявления и документирования административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность в особых условиях // Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и общественной безопасности. сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции: к 70-летию кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России. — М., 2024. С. 159–166.
11. Стуканов А. П., Соловьева А. К. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: проблемы привлечения к административной ответственности // Законность. 2019. № 8. С. 28–33.

Субъект и субъективная сторона в делах о правонарушениях против общественного порядка и общественной безопасности: общие и специальные случаи

Шкатула Ксения Владиславовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья систематизирует требования к субъекту и субъективной стороне по делам, предусмотренным главой 20 КоАП РФ.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, общественный порядок, общественная безопасность.

Исследование охватывает составы главы 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [1], направленные на охрану общественного порядка и общественной безопасности, и концентрируется на двух элементах состава: субъект и субъективная сторона. Субъектами выступают физические и юридические лица; в отношении физических лиц действует возрастной порог — вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, при этом законодатель и доктрина выделяют также специальные и особые категории субъектов (родители и иные законные представители, иностранные граждане, должностные лица, а также военнослужащие и приравненные к ним категории, для которых в общем случае ответственность дисциплинарная). Субъективная сторона административного правонарушения выражается в вине — в форме умысла или неосторожности; в массе составов главы 20 КоАП РФ вина констатируется без легального указания на её форму, а конкретизация формы зависит от характера диспозиции и доказанности целенаправленности поведения.

От общих положений логично перейти к случаям, где субъект специально назван и его статус предопределяет распределение обязанностей, от выполнения которых зависит квалификация.

Показательным примером выступает регулирование публичных мероприятий: в норме о нарушении установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования дифференцированно разграничены зоны ответственности организатора и участника, а части статьи выстроены по «лестнице последствий» — от формальных нарушений к деяниям, повлекшим конкретный вред или помехи. В частности, по части 1 субъектом ответственности является организатор, а субъективная сторона описывается как наличие вины; по части 1.1 вовлечение несовершеннолетнего квалифицируется при умышленной форме вины организатора; по части 2 ответственность наступает за проведение без уведомления; части 3–4 повышают строгость санкций при наступлении последствий; часть 5 адресована участнику публичного мероприятия.

Эти разграничения задают и доказательственные рамки: необходимо удостоверить статус лица и кон-

кретные обязанности, обусловленные ролью в мероприятии. Дальнейшее развитие этого подхода находит отражение в детализированных обязанностях организатора и участника, формирующих объективную сторону и опосредованно — доказательства вины. Организатор обязан обеспечивать соблюдение условий, указанных в уведомлении, в том числе норм предельной заполняемости, принимать меры к недопущению превышения заявленного числа участников, доводить до них требования уполномоченных органов о приостановлении или прекращении мероприятия, иметь отличительный знак и требовать от участников не скрывать лицо; нарушение этих обязанностей образует состав по соответствующим частям. В свою очередь, участники обязаны подчиняться законным требованиям организатора и уполномоченных лиц, соблюдать порядок и регламент, требования транспортной безопасности; при этом прямо запрещены сокрытие лица, оружие и распитие алкоголя либо нахождение в состоянии опьянения, а нарушение этих запретов квалифицируется как элемент объективной стороны соответствующей части.

Связующим звеном между статусом субъекта и формой вины в рамках публичных мероприятий служит «лестница последствий», усиливающая санкцию при создании помех движению, превышении предельной заполняемости и причинении вреда здоровью или имуществу. Именно наличие последствий, будучи установленным, переводит квалификацию в более строгие части, не заменяя, однако, необходимости доказать вину соответствующего лица — организатора или участника — с учётом его положенных обязанностей.

Вопрос о субъекте и субъективной стороне в делах с участием несовершеннолетних демонстрирует иную технику законодательного конструирования. До достижения шестнадцати лет субъект административной ответственности отсутствует, что влияет на практические алгоритмы реагирования при задержаниях: в отношении подростков младше 16 лет протокол по статье о нарушениях порядка проведения мероприятий не составляется, возможны профилактические меры и направление материалов в комиссию по делам несовершеннолетних; при достижении 16 лет составляется протокол по соответствующим частям

статьи 20.2. В то же время действующая конструкция ответственности родителей (законных представителей) по статье 20.22 критикуется исследователями в части согласованности диспозиции и субъекта: фактически «исполнителем» объективной стороны выступает несовершеннолетний до 16 лет, тогда как субъектом ответственности названы родители [5].

Для завершения анализа специальных субъектов уместно обратиться к блокам, в которых диспозиции прямо отсылают во внешние законы, — это позволяет увидеть бланкетную природу связи субъекта, формы вины и обязательных требований. В составах, связанных с оборотом оружия, субъектный состав включает граждан, должностных и юридических лиц, а субъективная сторона квалифицируется как прямой умысел; при этом квалификация немыслима без обращения к положениям Федерального закона «Об оружии» [2]. Аналогичным образом в делах о незаконной частной детективной или охранной деятельности специальными субъектами выступают частные детективы и охранники, а вина также описывается как прямой умысел; здесь необходимы ссылки на Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности» [3]. Эти примеры иллюстрируют, как статус субъекта «подтягивается» к отсылочному массиву, а оценка вины опирается на целенаправленное несоблюдение специальных требований.

Поскольку значительная часть дел в рассматриваемом блоке возбуждается и в отношении организаций, требуется отдельно проанализировать доктринальные и практические подходы к установлению вины юридического лица. На уровне обобщений в правовой доктрине [6] закреплена дуалистическая конструкция «объективной» и «субъективной» вины организации (через отношение коллектива, администрации, должностных лиц к противоправному деянию), воспринятая Конституционным Судом РФ ещё в начале 2000-х годов и далее развитая в постановлении от 14 апреля 2020 г. № 17-П [4], где допускается широкое понимание вины юридического лица через категории умысла и неосторожности. При этом в практической плоскости сохраняется базовое требование КоАП: достаточно установить, что у юридического лица была реальная возможность соблюсти обязательные требования и что не были приняты все зависящие меры для их соблюдения.

Судебные решения демонстрируют прикладное выражение этих подходов: суды выводят виновность организации через виновные действия (бездействие) физических лиц, действующих от её имени (руководитель, работники подразделений), а также через анализ «единства события» и невозможности дробления единого нарушения на несколько эпизодов при одновременном выявлении. Подобная аргументация соотносит вину юридического лица с корпоративной организацией деятельности и распределением функций. Из всего этого вытекают практические ориентиры доказывания для правоприменителя: необходимо выяснять, какие локальные процедуры и регла-

менты должны были предотвращать нарушение, кто из уполномоченных лиц обладал обязанностью и реальной возможностью обеспечить соблюдение, какие меры фактически предпринимались и по каким объективным причинам они оказались недостаточны. Такой алгоритм позволяет не подменять вину юридического лица «объективным вменением», а реконструировать её через конкретные управленческие решения и поведенческие акты представителей организации.

Для полноты картины стоит увязать изложенное с ещё одной типичной для главы 20 тематикой, где связь между субъектом и виной проявляется через последствия и риск для охраняемых благ. В составах о пожарной безопасности объективная сторона может выражаться как действием, так и бездействием, а усиление ответственности наступает при причинении вреда здоровью или имуществу, вплоть до выделения более строгих частей при тяжких последствиях; это иллюстрирует риск-ориентированный характер регулирования и одновременно указывает, что субъективная сторона должна быть установлена с учётом реального поведения субъекта и его обязанностей по соблюдению правил.

Возвращаясь к делам о порядке публичных мероприятий и смежным составам, полезно подчеркнуть связь между возрастными и статусными фильтрами и формой вины. Несовершеннолетние до 16 лет исключаются из числа субъектов административной ответственности в этом блоке, что влияет на алгоритм действий полиции и комиссий по делам несовершеннолетних; при этом вовлечение несовершеннолетнего как специальный состав требует доказывания умысла организатора, то есть целенаправленного формирующего воздействия на участие подростка в мероприятии. Такая логика согласует защиту охраняемых благ с точной адресацией обязанностей и психического отношения соответствующего субъекта.

Наконец, обобщая выявленные закономерности, можно конструировать рабочую модель квалификации по элементам «субъект — вина» для рассматриваемой группы дел. Во-первых, статус лица (организатор, участник, родитель-законный представитель, должностное лицо, юридическое лицо, специальный субъект по профильному закону) подлежит чёткой фиксации и сопоставлению с конкретной диспозицией части статьи, поскольку именно статус обуславливает набор обязанностей, нарушение которых образует объективную сторону. Во-вторых, при отсутствии в норме прямого указания на форму вины мотивировка должна раскрывать фактические обстоятельства, свидетельствующие о наличии вины, тогда как в составах, где требуется умысел (например, вовлечение несовершеннолетнего, незаконная детективная и охранная деятельность, нарушения оборота оружия), следует устанавливать признаки целенаправленного поведения, вытекающие из характера запрета и содержания специальных требований. В-третьих, в делах о юридических лицах требуется доказывать «возможность соблюдения» и «непринятие всех зависящих мер», привязывая

оценку к действиям уполномоченных представителей и к корпоративной системе контроля, а также учитывать позиции Конституционного Суда о допустимости описания вины организации через категории умысла и неосторожности применительно к действиям её работников.

Таким образом, в делах о посягательствах на общественный порядок и общественную безопасность субъект и вина выявляются в рамках нескольких устойчивых конструкций. Первая — дифференциация статусов в публичных мероприятиях с возложением на организатора и участника различных обязанностей и повышением строгости при наступлении последствий. Вторая — корректировка норм, где «исполнитель» объективной стороны

не совпадает с реальным субъектом ответственности, на примере статьи 20.22, в которой доктрина предлагает сместить акцент на «допущение» соответствующих состояний несовершеннолетнего. Третья — специфическая методика установления вины юридических лиц, опирающаяся на возможность соблюдения и непринятие всех мер, с учётом действий представителей и выработанных судебной практикой критериев недробимости единого события. Согласованное применение этих конструкций обеспечивает предсказуемость квалификации, соразмерность административной ответственности и должный баланс между охраной общественного порядка и безопасности и правами привлекаемых к ответственности лиц.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об оружии» // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.
3. Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 21.04.2025) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 17. Ст. 888.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 г. № 17-П // Российская газета. 2020. № 91.
5. Ремизов П. В. Дефекты законодательства об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. — 2016. — Т. 6. — № 5–2. — С. 43–45.
6. Ячменев Г. Г. Некоторые вопросы применения общих положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в практике Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации (2019–2021 годы) // Арбитражные споры. — 2022. — № 2 .URL: <https://arbspor.ru/articles/1366/> (дата обращения 01.09.2025).

Понятие качества и общие требования к нему в условиях российского рынка

Юсупова Мария Михайловна, студент
Тольяттинский государственный университет

В статье рассматриваются теоретико-правовые и экономические основы категории «качество» применительно к современным условиям российского рынка. Анализируются эволюция понятия качества, правовые и нормативные требования, влияющие на обеспечение конкурентоспособности продукции и услуг, а также роль государства и бизнеса в формировании культуры качества. Особое внимание уделено нормативно-правовой базе, включающей законы о техническом регулировании, защите прав потребителей, метрологическом обеспечении и стандартизации. Выделены тенденции цифровизации, международной гармонизации и внедрения риск-ориентированных подходов в управлении качеством.

Ключевые слова: качество, стандартизация, сертификация, тестирование, аудит, техническое регулирование, российский рынок, потребитель, правовое регулирование.

Введение

Категория качества в современных социально-экономических условиях имеет фундаментальное значение для устойчивого развития экономики и защиты прав потребителей. В рыночной среде качество продукции и услуг выступает ключевым критерием конкурентоспособности,

формирует доверие между производителем и потребителем, а также характеризует уровень правовой и социальной ответственности бизнеса.

Для Российской Федерации проблема качества приобретает особое значение, поскольку в условиях интеграции в мировые экономические процессы и участия в Евразийском экономическом союзе требуется гармонизация на-

циональных стандартов с международными нормами ISO и IEC.

Цель настоящей научно-обзорной статьи — систематизировать теоретические и правовые подходы к понятию качества, раскрыть содержание общих требований к нему и определить особенности их реализации на современном российском рынке.

1. Теоретические основы понятия «качество»

В философском смысле качество рассматривается как внутренняя определённости объекта, совокупность его характеристик, которые делают вещь той, чем она является. В экономике под качеством понимают совокупность характеристик продукции, определяющих её пригодность удовлетворять определённые потребности.

В праве категория качества имеет прикладное значение. Согласно статье 469 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), товар должен соответствовать условиям договора, а при их отсутствии — требованиям, обычно предъявляемым к такому товару [5]. Таким образом, качество приобретает юридическую сущность: оно становится условием надлежащего исполнения обязательств.

По мнению А. П. Сергеева и О. С. Иоффе, качество — это правовая категория, выражающая баланс интересов сторон: производителя, реализующего товар с определёнными свойствами, и потребителя, ожидающего уровень качества, предусмотренный договором или законом [6], [7].

В современной научной литературе выделяют несколько уровней понимания качества:

- технический уровень — объективные параметры, физические, химические или эксплуатационные свойства продукции;
- социальный уровень — восприятие продукта потребителем, соответствие его ожиданиям;
- правовой уровень — закрепление требований к продукции в нормативных актах и стандартах.

2. Эволюция регулирования качества в России

Развитие законодательства о качестве в России прошло три этапа. Первый этап — советский период (1920–1990-е годы). Качество определялось централизованно, через обязательные ГОСТы и стандарты, а контроль осуществлялся государственными инспекциями.

Второй этап — постсоветский переходный период (1990-е — начало 2000-х). Произошёл переход от административной системы стандартизации к рыночным отношениям. При этом Закон РФ «О защите прав потребителей» (1992 г.) впервые установил гражданско-правовые гарантии качества.

Третий этап — современный (с 2002 года). Ключевым документом стал Федеральный закон «О техническом регулировании» № 184-ФЗ, который заменил обязательное государственное нормирование системой технических регламентов и добровольных стандартов. Закон установил принципы безопасности, недопустимости чрезмерного вмешательства государства и гармонизации с международными нормами.

С конца 2010-х годов в России активно внедряется риск-ориентированный подход, когда меры контроля зависят от потенциального уровня опасности продукции.

3. Правовые основы обеспечения качества в условиях рынка

Система правового регулирования качества продукции и услуг в современной России включает несколько блоков:

- гражданско-правовой — регулирует отношения между продавцом и покупателем (ГК РФ, Закон «О защите прав потребителей»);
- публично-правовой — устанавливает обязательные требования безопасности (закон «О техническом регулировании», санитарно-эпидемиологические нормы, технические регламенты ЕАЭС);
- административный — обеспечивает надзор и контроль (Роспотребнадзор, Росстандарт, Росаккредитация);
- международный — выражен в участии России в соглашениях ВТО и внедрении международных стандартов ISO.

Общими требованиями к качеству являются: безопасность для жизни и здоровья граждан; соответствие обязательным требованиям технических регламентов; достоверность информации о свойствах продукции; наличие процедуры подтверждения соответствия (сертификация, декларирование); гарантия стабильности характеристик в течение срока службы.

4. Роль аудита, испытаний и сертификации в контроле качества

Основные методы оценки соответствия продукции требованиям представляют собой взаимосвязанную систему: аудит качества, испытания (тестирование) и сертификация.

Аудит качества регулируется ГОСТ Р ИСО 19011–2021 и представляет собой независимую, документальную проверку системы управления качеством. Он имеет профилактическое значение, позволяет выявлять несоответствия и разрабатывать корректирующие меры [4].

Испытания и тестирование — это проверка свойств продукции в аккредитованных лабораториях. Результаты оформляются протоколом испытаний, который обладает юридической силой при сертификации и разрешении споров.

Сертификация — документальное удостоверение соответствия продукции установленным требованиям (статья 21 Федерального закона «О техническом регулировании» [11]). Она бывает обязательной и добровольной. Обязательная сертификация гарантирует безопасность продукции массового потребления, добровольная — подтверждает высокий уровень качества и используется как конкурентное преимущество.

5. Государственный надзор в сфере качества

Надзор за соблюдением законодательства о качестве осуществляют:

- Роспотребнадзор — обеспечивает защиту прав потребителей и санитарные аспекты качества;
- Росстандарт — отвечает за стандартизацию, метрологию и техническое нормирование;
- Росаккредитация — подтверждает компетентность органов сертификации и испытательных лабораторий;

– Федеральная антимонопольная служба (ФАС) — контролирует достоверность рекламы и предотвращает введение потребителей в заблуждение.

По данным Роспотребнадзора, в 2023 году нарушения качества товаров выявлены почти в 20 % проверок, что свидетельствует о сохраняющихся проблемах добросовестности рынка. Учёные (Беспалов В. В., Васильев В. А.) отмечают необходимость перехода к цифровой системе контроля, основанной на интеграции данных о проверках и прозрачности результатов испытаний [1], [2].

6. Качество как экономический и социальный фактор развития

В условиях рыночной экономики устойчивое качество продукции формирует доверие потребителя, увеличивает долю повторных покупок и способствует привлечению инвестиций. Для государства повышение качества — инструмент реализации приоритетов национальной экономики и роста экспортного потенциала.

Как утверждает А. С. Комаров, качество становится стратегическим ресурсом инновационного развития, а стандартизация — языком коммуникации между бизнесом, наукой и государством [8]. На современном этапе большое внимание уделяется корпоративным системам менеджмента качества (СМК), соответствующим ГОСТ ISO 9001–2015 [3]. Наличие сертифицированной СМК повышает репутацию предприятия, облегчает выход на внешние рынки и участие в государственных закупках.

7. Проблемы и направления совершенствования

К числу наиболее острых проблем обеспечения качества на российском рынке относятся:

- устаревшие стандарты и методики испытаний;
- низкий уровень доверия к органам сертификации;
- сложность процедур подтверждения соответствия для малого бизнеса;

– отсутствие цифровой прослеживаемости продукции;

– недостаточная квалификация специалистов в области аудита качества.

Учёные предлагают следующие пути повышения эффективности:

- развитие электронной сертификации и реестров открытых данных;
- внедрение искусственного интеллекта в систему испытаний;
- формирование государственного реестра аудиторов качества;
- гармонизация национальных стандартов с международными (ISO, IEC, Codex Alimentarius).

По мнению В. В. Лапаевой, приоритет в ближайшие годы должен быть отдан созданию цифровой многоуровневой системы управления качеством, где данные аудитов и сертификаций интегрируются в общегосударственную платформу [9].

Заключение

Понятие качества в условиях российского рынка выступает основополагающим критерием эффективности экономики и правового регулирования. Оно соединяет технические, юридические и социальные аспекты, обеспечивая баланс интересов всех участников экономических отношений.

Современная российская система качества развивается в направлении цифровизации, риск-ориентированного подхода и международной гармонизации стандартов. В будущем именно качество станет ключевым фактором устойчивого развития, инновационного роста и социальной стабильности.

Литература:

1. Беспалов, В. В. Управление качеством продукции: учеб. пособие / В. В. Беспалов. — Нижний Новгород: НГТУ им. Р. Е. Алексеева, 2012. — 237 с. — Текст: непосредственный.
2. Васильев, В. А. Современные системы и методы менеджмента качества: учебное пособие / В. А. Васильев. — Москва: МАИ, 2022. — 91 с. — ISBN 978–5–4316–0955–8. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/298592> (дата обращения: 07.11.2025). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
3. ГОСТ Р ИСО 9001–2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы менеджмента качества. Требования // Консультант плюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194941/ (дата обращения: 07.11.2025).
4. ГОСТ Р ИСО 19011–2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Оценка соответствия. Руководящие указания по проведению аудита систем менеджмента. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200179216> (дата обращения: 07.11.2025).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 2025 г.) // Консультант плюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 07.11.2025).
6. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, К. М. Арсланов и др.; под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2020. — 880 с. — ISBN 978–5–392–30496–7; [Электронный ресурс]. — URL: <http://ebs.prospekt.org/book/34095> (08.11.2025).
7. Иоффе, О. С. Обязательственное право / Иоффе О. С. — М.: Юрид. лит., 1975. — 880 с. — Текст: электронный // Электронно-библиотечная система. — URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie11300.html> (дата обращения: 07.11.2025).

8. Комаров, А. С. Ответственность в коммерческом обороте / А. С. Комаров. — М.: Юридическая литература, 1991. — 208 с — Текст: электронный. — URL: <https://naukaprava.ru/catalog/297/5561082/45721/> (дата обращения: 07.11.2025).
9. Лапаева, В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика [Электронный ресурс]: Монография / В. В. Лапаева. — Москва: Российская академия правосудия, 2012. — 580 с. — ISBN 978-5-93916-330-9 (РАП), ISBN 978-5-83390-088-3 (ИГП РАН). — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/517544> (дата обращения: 07.11.2025). — Режим доступа: по подписке.
10. Руководящие принципы ООН для защиты прав потребителей (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 09.04.1985, ред. 2016 г.) // UNCTAD. — URL: <https://unctad.org> (дата обращения: 04.11.2025).
11. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184ФЗ «О техническом регулировании» (в ред. от 28.12.2023) // Консультант плюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40241/ (дата обращения: 07.11.2025).
12. Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300I «О защите прав потребителей». (в ред. от 07.07.2025) // Консультант плюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 07.11.2025).
13. ISO 9001:2015 Quality Management Systems — Requirements. — Geneva: ISO, 2015. — 38 p. — Текст: электронный. — URL: <https://fisip.unpatti.ac.id/wp-content/uploads/2019/08/ISO-9001-2015.pdf> (дата обращения: 07.11.2025).

Процессуальные нарушения на стадии подготовки гражданского дела: последствия и способы устранения

Яров Максим Кириллович, студент

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье проводится комплексный анализ процессуальных нарушений, допускаемых на стадии подготовки гражданского дела к судебному разбирательству. Производится систематизация типичных нарушений, исследуются их юридические последствия, а также предлагается система мер по их устранению и предупреждению. На основе изучения судебной практики и доктринальных подходов формулируются практические рекомендации по совершенствованию процессуальной деятельности. Особое внимание уделяется вопросам разграничения существенных и несущественных нарушений, а также механизмам их исправления на различных стадиях гражданского процесса.

Ключевые слова: гражданский процесс, подготовка дела к судебному разбирательству, процессуальные нарушения, последствия нарушений, способы устранения, судебная практика, гражданское процессуальное право.

Стадия подготовки дела к судебному разбирательству, регламентированная главой 14 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), представляет собой важнейший элемент гражданского процесса, от качества которого во многом зависит эффективность всего последующего судопроизводства. Как справедливо отмечают соавторы научного исследования Люманова А. Л., Фирсова А. А., Яценко А. О., «подготовка дела к судебному разбирательству создаёт условия для решения задач сформулированных в ст. 2 ГПК РФ с помощью исполнения индивидуальных задач в ходе процесса подготовки рассмотрения гражданского дела» [1]. Значение данной стадии подчеркивается также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11, где указано, что «своевременная и полная подготовка дела к судебному разбирательству имеет определяющее значение для качественного рассмотрения дела в установленные законом сроки» [2].

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, анализ судебной практики свидетельствует о значительном количестве процессуальных нарушений, допускаемых, в том числе именно на стадии подготовки. Эти нарушения влекут за собой затягивание процесса, нарушение принципов правовой определенности и доступности правосудия, а конечным результатом является снижение доверия к судебной системе. Актуальность темы обусловлена необходимостью формирования единообразных подходов к квалификации нарушений подготовки и определению их юридических последствий.

Многообразие процессуальных нарушений, допускаемых на стадии подготовки, целесообразно классифицировать по нескольким основаниям, а именно:

1. Нарушения, связанные с определением предмета доказывания и распределением бремени доказывания. Согласно ст. 149 ГПК РФ, судья должен определить обстоятельства, имеющие значение для дела. Однако на практике нередки случаи неверного определения круга юридически

значимых обстоятельств. Судьи нижестоящих инстанций, после рассмотрения дел вышестоящими судами, признаются неправыми в своих решениях, так как допустили существенные нарушения норм материального права. Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 июля 2013 года № 4-КГ13–24 указано, что президиум областного суда допустил соответствующие нарушения норм материального права, не учтя, что дарение земельного участка без указания на находящиеся на нём объекты незавершённого строительства нарушает принцип единства судьбы земли и прочно связанных с ней объектов (пункт 4 ст. 35 ЗК РФ), что привело к ничтожности сделки (данный факт судом учтен не был) [3]. Также к данной категории относится нарушение правил распределения бремени доказывания (ст. 56 ГПК РФ), когда обязанность доказывания возлагается на ненадлежащую сторону.

2. Нарушения при выполнении судьей обязанности по примирению сторон. В силу ст. 148, 150 ГПК РФ судья принимает меры по примирению сторон. Нарушением является формальный подход к разъяснению права на примирение, непринятие мер по содействию в заключении мирового соглашения, когда такая возможность объективно существовала. При этом В. О. Ватаманюк считает, что заключение мирового соглашения в суде первой инстанции является «вполне естественным», так как «имеет определенные практические преимущества», в связи с тем, что это может помочь не только сэкономить средства и время, а главное — разрешить спор, что и является главной целью судебных органов [4].

3. Нарушения при оказании содействия в истребовании доказательств. Часть 2 ст. 150 ГПК РФ обязывает судью по ходатайству сторон, а в предусмотренных законом случаях — и по своей инициативе, истребовать доказательства. Нарушением является необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств, особенно когда представление доказательства для стороны невозможно. Несоблюдение требований ст. 150 ГПК РФ о принятии мер по обеспечению доказательств относится к существенным нарушениям, влияющим на исход дела, что может повлечь за собой определенные последствия. Например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 № 13 разъясняет, что основанием для отмены судебного акта является только такое нарушение, которое привело или могло привести к принятию незаконного решения [5]. Важно в таком случае помнить, что «Решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права» [6].

4. Нарушения, связанные с проведением предварительного судебного заседания. Статья 152 ГПК РФ устанавливает задачи и порядок проведения предварительного заседания. Типичными нарушениями являются: неизвещение сторон о времени и месте заседания, что ли-

шает их возможности реализовать свои процессуальные права; формальное проведение заседания без реального решения задач подготовки; несоблюдение сроков назначения дела к разбирательству.

Юридические последствия нарушений, допущенных на стадии подготовки, проявляются на различных стадиях процесса и варьируются в зависимости от характера нарушения:

1. Последствия, реализуемые в суде первой инстанции. Наиболее частым последствием является отложение судебного разбирательства (ст. 169 ГПК РФ) для восполнения пробелов подготовки, например, для истребования дополнительных доказательств или привлечения надлежащего ответчика. Это влечет за собой затягивание процесса и увеличение судебных издержек.

2. Последствия в апелляционной инстанции. Нарушения подготовки могут стать основанием для отмены решения суда первой инстанции. Согласно п. 3, 4 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ, основаниями для отмены являются рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, а также разрешение вопроса о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле. Как уже ранее указывалось, существенные нарушения могут повлечь за собой отмену решения. При этом неправильное определение предмета доказывания или неистребование ключевого доказательства напрямую подпадает под этот критерий.

3. Последствия в кассационной и надзорной инстанциях. В соответствии со ст. 387 ГПК РФ, основанием для отмены судебных актов в кассационном порядке является существенное нарушение норм процессуального права, которое повлияло на исход дела. Аналогичный подход закреплен и для надзорного производства (ст. 391.9 ГПК РФ). Нарушения подготовки, носящие существенный характер (например, лишение стороны права на представление доказательств), могут быть признаны таковыми.

4. Дисциплинарная ответственность судьи. Систематические или грубые нарушения сроков и правил подготовки дела, особенно если они нашли подтверждение в судебных актах вышестоящих инстанций, могут стать основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности в соответствии с Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и Регламентом о дисциплинарной ответственности судей.

Система мер по устранению и предупреждению нарушений должна быть комплексной, а также должна включать в себя как внутрипроцессуальные механизмы, так и организационно-правовые средства:

1. Внутрипроцессуальные способы устранения.

Активная позиция сторон: Своевременное заявление ходатайств (об истребовании доказательств, о назначении экспертизы, о привлечении соответчиков), представление письменных возражений относительно действий судьи.

Заявление отвода судье (ст. 16 ГПК РФ): В случаях, когда действия (бездействие) судьи на стадии подготовки

дают основания полагать его заинтересованность в исходе дела или невозможность его объективного рассмотрения.

Обжалование определений суда: Определения, препятствующие дальнейшему движению дела (например, об отказе в истребовании доказательства), могут быть обжалованы в апелляционном порядке (ч. 3 ст. 331 ГПК РФ).

2. Организационно-правовые способы предупреждения.

Совершенствование методического обеспечения: Разработка и внедрение детальных методических рекомендаций и чек-листов для судей по проведению подготовки по отдельным категориям гражданских дел.

Использование цифровых технологий: Активное внедрение технологий электронного правосудия (размещение процессуальных документов в картотеке дел на официальном сайте суда, SMS-информирование, использование систем видеоконференцсвязи) позволяет минимизировать нарушения, связанные с ненадлежащим извещением участников процесса.

Повышение квалификации судей: Акцентирование внимания в рамках программ повышения квалификации судей на практических аспектах подготовки дел, разборе типичных ошибок и анализе свежей судебной практики вышестоящих инстанций.

Литература:

1. Люманова, А. Л. Значение стадии подготовки дел к судебному разбирательству и ее задачи / А. Л. Люманова, А. А. Фирсова, А. О. Яценко. — Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2021. — № 1. — С. 191–197.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 года № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»;
3. Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 июля 2013 года № 4-КГ13–24;
1. Ватаманюк, В. О. Порядок заключения мирового соглашения в гражданском судопроизводстве / В. О. Ватаманюк. — Текст: непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2021. — № 12. — С. 184–192.;
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении»;
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 года № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».

Процессуально-правовые особенности законодательства, регулирующего жилищные правоотношения

Ярышева Виктория Владимировна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В научной литературе процессуальным особенностям законодательства, регулирующего жилищные правоотношения, уделяется особое внимание. Причем многие исследователи первичным считают определение категории «процессуальные особенности». Однако до сих пор не сложилось единого мнения по поводу определения данного термина.

Имеющиеся определения разнообразны по своему содержанию, поэтому следует определить для начала, что из

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, процессуальные нарушения на стадии подготовки гражданского дела носят системный характер и могут быть классифицированы по объекту посягательства. Во-вторых, последствия таких нарушений являются серьезными и могут привести к отмене судебных актов на последующих стадиях процесса, а также к дисциплинарной ответственности судьи. В-третьих, эффективное устранение и предупреждение нарушений требует комплексного подхода, сочетающего активное использование сторонами своих процессуальных прав и совершенствование организационных основ судебной деятельности.

В целях совершенствования правоприменительной практики представляется целесообразным дополнить руководящие разъяснения Верховного Суда РФ позицией, более детально раскрывающей критерии отнесения нарушений подготовки к числу существенных, а также рекомендовать судам первой инстанции наиболее активно использовать возможности предварительного судебного заседания как инструмента своевременного выявления и устранения недостатков подготовки, правильное использование которого может упростить дальнейшие разбирательства.

себя представляют процессуальные особенности применительно к жилищным правоотношениям.

По мнению Н. М. Костровой процессуальные основания следует определять как совокупность или система процессуальных норм права, посредством которых установлена процедура или процесс рассмотрения и разрешения гражданских дел [5].

Другие ученые наделяют процессуальные особенности комплексным содержанием, включая в данное опреде-

ление как материальные нормы, так и процессуальные, которые обуславливают форму и направлены для обеспечения правильного применения материальных норм [7].

Также распространено мнение, согласно которому процессуальные особенности включают не только материальные и процессуальные нормы, но и акты судебного толкования, где данные нормы получают свое разъяснение и толкование применительно к отдельным случаям [6].

Связь материального и процессуального основания регулирования жилищных правоотношений заключается в том, что без материальных норм невозможно в полной мере понять и осознать суть процессуальных положений законодательства. Процессуальные нормы будут применяться только при наличии материальных норм, которые выступают первичным элементом. Так, например, участие сторон в жилищных спорах регламентировано нормами материального права, в том числе понятие истца и ответчика, их права и обязанности, а процедурные особенности участия данных лиц при рассмотрении и разрешении жилищных споров установлены уже процессуальными нормами, в том числе, например, порядок реализации их прав и обязанностей.

При всем многообразии и направленности процессуальных норм, регулирующих жилищные правоотношения, их можно сгруппировать в две относительно самостоятельные группы: общие и специальные процессуальные нормы [8]. Такое деление необходимо для более глубокого и конкретного понимания процессуально-правовых особенностей применительно именно к жилищным правоотношениям, позволяет понять природу и целевое назначение процессуальных норм того или иного вида.

Общие процессуальные нормы имеют широкое толкование и регулируют наиболее обобщенные вопросы. К таким нормам относятся процессуальные особенности в виде установления принципов рассмотрения жилищных споров, целей и задач, нормы, определяющие правила подсудности и подведомственности. Специальные же, напротив, имеют более детальное выражение и природу, которая заключается в регулировании отдельных процессуальных аспектов жилищных правоотношений [10].

Помимо указанного основания деления процессуальных норм, также существует иное, где общие процессуальные нормы понимаются как те, которые установлены в процессуальных источниках права, а специальные в источниках материального права, но имеют процессуальное назначение, при этом, специальные нормы также могут касаться общих вопросов, но имеют значение только для конкретного дела [9].

В число специальных процессуальных норм, закрепленных в материальных источниках, можно привести положения ЖК РФ, а именно — ст. 11 ЖК РФ, где определена подведомственность жилищных споров. В соотношении с нормами Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГПК РФ), где нормы о подведомственности и подсудности (Глава 3 ГПК РФ) имеют общую направленность и применяются к отношениям в общем порядке.

Если обратиться к ч. 2, 3 ст. 11 ЖК РФ, то стоит отметить, что в данном случае законодатель пошел по пути расширения подведомственности жилищных споров, включая их рассмотрение не только в судебном порядке, но и административном. В развитие данных положений также действуют ч. 3 ст. 54 и ч. 2 ст. 56 ЖК РФ, в которых установлен порядок обжалования решений муниципальных органов власти в рамках жилищных правоотношений в судебном порядке.

Помимо указанных процессуальных норм специального назначения, в ЖК РФ имеется множество иных. Так, например, ч. 3 ст. 72, ч. 1 ст. 88 и ч. 1 ст. 91 ЖК РФ закреплены положения об участии лиц в рассмотрении жилищных споров в судебном порядке, в том числе указываются их права на инициирование судебного спора при наступлении оговоренных в законодательстве случаев, в частности, принудительный обмен жилого помещения, выселение нанимателя и др. В каждом из предусмотренных случаев имеется специальный субъект, которому предоставляется право судебного обжалования, ион впоследствии становится истцом, и субъект, требование к которому предъявляется он в дальнейшем получает статус ответчика.

Другой специальной процессуальной нормой, которая напрямую затрагивает процессуальные особенности жилищных споров, является ч. 3 ст. 89 ЖК РФ. Здесь законодатель напрямую требует, чтобы в рамках спора о выселении в судебном решении было указано конкретное жилое помещение, которое предоставляется выселяемому.

Следует заключить, что проведенный анализ специальных процессуальных норм в жилищном законодательстве не достаточен для определения всей совокупности гарантий прав участников жилищных правоотношений. Данные нормы призваны конкретно устанавливать особенности процедуры рассмотрения жилищных споров применительно к жилищным правоотношениям. Тот имеющийся объем специальных процессуальных норм, с одной стороны не полный и не позволяет с полной уверенностью говорить о достаточности для разрешения жилищных споров без совершения судебных ошибок, с другой, имеются такие нормы, которые попросту дублируют положения ГПК РФ и тем самым не представляют какой-либо ценности для материальных источников и регулирования жилищных правоотношений в целом.

Если обратиться к нормам материального и процессуального права, то в рамках разрешения жилищных споров, ключевой категорией является жилище. Это обусловлено тем, что жилище выступает, как уже было отмечено ранее, объектом жилищных правоотношений. В свою очередь, жилищные правоотношения в соответствии со ст. 11 ЖК РФ и ст. 22 ГПК РФ в случае спора, возникшего из жилищных правоотношений, данный спор подлежит рассмотрению в судебном порядке.

Вследствие того, что жилищные правоотношения имеют различное выражение, то есть возникают при различных обстоятельствах и имеют различные субъек-

ектные и объектные особенности, то жилищные споры также неоднородны и подразделяются в зависимости от подвида жилищного правоотношения. Данное утверждение применимо к различиям в видах судопроизводства, где общим основанием является жилищный спор. Однако вид судопроизводства меняется в зависимости от особенностей того или иного жилищного правоотношения. Так, например, при рассмотрении споров, вытекающих из осуществления права собственности на жилище или договора социального найма, данный спор подлежит рассмотрению в исковом порядке, если же жилищные правоотношения имеют публичную природу, то споры разрешаются в административном порядке. Однако жилищные споры в рамках административного разбирательства возможны в исключительных случаях, прямо указанных в ЖК РФ, в том числе вопросы принятия на учет граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставления жилого помещения по договору социального найма и др.

Особенностью рассмотрения жилищных споров также является то, что создаются специализированные государственные органы, как например, государственная жилищная инспекция, жилищные комиссии, которые в соответствии с положениями КоАП РФ полномочны рассматривать дела об административных правоотношениях, основанных на жилищных правоотношениях. Также субъектами, полномочными разрешать жилищные споры в административном порядке выступают органы местного самоуправления и их должностные лица.

Таким образом, если говорить о жилищных спорах в судебном порядке, то здесь основу процессуального законодательства составляют нормы ГПК РФ в совокупности с процессуальными нормами ЖК РФ. В случаях возникновения жилищных споров, подлежащих рассмотрению в административном порядке, основу процессуального законодательства составляют нормы ЖК РФ и КоАП РФ.

Общие вопросы, а также особенности рассмотрения жилищных споров и их процессуальное основание, закреплены не только в законах, но и актах судебных органов, где процессуальные особенности получили более детальное закрепление и толкование применительно к жилищным правоотношениям. Одним из таких судебных актов выступает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» [3] (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 14).

Жилищные споры согласно п. 3 Постановления Пленума ВС РФ № 14 и ГПК РФ подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции. Тем самым, жилищные пра-

воотношения в случаях нарушения правовых норм, которыми они регулируются, охраняются, обеспечиваются и гарантируются посредством права на судебную защиту, реализуемое в судопроизводстве.

Судебный процесс в рамках разрешения жилищных споров происходит на основании искового заявления в соответствии со ст. 45 ГПК РФ. Субъектами, полномочными обращаться за судебной защитой нарушенных жилищных прав имеют такие категории как: заинтересованные лица, прокурор (ст. 45 ГПК РФ), публичные органы власти для защиты прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (ч. 1 ст. 46 ГПК РФ).

Согласно положениям ст. 23, 24 ГПК РФ, жилищные споры подлежат рассмотрению в судах первой инстанции, а именно — в районных судах. Ранее действовало правило, согласно которому данные споры, в частности дела по спорам об определении порядка пользования имуществом, подлежали рассмотрению также мировыми судьями, однако это положение было исключено [2]. Однако обращаясь к п. 7 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ следует, что все же некоторые жилищные споры рассматриваются мировыми судьями. К таким делам относятся споры об определении порядка пользования жилым помещением, находящимся в общей собственности нескольких лиц, если между ними не возникает спор о праве на это жилое помещение или если одновременно не заявлено требование, подсудное районному суду. При этом, определение подсудности зависит от цены иска.

Также к подсудности мировых судей отнесены дела по взысканию с граждан и организаций задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, при цене иска, не превышающей ста тысяч рублей [4].

Иные процессуально-правовые особенности регулирования жилищных правоотношений следует рассмотреть на примере конкретных дел при исследовании доказательств и доказывания в рамках гражданского процесса.

Таким образом, процессуально-правовые особенности законодательства, регулирующего жилищные правоотношения, состоят в установлении и действии процессуальных норм, содержащихся в ГПК РФ и ЖК РФ. Данные нормы имеют как общее содержание, направленное на регулирование наиболее широких по содержанию вопросов, касающихся жилищных правоотношений, так и специальных норм, которыми регламентированы отдельные, узкие вопросы жилищных правоотношений и разрешение соответствующих споров. Особенностью специальных процессуальных норм является то, что они закреплены не в гражданско-процессуальном законодательстве, а в жилищном, в частности ЖК РФ, в качестве специфических средств регулирования порядка и процедуры жилищных правоотношений.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312093/.
3. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02 июля 2009 г. № 14 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/34d0fc3f7dcf3752e71eeb53ae8816d2e530b4bb/.
4. О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218822/929b258d49a86e257b944d1fbd60c8d50a96af74/.
5. Зырянова Е. А. Процессуальные особенности рассмотрения гражданских дел по жилищным спорам // Вестник магистратуры. 2018.
6. Невоструев А. Г. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения жилищных дел: учебное пособие — М., 2015.
7. Николукин С. В. К вопросу о возникновении жилищных прав и обязанностей из судебных решений // Образование и право — М., 2017.
8. Шерстюк В. М. Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории) — М., 1989.
9. Шкурова П. Д. Процессуальные особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел: учеб. пособие — Краснодар, 2020.
10. Юков М. К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права — Свердловск, 1982.

Особенности доказывания по жилищным спорам

Ярышева Виктория Владимировна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Говоря о доказывании по жилищным делам, наиболее верным представляется рассмотреть субъектный состав и виды исков, так как именно данные положения отражают общие условия, в которых осуществляется доказывание и определяет природу судебного рассмотрения и разрешения дел, вытекающих из жилищных правоотношений.

Первое, на что следует обратить внимание, это то, что субъектный состав весьма разнообразен. К лицам, которые могут подавать иски, а значит предъявлять требования и участвовать в доказывании относятся:

- 1) граждане как физические лица;
- 2) прокурор;
- 3) жилищные органы;
- 4) органы государственной власти и местного самоуправления;
- 5) органы опеки и попечительства.

Если говорить в процессуальном аспекте, то главными участниками доказывания являются стороны, как лица, участвующие в жилищных делах. В данное понятие включаются такие субъекты в виде истца и ответчика, которые имеют свой особенный процессуальный статус и наделены соответствующими правами и обязанностями, которые позволяют им участвовать в жилищных спорах в рамках судебного процесса.

У каждой из сторон присутствует свой материально-правовой интерес. Истец обращается в суд за защитой на-

рушенных прав, а ответчик в свою очередь доказывает свою непричастность или предъявляет встречные требования, оспаривая права истца.

Для того чтобы правильно определить субъекта доказывания и наделить соответствующими процессуальными правами и обязанностями, необходимо разобраться с вопросом о надлежащей стороне в жилищном споре.

В зависимости от категории жилищного спора предусмотрены особенности определения надлежащей стороны и вообще круга участников судебного разбирательства.

1. При возникновении спора о праве собственности на жилое помещение надлежащей стороной выступает собственник спорного жилого помещения. Помимо данного участника истцом или ответчиком могут быть также члены семьи собственника и бывшие члены семьи, что следует из положений ст. 30, 31 ЖК РФ. Если с собственником жилого помещения вопросов не возникает, то по поводу того, кто относится к членам семьи и бывшим членам семьи, имеются некоторые затруднения. Для введения правоприменительной практики к единообразию Верховный суд Российской Федерации в своем Постановлении «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» от 02 июля 2009 г. № 14 дал разъяснение по данному вопросу и в п. 11 указал таких субъектов, к которым отнес:

1) членами семьи собственника жилого помещения являются проживающие совместно с ним в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника;

2) членами семьи собственника жилого помещения могут быть признаны другие родственники независимо от степени родства (например, бабушки, дедушки, братья, сестры, дяди, тети, племянники, племянницы и др.) и нетрудоспособные иждивенцы как самого собственника, так и членов его семьи, а в исключительных случаях иные граждане (например, лицо, проживающее совместно с собственником без регистрации брака), если они вселены собственником жилого помещения в качестве членов своей семьи [2].

Бывшие члены семьи, в том числе бывшие супруги, могут также участвовать в судебном процессе в качестве субъекта доказывания и быть стороной в деле. Так, например, по делам о изъятии жилья и признании его аварийным, в случаях, когда бывший член семьи отказался от приватизации данного жилого помещения, он может обратиться за защитой своих жилищных прав [5]. Данное право подтверждается Конституционным судом РФ, который в постановлении № 21-П/2024 [1] указал на отсутствие механизма защиты и реализации права бывшего члена семьи собственника в случаях, когда помещение признается непригодным и подлежит сносу. В данном случае суд верно и справедливо указывает на то, что отказ от участия в приватизации и невозможность самостоятельно удовлетворить потребность в жилище в указанных условиях, не должно стать основанием для нарушения жилищных прав такого участника жилищных правоотношений.

2. По делам, вытекающим из договора социального найма, определение субъектного состава имеет определенные сложности, которые в свою очередь влияют на процесс доказывания, так как неправильное определение процессуального положения лица сказывается на том, какие обстоятельства должны быть доказаны той или иной стороной и как распределяется обязанность доказывания.

Сложность данных споров обусловлена широким и неограниченным субъектным составом, который характерен для правоотношений, возникших из договора социального найма. В качестве участников привлекаются как государственные и муниципальные органы, которые являются собственниками жилых помещений, так и жилищные органы, уполномоченные осуществлять от имени собственника соответствующие права, с одной стороны, и наниматели жилых помещений, в частности лица, пользующиеся жилым помещением (сам наниматель, члены его семьи, бывшие члены семьи, поднаниматели и другие лица, проживающие совместно с нанимателем), с другой.

Основными субъектами по данной категории дел выступают стороны договора — наймодатель и наниматель, в лице перечисленных выше субъектов, так как наймодатель является собственником жилого помещения, а значит, может вступать в судебный процесс для защиты

своего права собственности, а наниматель является стороной в споре для защиты права пользования жилым помещением.

По данной категории дел субъектами доказывания также могут быть родственники, члены семьи и бывшие члены семьи нанимателя жилого помещения, так как в отдельных случаях прекращение семейных отношений не влечет изменения жилищных прав бывших членов семьи нанимателя. Например, при установлении факта проживания в жилом помещении, надлежащим истцом в делах по выселению могут выступать члены семьи или бывшие члены семьи.

В данных делах в доказывании также могут принимать участие не только наниматели и члены его семьи, но и другие лица. Это обусловлено тем, что гражданским процессуальным законодательством допускается процессуальное соучастие [3]. Соучастниками могут выступить жилищные органы или даже сам наймодатель, зачастую, на стороне ответчика.

Следующим субъектом доказывания в жилищных спорах выступает прокурор. В соответствии с ч. 2 ст. 45 ГПК РФ он является истцом, а значит несет все права и обязанности стороны по делу, тем самым принимает непосредственное участие в доказывании. Участие прокурора в качестве субъекта доказывания в жилищных спорах основано на его праве подачи заявления для обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах. Такими делами могут быть дела в связи с непредоставлением в срок жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Также прокурор направляет иски следующего характера, направленные на обеспечение жилищных прав граждан:

1) о предоставлении других благоустроенных жилых помещений в связи с непригодностью для проживания занимаемых ими помещений;

2) о возложении обязанности провести капитальный ремонт;

3) о признании незаконным бездействия администрации, выразившегося в непроведении обследования жилых домов межведомственной комиссией;

4) об обязанности администрации города принять меры к постановке на учет жилого дома как бесхозного имущества [6].

Данные иски обуславливают характер доказательственной деятельности прокурора в качестве истца, так как именно прокурор обязан доказать юридические факты, свидетельствующие о том, что жилищные права защищаемых им лиц нарушены.

Таким образом, прокурор участвует в доказывании по тем категориям жилищных дел, где необходимо обеспечить защиту и восстановить жилищные права граждан, которым в наибольшей степени требуется защита со стороны государства.

В круг субъектов доказывания по жилищным делам также включаются государственные и муниципальные

органы, а также жилищные органы, которые не относятся к публичным органам [4]. В соответствии со ст. 46 ЖК РФ такие субъекты являются либо стороной в деле в качестве ответчика или истца, либо выступают на стороне истца, а следовательно, принимают непосредственное участие в доказывании в защиту интересов граждан или неопределенного круга лиц. К таковым субъектам можно отнести:

- органы государственного жилищного надзора;
- органы муниципального жилищного контроля;
- государственные и муниципальные органы (департаменты, управления, администрация и др.);
- жилищные органы по предоставлению коммунальных услуг;
- органы опеки и попечительства;
- государственные и муниципальные унитарные предприятия, осуществляющие функции наймодателя жилого помещения.

Более подробно следует остановиться на органах опеки и попечительства. Их участие в доказывании также об-

условлено спецификой выполняемой деятельности, направленной на защиту и обеспечение прав несовершеннолетних. Именно поэтому, категории жилищных споров, в которых данные субъекты могут быть стороной в деле, связаны с предоставлением жилого помещения детям. При этом органы опеки и попечительства могут быть как истцами по делу, когда вступают в процесс с заявлением о защите жилищных прав несовершеннолетних, так и ответчиками, в случаях, когда органы опеки и попечительства нарушают права несовершеннолетних на предоставление жилого помещения.

Таким образом, субъектный состав участников доказывания по жилищным спорам представлен различными категориями, куда входят как граждане, так и государственные и муниципальные органы, прокурор и жилищные органы. Специфика их участия в доказывании обусловлена процессуальным статусом и основаниями вступления в процесс стороне истца или ответчика по жилищному спору.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2024 г. № 21-П/2024 // <https://docsrsrf.ru/decision/KSRFDecision753340.pdf>.
2. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02 июля 2009 г. № 14 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/34d0fc3f7dcf3752e71eeb53ae8816d2e530b4bb/.
3. Карпова А. А. Институт процессуального соучастия в гражданском процессе: понятие и виды // Вестник науки. 2019.
4. Карягина В. С. Защита жилищных прав граждан органами государственного жилищного надзора // Пробелы в российском законодательстве. 2023.
5. Климанова Д. Д. Защита интересов бывшего члена семьи собственника приватизированного жилого помещения // Lex Russica. 2024.
6. Щепетков В. В. Теоретико-правовые аспекты деятельности органов прокуратуры по защите жилищных прав граждан и оценка ее эффективности // Искусство правоведения. Theartoflaw. 2025.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Глубокие движущие силы и институциональные меры противодействия деглобализации

Ван Чжунцзюнь, аспирант

Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»

Чжан Ицунь, преподаватель

Пекинский институт материальных ресурсов (Китай)

В статье анализируются пять основных причин деглобализации: экономические, политические, социальные, технологические и дефицит глобального управления, а также предлагаются политические меры для трансформации глобализации в более справедливом, инклюзивном и устойчивом направлении.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, причины, меры.

Введение

Во втором десятилетии XXI века деглобализация перешла от скрытой идеологии к явным действиям: выросли тарифы и технологические барьеры, ужесточилась иммиграционная политика, ослабли многосторонние механизмы. Эти изменения подрывают устойчивость глобальных производственных цепочек и ставят под сомнение порядок международного сотрудничества. Понимание причин деглобализации — предпосылка для преодоления текущих экономических трудностей и разумной трансформации глобализации.

В последние годы деглобализация стимулируется множеством глубоких факторов. В экономической плоскости длительная неравномерность распределения выгод на глобальном уровне привела к тому, что развитые страны контролируют верхние звенья цепочек создания стоимости, а страны с низкими издержками берут на себя средне-низкоуровневое производство. По мере подъёма развивающихся стран (включая Китай) у некоторых развитых стран наблюдается отток производственных рабочих мест и торговые дефициты; ощущение утраты у населения и протекционистские меры после финансового кризиса 2008 года (повышение тарифов, нерыночные барьеры, валютный контроль) подрывают доверие к открытому порядку.

В политическом измерении потоки беженцев и инциденты в области безопасности порождают ксенофобские настроения; национализм и политические платформы «приоритета своей страны» (например, «Америка прежде всего», Brexit) усиливают акцент на суверенитете, увели-

чивая число односторонних действий и ослабляя основу для многостороннего сотрудничества.

В социальном аспекте перенос производства приводит к сокращению низко- и среднеоплачиваемых рабочих мест в развитых странах и локальной экономической деградации; одновременно богатство концентрируется в руках финансового капитала и технологической элиты, растёт неравенство, что подрывает консенсус о «всеобщей выгоде от глобализации» и укрепляет популистские и протекционистские настроения.

В технологическом измерении новая волна автоматизации, искусственного интеллекта и цифровизации меняет структуру факторов производства, снижая зависимость от дешёвой рабочей силы и стимулируя возвращение или локализацию трудоёмких отраслей; цифровые услуги и удалённая работа ослабляют традиционные трансграничные цепочки поставок, а конкуренция за ключевые технологии приводит к экспортным ограничениям, инвестиционным проверкам и спискам субъектов — формам технологического протекционизма, препятствующим трансграничному движению технологий и обостряющим межгосударственное противостояние.

В сфере глобального управления послевоенные институты демонстрируют отставание в перераспределении власти и реагировании на новые темы (такие как цифровая торговля и климатическая повестка), при этом представительство развивающихся стран остаётся недостаточным; в период пандемии накопление вакцин и ограничение экспорта медицинских средств выявили дефицит доверия, способствовав нормализации односторонних

подходов и ослаблению эффективности многостороннего управления.

В целом деглобализация отражает перераспределение выгод, поворот политических ценностей, противоречия в социальной структуре и технологические сдвиги, а также выявляет недостатки международных правил и механизмов управления; ответ требует баланса между внутренним перераспределением, управлением технологиями и реформой международных институтов, чтобы сохранять открытость при одновременном повышении безопасности и инклюзивности.

Чтобы снизить риски, связанные с деглобализацией, необходимо одновременно продвигать реформу глобального управления — повысить представительство развивающихся стран и совершенствовать правила в области цифровой торговли и климатической политики; проводить инклюзивную внутреннюю политику, включая поддержку отраслей, переподготовку кадров, развитие систем социальной защиты и налоговую реформу для смягчения последствий для занятости и доходов; усиливать многостороннюю координацию в торговле, инвестициях и контроле технологий; при обеспечении национальной безопасности и устойчивости цепочек поставок сохранять открытость и снижать трения посредством

прозрачных правил; а также продвигать кооперативное управление технологиями — стандартизацию, регулирование данных и трансграничное научно исследовательское сотрудничество, сочетая разумную защиту и распространение технологий.

Заключение

Деглобализация возникает в результате взаимодействия перераспределения экономических выгод, смещения политических ценностей, социальных противоречий, технологических изменений и отставания управления. В краткосрочной перспективе это проявляется в замедлении торговли, перестройке цепочек поставок и геополитической напряженности; в долгосрочной — в ослаблении рамок глобального сотрудничества и снижении предоставления общественных благ. Полный возврат к изоляционизму невозможен; решение состоит в признании и преодолении глубинных противоречий через реформу управления, внутреннее перераспределение и международное сотрудничество, чтобы одновременно сохранять открытость, конкурентоспособность и снижать риски деглобализации, направляя глобализацию в более справедливое, инклюзивное и устойчивое русло.

Литература:

1. Грешонков А. М., Шишкина Л. А., Лопатин В. Л., Чернышова М. М. Деглобализация как новый институциональный порядок инновационного развития // Регион: системы, экономика, управление. — 2023. — № 4 (63). — С. 165–170.
2. Кузнецов А. В. Влияние деглобализации на фрагментацию мировой экономики // Мировая экономика и мировые финансы (World Economy and World Finance). — 2025. — Т. 4. — № 2. — С. 5–13.
3. Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. — 2023. — № 3 (43). — С. 19–34.
4. Калугина Т. Н. Внешняя политика и деглобализация (рецензия на книгу Fred A. Agwu) // Вестник МГИМО Университета (MGIMO Review of International Relations). — 2022. — Т. 15. — № 2. — С. 218–225.

Социальные сети как инструмент «мягкой силы» в современной геополитике

Малаховский Ренат Александрович, студент;

Карташов Иван Николаевич, студент

Научный руководитель: Швецова Мария Павловна, преподаватель
Карагандинский технический университет имени Абылкаса Сагинова (Казахстан)

Введение

В XXI веке геополитическая борьба сместилась в сферу «мягкой силы» (soft power) — способности добиваться желаемого через привлекательность, а не принуждение, как ее определил Джозеф Най [3]. Классическая теория Ная, разработанная до цифровой эпохи, столкнулась с вызовом: появление социальных сетей дало государствам прямой доступ к зарубежной аудитории [1]. Актуальность

темы в том, что соцсети не просто усилили «мягкую силу», но и трансформировали ее, обнажив «темного двойника» — «острую силу», основанную на манипуляции.

Трансформация «мягкой силы» в цифровую эпоху

Переход «мягкой силы» в онлайн-пространство привел к появлению «цифровой дипломатии» (digital diplomacy) — использованию интернета и соцсетей для достижения ди-

пломатических целей. Это адаптация методов публичной дипломатии к новым интерактивным платформам [1].

Однако здесь возникает парадокс. Классическая «мягкая сила» наиболее эффективна, когда она *аутентична* и производится гражданским обществом, а не государством [3]. «Цифровая дипломатия», напротив, — это целенаправленная *государственная* политика [1]. Когда государство активно продвигает свой образ в соцсетях, оно рискует быть воспринятым как пропагандист. Как заметил Най, «лучшая пропаганда — это не пропаганда» [3]. В информационную эпоху главным дефицитным ресурсом становится *доверие* (кредибельность) [3].

Механизмы влияния: «Твипломатия» как витрина

Самым заметным проявлением цифровой дипломатии стала «Твипломатия» (Twiplomacy) — использование Twitter (X) главами государств и МИДа. Подавляющее большинство (86 %) мировых лидеров присутствуют в этой сети [4]. Они используют ее для прямых контактов с гражданами и формирования глобальной повестки [4].

Теоретически, соцсети должны были перевести дипломатию из режима *вещания* в режим *диалога* (engagement) для построения доверия [4]. Однако на практике многие используют Twitter лишь как «мегафон» для трансляции информации [4].

При этом стратегии использования «Твипломатии» разительно отличаются, что демонстрирует разное понимание «мягкой силы»:

1. **Стратегия диалога (Франция).** Это классический подход «мягкой силы». МИД Франции целенаправленно запускает иноязычные версии своего сайта и аккаунты в социальных сетях, включая русскоязычные. Заявленная цель — «помочь вам узнать современную Францию». Это открытое приглашение, апеллирующее к привлекательности своей культуры. Важно, что эти инструменты также используются для *противодействия* дезинформации [2].

2. **Стратегия контроля (Китай).** Китай демонстрирует двойственную и гораздо более прагматичную стратегию. Внутри страны западные платформы, такие как Twitter и Facebook, заблокированы. Для «домашней» аудитории используются локальные аналоги (Weibo, WeChat), которые находятся под полным контролем. Снаружи Китай активно использует те же самые заблокированные западные платформы для «ребрендинга» своего имиджа на мировой арене. Целью этих усилий часто является не столько привлекательность, сколько «влияние и манипулирование» иностранной аудиторией для продвижения своих нарративов, например, в вопросах кризисного управления или технологического лидерства [4].

От «мягкой» к «острой» силе

Этот переход от привлекательности к манипулированию подводит нас к ключевой проблеме цифровой

эпохи. Социальные сети — это «обоюдоострый меч» [4]. Они не только дают платформу для «мягкой силы», но и создают идеальную среду для «враждебных акторов, использующих те же цифровые инструменты для распространения дезинформации».

Когда «мягкая сила» становится агрессивной, скрытой и манипулятивной, она перестает быть «мягкой». Для описания этого явления эксперты, в частности Кристофер Уокер из Национального фонда демократии, ввели термин «острая сила» (sharp power).

«Острая сила» не стремится «завоевать сердца и умы». Ее цель — «проколоть, проникнуть, перфорировать» (pierces, penetrates) информационную и политическую среду целевой страны. Она основана на «отвлечении и манипуляции». В этой модели зарубежная аудитория — уже не субъект, которого нужно обаять, а жертва, которую нужно дезориентировать. Социальные сети являются идеальным вектором для «острой силы» по нескольким причинам:

1. **Камуфляж.** «Острая сила» полагается на маскировку. В соцсетях это государственные проекты, замаскированные под «независимые» СМИ, «низовые» (grassroots) движения или просто поддельные аккаунты (фермы троллей и ботов).

2. **Дезинформация.** Платформы позволяют мгновенно распространять фейковые новости и теории заговора, которые подрывают доверие к институтам, разжигают ненависть и насилие.

3. **Усиление расколов.** Это самый эффективный механизм. Авторитарным режимам не нужно создавать раскол в чужом обществе (например, политическую поляризацию или расовую напряженность). Им достаточно обнаружить существующие линии разлома и усилить их (amplifying existing divisions), используя алгоритмы соцсетей и таргетированную рекламу для доставки «токсичного» контента уязвимым группам.

Заключение

Социальные сети превратились в сложную арену геополитической борьбы, доказав, что являются «обоюдоострым мечом». С одной стороны, они демократизировали дипломатию, позволив странам открыто демонстрировать свою привлекательность [2]. С другой стороны, их архитектура создала идеальные условия для «острой силы», позволяющей сеять раздор и манипулировать общественным мнением.

В этой новой реальности, перегруженной дезинформацией, подтверждается тезис Джозефа Нае: «кредибельность (доверие) — это самый дефицитный ресурс» [3].

Тактические победы, одержанные с помощью «острой силы» (ботов и фейков), краткосрочны. В стратегической перспективе они разрушают доверие. Долгосрочная победа останется не за тем, кто хитрее манипулирует, а за тем, кто сможет создать, сохранить и защитить этот дефицитный ресурс — кредибельность.

Литература:

1. Кишуева, И. А. Цифровая дипломатия США как инструмент «мягкой силы» на постсоветском пространстве / И. А. Кишуева // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». — 2018. — № 3 (27). — С. 91–97.
2. МИД Франции создал сайт и аккаунт в Twitter на русском языке [Электронный ресурс] // Inbusiness.kz. — 10.02.2018. — URL: <https://www.inbusiness.kz/ru/last/mid-francii-sozdal-sajt-i-akkaunt-v-twitter-na-russkom-yazy>
3. Най, Дж. С. Soft power: The means to success in world politics / J. S. Nye. — New York: Public Affairs, 2004. — 208 p.
4. Sevin, E. Public Diplomacy Through Social Media: The Chinese Way [Электронный ресурс] / E. Sevin // China Currents. — 2024. — Vol. 23, No. 1. — URL: <https://www.chinacenter.net/2024/china-currents/23-1/public-diplomacy-through-social-media-the-chinese-way/>

СОЦИОЛОГИЯ

Практики формирования коммуникативного пространства региона

Афанасьева Полина Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Хан Роксана Султановна, кандидат экономических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье автор исследует современные практики формирования коммуникативного пространства региона, выявляет наиболее эффективные инструменты и подходы, способствующие развитию регионального сообщества и улучшению качества жизни населения.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, регион, институты власти, экономика, социальное развитие, медиа, современные технологии.

Коммуникативное пространство региона — ключевой фактор в социально-экономическом развитии территории страны. Оно формируется благодаря различным коммуникационным процессам, взаимодействиям между жителями, организациями и институтами власти.

Формирование эффективного коммуникативного пространства играет важную роль в развитии регионов. Создание благоприятных условий для коммуникаций способствует повышению уровня информированности населения, укреплению доверия между различными социальными группами и активизации гражданского участия.

Коммуникативное пространство региона выступает совокупностью условий, механизмов, каналов, обеспечивающих обмен информацией, идеями, ценностями и ресурсами между различными субъектами внутри региона и за его пределами. Оно играет ключевую роль в формировании социально-экономической и культурной идентичности региона, а также способствует его развитию и интеграции в более широкие системы. [2]

В основе процесса формирования коммуникативного пространства региона лежит создание условий для свободного и продуктивного обмена информацией, идеями и мнениями.

Ключевыми основами при формировании коммуникативного пространства выступают:

- развитие цифровой инфраструктуры, обеспечивающей доступность информации и платформ для взаимодействия;
- поддержка и стимулирование диалога через проведение публичных слушаний, круглых столов, форумов и конференций;
- создание и продвижение региональных медиа-ресурсов, способных освещать актуальные проблемы и до-

стижения, а также формировать единое информационное поле;

- разработка и реализация программ по развитию медиаграмотности и критического мышления у населения, что позволяет повысить качество потребляемой информации и снизить риски дезинформации;

- активное вовлечение граждан в процессы принятия решений через механизмы обратной связи, общественные советы и платформы для гражданских инициатив. [4]

Успешное применение этих практик способствует укреплению доверия, повышению прозрачности управления и формированию сильной региональной идентичности.

Эффективное коммуникативное пространство позволяет региону решать ряд важных задач. Во-первых, повышается уровень осведомленности населения о событиях и процессах, происходящих в регионе. Во-вторых, формируется позитивный имидж региона не только среди жителей, но и гостей, инвесторов и туристов. В-третьих, происходит активное стимулирование гражданской активности и участие в принятии решений.

Регионы активно используют разнообразные методы и технологии для формирования своего коммуникативного пространства. Так, развитие телекоммуникационных технологий значительно расширяет возможности для коммуникации внутри региона. Интернет-платформы становятся важным инструментом для распространения информации, взаимодействия органов власти с населением и решения повседневных вопросов. [3]

Также регион может эффективно использовать потенциал социальных сетей для привлечения внимания к своим проектам и достижениям, повышения прозрачности управления и вовлечения общественности в решение проблем.

Некоммерческие организации и добровольцы способны существенно дополнить усилия властей по формированию качественного коммуникативного пространства. А кооперация между регионами помогает обмениваться лучшими практиками, развивать взаимовыгодные проекты и укреплять экономические связи. Совместные мероприятия и инициативы способствуют созданию общего коммуникативного поля, которое усиливает привлекательность каждого отдельного региона.

Несмотря на изменившиеся условия функционирования внешней среды государства, положение дел на региональном уровне осталось прежним. В условиях роста индивидуализации и разобщенности, вызванной многими причинами, коммуникативное пространство в регионах переживает период переконфигурации. Она по-разному проявляет себя на уровне регионов.

В ситуации России с ее значительной территорией и многообразием населяющих ее народов существует настоятельная необходимость в формировании региональной идентичности. В этом же должна быть заинтересована региональная и муниципальная власть. Для поддержания единого коммуникативного пространства на региональном уровне наряду с другими условиями необходимы значительные финансовые средства. [1]

Рассмотрим более подробно практику формирования коммуникативного пространства российских регионов на примере города Санкт-Петербурга.

В Санкт-Петербурге выстраивание коммуникативного пространства организовано многоуровневым способом, охватывающим широкий спектр каналов и форматов взаимодействия.

Официальные сайты органов власти, сайт Администрации города, где публикуются достоверные и актуальные новости, портал «Наш Санкт-Петербург», страницы и аккаунты ведомств в социальных сетях — такие ресурсы предоставляют удобную форму подачи заявлений, отслеживания статуса заявок и уведомлений о важных изменениях. Например, через аккаунт Комитета по здравоохранению в социальных сетях часто распространяются рекомендации и разъяснения по актуальным медицинским вопросам.

Информационно-аналитические телепередачи на каналах 5-й канал, телеканалы «Санкт-Петербург» и НТВ-Петербург. Аудитория получает свежие новости о работе властей и главы города, мнения экспертов и политиков, участвует в голосованиях и обсуждениях.

Такие газеты, как «Невское время», «Петербургский дневник», журнал «Санкт-Петербургский курьер», поддерживают связь с читателями, публикуют репортажи, интервью и экспертные оценки по широкому кругу вопросов городской жизни. Читатели также могут оставить отзывы и комментарии на сайте изданий.

Используется практика публичных слушаний, собраний районных советов и общественных комиссий. В 2021 году власти Санкт-Петербурга начали прорабатывать вопрос проведения прямых эфиров с горожа-

нами для решения актуальных проблем. Также некоторые аспекты работы по взаимодействию с жителями ведутся через ЦУР (Центр управления регионом). Здесь специалисты реагируют на обращения жителей. Петербуржцы могут направить свой вопрос властям, написав сообщение на страницы госорганов в соцсети. Специальная система фиксирует обращение и направляет его в нужный комитет, где готовят ответ. ЦУР обращает внимание не только на жалобы, но и на инициативы и предложения по улучшению всех сфер жизни. Для каждого запроса ищут наилучший и оптимальный вариант решения. Все обращения, с которыми работает ЦУР, остаются в базе и на его основе вырабатывается уже система решений различных проблем, которые предлагают властям для реализации.

Кроме того, ЦУР Санкт-Петербурга запустил спецпроект «Диалог с НКО», в рамках которого вместе с некоммерческими организациями формируют перечни системных отраслевых проблем и решений, для реализации которых могло быть оказано содействие госорганов.

В Санкт-Петербурге работает городская служба медиации. Это команда профессиональных медиаторов, аналитиков и социологов. Они помогают петербуржцам разрешать конфликты интересов, которые могли возникнуть при принятии значимых общегородских решений и реализации масштабных проектов.

Крупные ежегодные праздники, фестивали, концерты и шествия являются частью механизма построения сильного коммуникативного поля города. День Победы, Невский проспект, Дни Военно-Морского Флота привлекают сотни тысяч участников и зрителей, сплачивая население и подчеркивая важность коллективного опыта.

Таким образом, благодаря сочетанию цифровых технологий, традиционных массовых СМИ и площадок открытого диалога власти Санкт-Петербурга эффективно формирует устойчивое и инклюзивное коммуникативное пространство, открытое для конструктивного диалога и совместных решений.

Сегодня особенно важно регионам активно развивать цифровые платформы и сервисы, обеспечивающие доступ граждан к информации о деятельности органов власти, государственным услугам и обратной связи. Это включает в себя региональные порталы госуслуг, сайты администраций, создание единых информационных ресурсов для информирования о региональных программах поддержки бизнеса, культурных мероприятиях или изменениях в законодательстве.

Большое внимание уделяется и развитию медиаландшафта, поддержке региональных СМИ и созданию качественного контента, отражающего жизнь региона в целом. Администрации сотрудничают с местными телеканалами, радиостанциями и печатными изданиями, оказывают поддержку журналистским расследованиям и проектам, направленным на продвижение позитивного имиджа региона. Важным направлением является также

борьба с дезинформацией и фейковыми новостями, расширяемыми в интернете.

Практики формирования коммуникативного пространства являются необходимым условием успешного развития любого региона. Благодаря эффективным инструментам и технологиям удается повысить уровень информационной открытости, укрепить доверие между властью и обществом, создать условия для активного участия граждан в управлении территорией. Дальнейшее изучение и внедрение лучших практик позволит российским ре-

гионам стать более привлекательными для проживания, инвестирования и туризма.

Таким образом, формирование коммуникации в российских регионах является важным инструментом повышения эффективности государственного управления, укрепления связей между властью и обществом, развития экономики и повышения качества жизни населения. При этом, каждая региональная администрация выбирает свои приоритеты и методы работы, учитывая специфику своего региона.

Литература:

1. Дзякович Е. В. Коммуникативные пространства российских регионов: состояние и тенденции развития // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-prostranstva-rossijskih-regionov-sostoyanie-i-tendentsii-razvitiya-1>
2. Качалова С. М. Пути совершенствования коммуникативного пространства // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 3 (37). — С. 43–49
3. Леонтьева М. М., Санина А. Г. От информирования к взаимодействию. Особенности развития цифровых каналов коммуникации граждан и власти в регионах России // Мир России. Социология. Этнология. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-informirovaniya-k-vzaimodeystviyu-osobennosti-razvitiya-tsifrovyh-kanalov-kommunikatsii-grazhdan-i-vlasti-v-regionah-rossii>
4. Осипова Е. А. Связи с общественностью как средства формирования ценностного коммуникативного пространства / Е. А. Осипова. — М.: Инфра-М; Znanium.com, 2015. — 144 с. ISBN 978–5–16–103663–1
5. Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <https://www.gov.spb.ru/>
6. Шарков, Ф. И. Медиаполитика и общественное мнение в медиaprостранстве / под ред. Ф. И. Шаркова. — М.: Дашков и К, 2023. — С. 103

Китайская политика «Одна семья — один ребенок»

Ибрагимова Басират Руслановна, студент
Уфимский университет науки и технологий

В статье рассматривается политика «Одна семья — один ребёнок», официально введённая в Китае в 1979 году, которая стала одним из самых радикальных демографических экспериментов в мире. Её цель заключалась в ограничении стремительного роста населения, который угрожал экономическому развитию страны. Однако её реализация вызвала множество социальных, экономических и этических вопросов, которые продолжают оказывать влияние на Китай и сегодня.

Ключевые слова: КНР, Китай, политика, рождаемость, численность населения.

Политика «Одна семья — один ребёнок» в Китае была введена в 1979 году государственным деятелем Дэном Сяопином. Первые разговоры о политике ограничения рождаемости начались в 1954–1955 годах на специальных совещаниях ЦК КПК по проблемам рождаемости и народонаселения, когда было признано, что начинающийся демографический взрыв создаёт трудности для государства [1]. Политика планирования семьи в Китае начала формироваться под влиянием опасений по поводу перенаселения в 1970-х годах, и чиновники повысили возраст вступления в брак и призывали к меньшему количеству детей и более широкому интервалу между родами.

Решение было принято после того, как общая численность населения увеличилась до 969 миллионов человек, в то время как в 1949 году эта цифра не превышала 540 миллионов. Государство признало, что слишком большое население перегружает все ресурсы страны: энергетические, земельные и водные, поэтому было введено ограничение размера семьи на законодательном уровне. В 1980 году было введено почти повсеместное ограничение на рождение одного ребёнка, а в 1982 году оно было закреплено в конституции страны.

Целью политики было ограничение рождаемости, чтобы численность населения КНР к 2000 году не превысила 1,2 млрд человек. Власти ввели запрет семейным

парами иметь более одного ребёнка (исключая случаи многоплодной беременности). Однако были и исключения: второго ребёнка могли завести жители сёл и деревень при условии, что первой рождалась девочка. Право на второго ребёнка также имели родители, чей первенец родился инвалидом или имел проблемы с развитием. Кроме того, ограничение рождаемости не так строго исполнялось в отношении национальных меньшинств: народам с численностью меньше 100 000 человек никаких ограничений по количеству детей не применялось [2], а остальные национальные меньшинства имели право на 2–3 детей, в зависимости от района страны [3].

За нарушение запрета на рождение нескольких детей на семьи накладывали крупные штрафы. Если семья отказывалась выплачивать штраф, ребёнка не регистрировали, и он не мог на общих основаниях получать доступ к большинству социальных услуг, таких как здравоохранение и образование.

Данная политика имела значительные социальные, экономические и демографические последствия:

1. Снижение темпов роста населения. Политика позволила предотвратить рождение около 400 миллионов человек, что помогло стабилизировать численность населения. Однако к 2020-м годам Китай столкнулся с проблемой демографического старения и сокращения рабочей силы.

2. Гендерный дисбаланс. Из-за традиционного предпочтения мальчиков многие семьи прибегали к селективным абортam, что привело к значительному гендерному дисбалансу. На каждые 10 девочек приходилось около 12 мальчиков.

3. Старение населения. Ограничение рождаемости ускорило процесс старения. К 2023 году доля людей старше 60 лет превысила 18 % населения. Это создаёт нагрузку на систему социального обеспечения и трудоспособное население.

4. Социальные изменения. Появилось целое поколение так называемых «маленьких императоров» — детей, которые получали чрезмерное внимание со стороны всей семьи. Это повлияло на их поведение, социальные навыки и уровень ответственности.

5. Давление на женщин. Эта политика сопровождалась нарушением прав женщин: принудительные аборты, стерилизации и дискриминация в отношении матерей стали частью её реализации.

6. Повышение качества жизни. Снижение рождаемости позволило улучшить доступ к образованию и медицинским услугам, повысив общий уровень жизни.

7. Демографическая нагрузка. Уменьшение числа молодежи стало причиной сокращения рабочей силы, что создало проблемы для экономического развития.

Для того, чтобы решить данные проблемы в конце 2015 года в Китае было принято решение о полной отмене демографической политики «одна семья — один ребёнок», которая проводилась в стране более 35 лет и использовала экономические и внеэкономические меры

для ограничения рождения вторых детей в семьях. С 1 января 2016 г. правительство разрешило всем семьям иметь двух детей, была провозглашена линия «одна семья — два ребёнка». В качестве результата этого решения ожидалось появление до 3 млн детей дополнительно каждый год [4].

Высшее руководство Коммунистической партии Китая 31 мая 2021 года на заседании Политбюро ЦК КПК приняло решение разрешить жителям КНР иметь до трёх детей. Это произошло всего через три недели после того, как были опубликованы результаты Седьмой национальной переписи населения КНР, проведённой в 2020 году. Уровень рождаемости в КНР в 2020 году упал почти на 15 % в годовом исчислении. Однако эти меры не привели к значительному увеличению рождаемости, так как многие семьи предпочитают иметь одного ребёнка из-за высоких затрат на его воспитание [5].

Многие эксперты и критики политики контроля рождаемости в Китае утверждают, что снижение рождаемости в стране происходило бы независимо от государственных мер. Они указывают на отсутствие убедительных доказательств того, что какая-либо правительственная политика в мире смогла бы существенно изменить семейные и детородные привычки населения. Вместо этого, на поведение людей в личной сфере влияют гораздо более значимые факторы, такие как экономические, социальные, культурные и религиозные аспекты.

Среди основных факторов, способствующих снижению рождаемости как в развитых, так и в развивающихся странах, можно выделить несколько ключевых процессов. Во-первых, демографический переход, который подразумевает изменение структуры населения в сторону старения и уменьшения рождаемости. Этот процесс наблюдается во многих странах, где уровень жизни и доступ к медицинским услугам значительно улучшились.

Во-вторых, эпидемиологический переход, связанный с улучшением здоровья населения и снижением смертности, также играет важную роль. С улучшением медицинского обслуживания и доступом к вакцинации, люди стали жить дольше, что, в свою очередь, влияет на решение о количестве детей в семье.

Контрацептивная революция, произошедшая в середине XX века, также оказала значительное влияние на рождаемость. Доступность и разнообразие методов контрацепции позволили людям более осознанно планировать свои семьи, что привело к снижению числа нежелательных беременностей.

Кроме того, отсутствие войн и конфликтов в определённых регионах способствовало стабильности и развитию, что также положительно сказалось на уровне рождаемости. Всеобщее школьное образование, особенно для девочек, стало важным фактором, поскольку образование открывает новые возможности для женщин и способствует их экономической независимости, что часто приводит к более позднему материнству и меньшему количеству детей.

Урбанизация, то есть процесс миграции населения из сельских районов в города, также способствовала снижению рождаемости. В городах, как правило, выше стоимость жизни, и семьи чаще принимают решение о меньшем количестве детей. Повышение уровня жизни и доходов населения также играет важную роль, так как семьи с более высоким уровнем дохода часто предпочитают инвестировать в качество жизни своих детей, а не в их количество [6].

Активное включение женщин в рынок труда и расширение их гражданских прав также способствовали тому, что многие женщины откладывают создание семьи или выбирают меньшее количество детей. Повышение продолжительности жизни и увеличение доли пожилых людей в обществе также влияют на демографические процессы, так как стареющее население требует других подходов к планированию семьи и социальной политики.

Наконец, секуляризация, или уменьшение влияния религии на повседневную жизнь, также может способство-

вать снижению рождаемости. В обществах, где религия играет менее значимую роль, люди могут быть более открытыми к новым идеям о семье и деторождении, что также отражается на их решениях.

Таким образом, снижение рождаемости в Китае и других странах является результатом комплексного взаимодействия множества факторов, и государственная политика, безусловно, играет свою роль, но далеко не является единственным или даже главным двигателем этих изменений [7].

Политика «одна семья — один ребёнок» сыграла значительную роль в демографическом и экономическом развитии Китая, но её долгосрочные последствия стали вызовом для страны. Она продемонстрировала, как радикальные меры управления населением могут повлиять на общество, экономику и культуру. Сегодня Китай стоит перед задачей исправления последствий этой политики и поиска новых решений для обеспечения устойчивого развития страны.

Литература:

1. Система контроля за рождаемостью в Китае. РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20131115/977196051.html/> (дата обращения: 29.10.2025).
2. Кабанова Е. Опытным путём: детородный ордер // *Vademecum*, № 08, 2013.
3. Верхотуров Д. Китай и Россия: демографические политики [Электронный ресурс] URL: <https://babr24.com/?IDE=32813/> (дата обращения: 29.10.2025).
4. Куприянова Ю. А., Янишевская А. И. Новая демографическая политика в Китае: «Одна семья — два ребенка» // *Демографическое обозрение*, 2017. С. 53–64.
5. Китайцам разрешили рожать трех детей, но они уже не хотят. Газета.Ru [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/05/31/13615652.shtml/> (дата обращения: 29.10.2025).
6. Смакотина Н. Л. Глобальные социальные трансформации в контексте демографических изменений и урбанизации // *Acta Biomedica Scientifica*, 2022. С. 47–56.
7. Демографическая политика в Китае — Евразийская Ассоциация Международных Исследований [Электронный ресурс] URL: <https://eami.kz/2022/04/15/> (дата обращения: 29.10.2025).

Этика отношений в социальных сетях: анализ роли и актуальных проблем

Ильина Дарья Даниловна, студент;

Забиран Виктория Александровна, студент

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной статье осуществляется комплексный анализ влияния социальных сетей на социум, коммуникативные практики и психологическое состояние индивидов. Рассматриваются актуальные этические проблемы, порожденные цифровой средой, включая вопросы приватности, кибербуллинга, авторского права и цифрового этикета. Цель исследования — систематизировать знания о воздействии социальных сетей и обосновать необходимость формирования цифровой зрелости личности.

Ключевые слова: социальные сети, сетевой этикет (нетикет), цифровой след, авторское право, кибербуллинг, цифровая этика, психическое благополучие.

Социальные сети трансформировались в глобальный социальный институт. Согласно статистическим данным на 2025 год, численность их пользователей до-

стигла 5.24 миллиарда человек, что эквивалентно 63.9 % мирового населения. Для сравнения, десятилетием ранее этот показатель был почти вдвое ниже — 2.07 миллиарда

пользователей. Подобная экспансия обуславливает актуальность исследования их многогранного воздействия на общество. Среднее время ежедневного использования социальных платформ составляет 2 часа 21 минуту, с существенными региональными вариациями: от 4 часов 13 минут в Кении до 46 минут в Японии. Современный пользователь инкорпорирует в свою цифровую активность приблизительно 6.83 различных платформ ежемесячно, что свидетельствует о диверсификации его онлайн-присутствия [6].

Переходя к анализу функционального назначения, следует отметить, что социальные сети эволюционировали от инструмента развлечения к ключевому средству коммуникации, профессиональной деятельности и самореализации. Они способствуют преодолению географических барьеров, поддержанию социальных связей и формированию новых сообществ по интересам. Для молодых поколений они представляют собой естественную среду социализации, аналогичную традиционным формам общения для предыдущих поколений. Кроме того, платформы предоставляют беспрецедентный доступ к информации, выступая каналом для образования, профессионального развития и продвижения предпринимательских инициатив.

Методологической основой исследования выступил системный анализ, позволивший рассмотреть социальные сети как комплексный феномен. Были применены методы сравнительного анализа статистических данных, классификации этических проблем и синтеза теоретических подходов к цифровому взаимодействию. Источниковую базу составили научные публикации, данные авторитетных исследовательских центров и нормативно-правовые акты.

Широкая интеграция социальных сетей в повседневную жизнь порождает ряд серьезных этических и социальных проблем. В качестве первой группы проблем рассматривается воздействие на психологическое состояние индивида. Эмпирические исследования демонстрируют корреляцию между активным использованием социальных сетей и ростом уровня тревожности, депрессивных симптомов, а также искажением восприятия собственного тела, особенно в подростковой среде. Данный феномен объясняется механизмом постоянного социального сравнения с идеализированными и курируемыми образами других пользователей. Далее следует констатировать высокий аддиктивный потенциал платформ. Бесконечные ленты контента и система уведомлений, основанные на алгоритмах подкрепления, провоцируют формирование поведенческой зависимости, что ведет к снижению продуктивности и симптомам психологического дискомфорта при отсутствии доступа. Следующим аспектом анализа выступают риски для приватности и безопасности. Активный обмен личной информацией создает угрозы мошенничества, кибербуллинга и несанкционированного использования данных. Размещение избыточных сведений о себе (адрес, график) может трансформироваться в реальную физическую опасность. Кроме

того, наблюдается феномен подмены реальных социальных действий виртуальными, когда символическая активность в сети (например, публикация поддерживающего контента) воспринимается как эквивалент реальной помощи, что ведет к девальвации эмпатии и социальной ответственности. Наконец, социальные сети являются каналом распространения дезинформации и низкопробного контента, что оказывает негативное влияние на когнитивные способности, способствуя информационной перегрузке и снижению концентрации внимания.

Эволюция интернет-коммуникации обусловила формирование специфического свода правил — сетевого этикета, или нетикета. Возникнув в 1980-х годах в среде первых интернет-сообществ (FidoNet, Usenet), нетикет изначально базировался на регламентированных нормах академической и военной среды. Массовизация интернета в 1990-х годах привела к стихийной самоорганизации правил общения, феномену «Вечного сентября». Знаковым событием стала публикация в 1994 году работы Вирджинии Ши «Netiquette», систематизировавшей основные принципы поведения в сети. Современный цифровой этикет базируется на принципах уважения, удобства и безопасности. К общим нормам для всех платформ относятся:

- Уважение ко времени собеседника (отказ от коммуникации в нерабочее время без необходимости).
- Грамотность и структурированность изложения.
- Исключение использования капса (воспринимается как крик) и флуда.
- Осторожность в применении смайлов и юмора в деловом общении.
- Безусловное уважение приватности других пользователей.

Специфические нормы регламентируют коммуникацию в мессенджерах (ограничение голосовых сообщений в деловой среде, целостность изложения мысли), на видеоконференциях (пунктуальность, соответствующий внешний вид и фон) и в социальных сетях (персонализация обращений, контроль частоты публикаций, уважение к отказам в добавлении в друзья).

В условиях цифровой среды управление персональными данными и самопрезентацией становится критически важной компетенцией. Цифровой след определяется как совокупность информации об индивиде, остающейся в сети в результате его действий [1]. Он подразделяется на:

- Активный след — данные, сознательно публикуемые пользователем (посты, комментарии, фотографии).
- Пассивный след — информация, собираемая без прямого участия пользователя (история браузера, метаданные, данные устройств). Цифровой след формирует цифровую репутацию, которая анализируется работодателями, учебными заведениями и финансовыми институтами такими как банковская система. В целях безопасности категорически не рекомендуется публиковать конфиденциальные личные данные, информацию

о третьих лицах без их согласия, а также контент, носящий клеветнический, оскорбительный или противоправный характер. Принципы ответственной самопрезентации включают:

1. Аутентичность — соответствие сетевого образа реальной личности.

2. Осознанность — оценка потенциальных долгосрочных последствий публикации для репутации и прав других людей.

3. Конструктивность — ориентация на позитивный и полезный контент, ведение дискуссий в уважительной манере. Для защиты приватности рекомендуется проводить периодический аудит своего цифрового следа, ужесточать настройки конфиденциальности на платформах и использовать технические средства защиты (менеджеры паролей, двухфакторную аутентификацию, блокировщики трекеров).

Коммуникация в сети породила такие негативные явления, как хейтинг, троллинг и кибербуллинг. В отличие от них, конструктивная критика представляет собой форму обратной связи, направленную на улучшение и личностный рост. Ее ключевые принципы:

— Критика действий, а не личности индивида.

— Конкретность и ориентация на предложение решений.

— Соблюдение баланса между указанием на недостатки и признанием сильных сторон.

— Выбор адекватного времени и контекста для обратной связи.

В отличие от конструктивной критики, деструктивная критика и «хейтинг» нацелены на унижение и самоутверждение за счет другого. Сведем данные в таблицу 1. «Тролли» занимаются целенаправленной провокацией для генерации конфликтов, в то время как «хейтеры» движимы реальной ненавистью. Оба феномена усиливаются «эффектом растормаживания в сети», обусловленным анонимностью и дистанцированностью. «Кибербуллинг» определяется как систематическая и целенаправленная травля с использованием цифровых технологий [8]. Его формы включают хейтинг, киберсталкинг, аутинг и создание фейковых аккаунтов. Стратегии противодействия включают сбор доказательств, блокировку агрессора и обращение в правоохранительные органы в случае угроз.

Таблица 1

Аспект	Конструктивная критика	Деструктивная критика
Цель	Помощь, улучшение, поддержка роста	Унижение, подавление, самоутверждение за счет другого
Фокус	Конкретные действия, работа, поведение	Личность, характер, внешность
Подача	Уважительный тон, конкретные примеры, предложения по улучшению	Оскорбления, обобщения («ты всегда», «ты никогда»), отсутствие решений
Результат	Развитие, обучение, укрепление доверия	Обида, снижение самооценки, конфликты

Цифровая среда актуализировала проблемы соблюдения авторских прав. К объектам авторского права относятся тексты, аудиовизуальные произведения, фотографии, дизайн и программное обеспечение. Автору принадлежат исключительное (имущественное) право и личные неимущественные права (авторство, имя, неприкосновенность произведения). Законодательство (в частности, ст. 1274 ГК РФ) допускает использование произведений без согласия автора в случаях цитирования, использования в информационных и личных некоммерческих целях при условии указания автора и источника [2]. Этический аспект распространения информации базируется на следующих принципах:

1. Принцип атрибуции — обязательное указание автора и источника заимствования.

2. Принцип верификации — проверка достоверности информации перед ее репостом.

3. Принцип контекстуальной сохранности — недопущение искажения исходного смысла цитаты.

4. Принцип уважения к приватности — отказ от распространения личной информации о третьих лицах без их согласия. Ответственный пользователь осознает свою

роль как медиатора информации и несет моральную ответственность за контент, вводимый им в информационный поток [3].

Связь между активностью в социальных сетях и ментальным здоровьем является комплексной. Согласно исследованиям, 48 % американских подростков признают негативное влияние платформ на сверстников, а 45 % констатируют чрезмерность своего времени в сети [4]. Подростки женского пола более уязвимы, сообщая о большем вреде для ментального здоровья, самооценки и сна. До 72 % подростков сталкивались с кибербуллингом, который сильно коррелирует с суицидальными мыслями [5]. С другой стороны, социальные сети выполняют и позитивные функции: поддержание социальных связей (74 % подростков), творческая самореализация (63 %) и доступ к поддерживающим сообществам, особенно для маргинализированных групп. В качестве противовеса негативным эффектам предлагается концепция «экологичного потребления» в цифровой среде [7]. Она предполагает:

— Осознанное формирование информационной ленты.

— Регулярные цифровые детоксы.

— Установление лимитов использования приложений.

— Критическое осмысление контента перед распространением.

— Приоритет глубоких дискуссий над погоней за метриками вовлеченности. Особую озабоченность вызывают алгоритмы рекомендательных систем, создающие «пузыри фильтров» и потенциально нормализующие деструктивные состояния. Перспективным направлением считается разработка алгоритмов «прецизионной профилактики», способных мягко направлять пользователей в состоянии кризиса к ресурсам поддержки.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что этика в социальных сетях представляет собой неотъемлемый элемент цифровой зрелости личности и общества. Цифровой этикет, понимание цифрового следа, уважение к авторскому праву и осознанное потребление контента являются ключевыми компетенциями для ми-

нимизации рисков и максимизации преимуществ цифровой среды. Виртуальное пространство является продолжением реального, а потому нормы эмпатии, ответственности и уважения сохраняют в нем свою актуальность и значимость. В качестве практической рекомендации предлагается проведение персонального аудита цифрового поведения, включающего ревизию настроек приватности, оптимизацию информационной ленты и рефлекссию над последствиями своих онлайн-действий. Несмотря на существующие вызовы, растущее внимание к вопросам цифровой этики со стороны пользователей, экспертов и платформ свидетельствует о позитивной динамике. При осознанном и ответственном подходе социальные сети способны стать платформой для конструктивного диалога, повышения информированности и коллективного развития.

Литература:

1. Хусаинов, Т. М. Человек и его цифровой след: фантастические факты становятся реальностью / Т. М. Хусаинов. — Текст: электронный // НИУ ВШЭ: [сайт]. — URL: <https://nnov.hse.ru/news/554604397.html> (дата обращения: 03.11.2025).
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025)
3. Бегниязова, К. А. Этика журналистики в цифровую эпоху / К. А. Бегниязова, Г. П. Шарипова. — Текст: непосредственный // Turkish Journals. — 2025. — № Vol. 1 No. 8 (2025). — С. 15–16.
4. Абдикалиева, А. Влияние социальных сетей на психическое здоровье личности / А. Абдикалиева. — Текст: непосредственный // Экономика и социум. — 2025. — № 8. — С. 526–529.
5. Карауш, И. С. Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков / И. С. Карауш, И. Е. Куприянова, А. А. Кузнецова. — Текст: непосредственный // Суицидология. — 2020. — № 1(38). — С. 117–129.
6. Какие страны проводят больше всего времени в социальных сетях в 2025 году? — Текст: электронный // UrbanExpert: [сайт]. — URL: <https://urbanexpert.kz/amp/news/world/kakie-strani-provodyat-bolshe-vsego-vremeni-v-sotsialnih-setyah-v-2025-godu-397> (дата обращения: 03.11.2025).
7. Дети и безопасность в социальных сетях: руководство для родителей. — Текст: электронный // Kaspersky: [сайт]. — URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/parents-and-social-media> (дата обращения: 03.11.2025).
8. Кто такие сетевые тролли и хейтеры? — Текст: электронный // Lazarev: [сайт]. — URL: <https://lazarev.ru/news/world/kto-takie-setevyie-trolli-i-xejteryi/> (дата обращения: 03.11.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 45 (596) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 19.11.2025. Дата выхода в свет: 26.11.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.